

СВЯТЫНИ НАШЕГО СЪВЕРА.

(Путешествіе по Соловкамъ, Валааму и другимъ обителямъ
Сѣверной Россіи).

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

И. Остроумова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1897.

Соловецкій монастырь.

I.

Среди православныхъ едва-ли найдется человѣкъ, который-бы не зналъ о существованіи Соловецкаго монастыря. Кто самъ не бывалъ въ Соловкахъ, тотъ слышалъ о нихъ отъ странниковъ и другихъ людей, посѣщавшихъ „вотчину преподобныхъ Зосимы и Савватія“. Разказы о Соловкахъ слушаются всегда съ большимъ интересомъ,—настолько обитель эта замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ. Замѣчательна она особенностью своего географическаго положенія среди сѣвернаго холоднаго моря; славится она своими святынями, дорогими сердцу каждаго православнаго христіанина, — своими достопримѣчательностями, напоминающими цѣлый рядъ событій русской исторіи; славится она своимъ благоустройствомъ, завиднымъ благосостояніемъ, своею хозяйственностью, трудолюбіемъ и аскетизмомъ монашествующихъ: не даромъ Соловецкая обитель считается однимъ изъ самыхъ строгихъ рабочихъ монастырей въ Россіи. Желаніе побывать на Соловкахъ, помолиться святынямъ, поработать на пользу обители, ближе ознакомиться со всѣмъ складомъ и устоями ея жизни настолько сильно въ русскомъ народѣ, что ежегодно туда отправляются десятки тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества.

Радостное чувство, охватывающее путника при видѣ живописно раскинувшихся Соловецкихъ острововъ, внезапно появившихся въ безконечной однообразной морской дали, понятно только тому, кто испыталъ всѣ „казни египетскія“ во время скучнаго плаванія по мрачному, бурному Бѣлому морю. По мѣрѣ того, какъ пароходъ приближается къ Соловкамъ, начинаютъ обрисовываться все яснѣе и яснѣе зеленыя маковки церквей, башни на стѣнахъ, стѣны, набережная... Вотъ надъ гранитною набережною виднѣются уже довольно отчетливо величественныя монастырскія стѣны съ башнями, и между ними, ясно обрисовываясь высокимъ сводомъ, прикрывающимъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, показались Святыя Ворота и по бокамъ ихъ два пестрые причудливой формы столба. Монастырскія стѣны поражаютъ своимъ величіемъ и своеобразностью: это—сооруженіе сказочныхъ богатырей, а не постройка, сдѣланная слабыми руками человѣческими!—думается при видѣ этихъ стѣнъ. Это—громадныя необработанныя гранитныя глыбы, поваленныя другъ на друга и только въ промежуткахъ скрѣпленныя кирпичемъ и известью... За стѣною виднѣются древнерусскаго стиля храмы: Преображенскій соборъ, Никольская церковь, Успенская, Троицкая—Зосимы и Савватія, Больничная.

Стариною вѣетъ отъ этихъ древнихъ башенъ, церквей, строеній. Сколько вѣковъ стоятъ уже эти стѣны на Соловецкомъ островѣ, заброшенномъ въ непріятное, бурное море! Невольно припоминаются цѣлыя страницы изъ отечественной исторіи, когда подъ монастырскими стѣнами стояли вражескіе корабли и монастырское войско мужественно отстрѣливалось своими старинными пушками; припоминается раскольничій мятежъ съ его послѣдствіями... царь Іоаннъ Грозный и непокорный сверстникъ его игумень соловецкій Филиппъ, изгнанный царемъ изъ Соловковъ въ Тверской Отрочъ монастырь и задушенный тамъ Малютою Скуратовымъ...

Многое, многое припоминается изъ отдаленнаго прошлаго нашего отечества при видѣ этой обители - крѣпости. Павѣваетъ монастырь и другого рода мысли. Хозяйственныя строенія краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о неустоимомъ трудѣ и несокрушимой пастойчивости, съ какою наше монашество въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій проповѣдывало слово Божіе и насаждало культуру въ пустынныхъ дикихъ странахъ крайняго сѣвера. Видя все хозяйственное благоустройство монастыря, поражаешься этой побѣдой человѣка надъ скудною сѣвременною природою: тамъ, гдѣ нѣкогда были только голыя скалы, мохъ и лѣсъ, монастырская братія сумѣла обезпечить себя всѣмъ необходимымъ, чтобы не пользоваться почти ничѣмъ „мірскимъ“. Окрестные жители многому научились у трудолюбивыхъ и искусныхъ монаховъ, многое переняли у нихъ, ввели у себя и тѣмъ улучшили свое благосостояніе и жизнь и обращались къ вѣрѣ.

Соловки расположены на цѣлой группѣ острововъ: на Соловецкомъ, Анзерскомъ, двухъ Заяцкихъ и двухъ Муксальмскихъ: Большомъ и Маломъ. Монастырь расположенъ на главномъ островѣ—Соловецкомъ. Соловецкіе острова образовались путемъ медленнаго поднятія морского дна, которое продолжается и до сихъ поръ. Что поднятіе это продолжается и понынѣ подтверждается, между прочимъ, показаніями старыхъ монаховъ. Нѣкоторые старцы помнятъ, что до Крымской кампаніи морскія суда проходили между двумя крестами, поставленными слинкомъ 300 лѣтъ тому назадъ св. Филиппомъ, между берегомъ Соловецкаго острова и однимъ маленькимъ островомъ. Эти ворота значительно сокращали путь вступленія въ гавань, болѣе глубокой, входъ въ который крайне извилистъ и длиненъ. Нынѣ въ упомянутыя ворота могутъ входить только небольшія лодки и то въ полную воду *).

*) См. П. *Θ. Федоровъ*. Соловки, Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. 1889 г.

Соловецкій эстровъ, имѣющій въ длину 25 и въ ширину 16 верстъ, отлого спускается къ морю; берега его низменны и каменисты, и только на югѣ берегъ оканчивается гранитнымъ утесомъ. Поверхность острова гористая: вся она состоитъ изъ бугровъ, холмовъ и отлогихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ и кустарникомъ; то же самое относится и къ другимъ островамъ. Высшая точка Соловецкихъ острововъ—Сѣкирная гора: высота ея надъ уровнемъ моря равна 280 футамаъ. Лѣсъ, покрывающій Соловецкіе и другіе острова, состоитъ изъ низкорослыхъ деревьевъ, негодныхъ для построекъ; только въ центрѣ острова попадаетъ строевой лѣсъ. Ель, сосна, береза и ольха встрѣчаются на Соловкахъ часто; осина, рябина, ива, тальникъ попадаются рѣже, а черемуха составляетъ почти рѣдкость. Изъ плодовыхъ кустарниковъ встрѣчается: черная и красная смородина, малина, можжевельникъ; на мхахъ поспѣваетъ: морошка, брусника, черника, голубица, клюква, грибы.

Островъ Большая Муксальма соединенъ съ Соловецкимъ длинною гатью, сложенною изъ громадныхъ валуновъ; гать эта—нѣчто въ родѣ исполинскаго моста, который по срединѣ прерывается для прохода судовъ. Здѣсь устроенъ деревянный разводной мостикъ. Постройка гати состояла въ томъ, что проливъ между островами монахи завалили до самаго дна камнями и покрыли эту каменную насыпь щебнемъ и пескомъ. По бокамъ мостъ усиленъ наваленными сюда нарочно глыбами скалъ, защищающими его отъ бури и ледяныхъ глыбъ. Поразительно, что такое исполинское сооруженіе воздвигнуто безъ всякихъ крановъ и тому подобныхъ механическихъ приспособленій, одною рабочею ручною силою.

Соловецкіе острова изобилуютъ озерами; всѣхъ озеръ—большихъ и малыхъ—знатоки насчитываютъ до 300. Озера много содѣйствуютъ красотѣ видовъ въ Соловкахъ; различныя сочетанія сѣрыхъ скалъ, зеленаго лѣса.

голубого неба съ зеркальною поверхностью озеръ вносятъ разнообразіе въ скудную сѣверную природу островъ и даютъ массу художественныхъ эффектовъ.

„... Да, дѣйствительно, въ красотѣ этихъ озеръ и лѣсовъ Богъ явилъ величайшее изъ чудесъ своихъ. Каждое такъ и просится на полотно. На небольшомъ клочкѣ земли природа развиваетъ предъ вами всѣ свои богатства. Какія сочетанія цвѣтовъ и лиліи! Посмотрите, напр., хоть на это озеро. Оно и все-то протянулось сажень на тридцать, но въ зеркалѣ его водѣ отражаются серебряные, словно расплавленные, комья небесныхъ тучекъ, голубая синь и неровная зубчатая линія лѣсныхъ вершинъ. Какимъ блаженнымъ миромъ и спокойствіемъ вѣетъ на странника этотъ маленькій, весь потонувшій въ зелени черемховыхъ кустовъ островокъ. А этотъ острый камень, словно громадная игла, выступающій изъ воды? На крайней точкѣ его спокойно усѣлась бѣлая чайка и цѣлые часы сидитъ она тутъ, словно нѣжась въ лучахъ полуденнаго солнца. У самаго берега точно повисли въ водѣ неподвижныя рыбки. Едва-едва шевельнутъ онѣ плавниками и снова замираютъ надолго. А вотъ по самому дну пробирается хищная щука. Вонъ она передъ вами какъ на ладони. Чудныя озера!“ *).

Монахи сумѣли воспользоваться даровою водою силою для различныхъ своихъ нуждъ: они соединили между собою большинство озеръ каналами, на которыхъ устроили мельницы, вѣялки, сукновалки и другія хозяйственныя приспособленія. Вода въ Соловецкихъ озерахъ несомнѣнно образовалась изъ атмосферныхъ осадковъ; на Соловецкомъ островѣ нѣтъ ни одного ручья или источника. Луга въ большинствѣ случаевъ обязаны своею растительностью удобренію: монахи рубятъ лѣсъ, сжигаютъ его и полученною золою

*) В. И. Немировичъ-Данченко, Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е, стр. 267—268.

удобряютъ почву, для осушенія которой проведены канавы. Въ мѣстахъ близкихъ къ монастырю почва удобряется навозомъ. Общая площадь, занимаемая лугами, равна 2,000 десятинамъ, сѣна снимается съ нея ежегодно около 50 тысячъ пудовъ.

Лѣса, луга и поля Соловецкихъ острововъ изобилуютъ дичью и разнаго рода звѣремъ. На Большомъ Заяцкомъ островѣ живутъ дикіе лапландскіе олени—потомки оленей, привезенныхъ сюда еще св. Филиппомъ; здѣсь же водятся лисицы, зайцы, бѣлки. Волковъ, медвѣдей и другихъ хищниковъ нѣтъ. Осенью монастырское начальство посылаетъ годовыхъ богомольцевъ ловить оленей сѣтями, а лисицъ капканами; убивать животныхъ съ пролитіемъ крови строго воспрещается, по душиить и ловить въ ловушки не возбраняется. Другіе звѣри и птицы здѣсь не преслѣдуются, а потому они не такъ пугливы, какъ въ другихъ мѣстахъ; по существующіе рассказы о необычайной довѣрчивости соловецкихъ животныхъ и птицъ, преувеличены; такую довѣрчивость обнаруживаютъ, какъ увидимъ ниже, только чайки. Оленей ловятъ и убиваютъ ради ихъ кожи, шерсти и мяса; изъ кожи выдѣлываютъ рукавицы, обувь, шерстью набиваютъ тюфяки, подушки, мясо идетъ въ пищу наемнымъ рабочимъ.

Соловецкія озера вообще бѣдны рыбою, а въ нѣкоторыхъ ея нѣтъ вовсе. Щука, налимъ, окунь, ершъ—вотъ и весь выборъ озерной рыбы. Зато море изобилуетъ сельдью, лососью, камбалой, навагой, корюшкой, мелкою трескою. Въ хорошіе годы одной сельди ловятъ 2,000 пудовъ. Монахи солятъ сельдь лучше архангельцевъ, но хуже голландцевъ. На тюленей, которыхъ здѣсь называютъ нерпами, лысухами, охотятся богомольцы; монашескіе пояса и часть обуви готовятъ изъ першчпныхъ кожъ, обрабатываемыхъ на кожевенномъ заводѣ.

Птицамъ на Соловецкихъ островахъ привольно—никто ихъ не преслѣдуетъ. Пѣвчія птицы имѣютъ здѣсь

только двухъ представителей: малиновку и зяблика, если не считать чечетокъ и свирестелей. Но ихъ такъ мало, что пѣнія ихъ почти не слышно. Въ соловецкихъ лѣсахъ царствуетъ унылая тишина, въ нихъ пѣтъ жизни, такъ какъ почти нѣтъ пѣвчихъ и другихъ мелкихъ птицъ. Дальнѣйшее пернатое царство состоитъ изъ орловъ, ястребовъ, воронъ и бороновъ, глухарей, куропадокъ, рябчиковъ, журавлей, лебедей, гусей, гагаръ, утокъ; въ самомъ монастырѣ живутъ круглый годъ: воробьи и голуби, зимою — вороны, а лѣтомъ — чайки.

Особенно поражаютъ прѣзжаго несмѣтныя толпы чаекъ, обитающихъ въ Соловкахъ. Чайки эти очень велики, съ гуся, и почти совершенно бѣлы. Онѣ налетаютъ съ весной, съ Благовѣщенія, и расселяются по монастырю. Любопытны нѣкоторыя подробности, касающіяся ихъ весенняго прилета. Раннею весною двѣ или три чайки появляются въ монастырѣ какъ бы для предварительной развѣдки — узнать, все ли въ монастырѣ обстоитъ благополучно и можно ли здѣсь поселиться на лѣто. Передовыя чайки эти съ громкимъ крикомъ облетаютъ монастырь, садятся на крестъ колокольни и, отдохнувъ, возвращаются къ товарницамъ. Проходитъ иногда нѣсколько дней, а иногда недѣль, пока чайки начинаютъ прилетать въ большомъ количествѣ; каждый день прибываютъ новыя стаи, радостно привѣтствуемыя монахами, истомившимися отъ долгаго зимняго однообразія. У монаховъ существуетъ примѣта: чѣмъ больше весною прилетѣло чаекъ, тѣмъ больше будетъ богомольцевъ. Прежде всего, прибывшія чайки прогоняютъ вороповъ, жившихъ въ монастырѣ зимою, а затѣмъ принимаются строить гнѣзда. Гнѣзда ихъ расположены вдоль дорожекъ, устланныхъ плитнякомъ; онѣ виднѣются и въ зеленн куртинъ, и внѣ монастыря по холмкамъ и кочкамъ на самыхъ торныхъ мѣстахъ, на крышахъ, подлѣ стѣнъ. Рѣзкій и непріятный крикъ чаекъ не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью; говорятъ, что чайки очень мстительны, и чело-

вѣку, ихъ обидѣвшему, приходится испытать ихъ своеобразный и очень непріятный способъ мести.

Климатъ Соловецкихъ острововъ сырой, холодный, перемѣнный, неблагопріятный для здороваго существованія человѣческаго организма, что доказывается большимъ количествомъ простудныхъ заболѣваній, особенно ревматическихъ. Громадное большинство монашествующихъ страдаетъ ревматическими болями, наступающими или усиливающимися во время ненастной погоды; кромѣ того, нерѣдки бронхитъ, воспаленіе легкихъ, чахотка, зубныя боли *). Большинство монаховъ умираютъ отъ чахотки.

Съ начала октября и до половины апрѣля Соловки покрыты снѣжнымъ саваномъ. Въ продолженіе большей части длинной зимы монахамъ приходится жить въ полутьмѣ, а ноябрь и декабрь, вслѣдствіе сильныхъ тумановъ и ненастной погоды, представляютъ почти сплошную ночь: бываетъ, что много дней подъ-рядъ ни одинъ лучъ не освѣщаетъ занесенной снѣгомъ обители. Самая длинная ночь длится безъ четырехъ минутъ 22 часа, слѣдовательно, на долю дня приходится всего 2 часа!

Короткое лѣто, продолжающееся всего два съ половиною мѣсяца, рѣдко бываетъ жаркимъ, да и то жары наступаютъ поздно—въ іюль и въ первой половинѣ августа.

Зимою Бѣлое море замерзаетъ вокругъ Соловецкихъ острововъ верстъ на десять, и ледъ этотъ, отрываемый волнами и вѣтромъ, уносится во всѣ стороны. Эти плывучія льдины дѣлаютъ судоходство невозможнымъ, но почтовое сообщеніе монастыря съ материкомъ, тѣмъ не менѣе, не прекращается; само собою, что оно не можетъ совершаться правильно и при томъ не чаще, какъ разъ мѣсяца въ полтора. Почтовая лодка совершаетъ свои рейсы между южнымъ берегомъ Малой Муксальмы и

*) См. П. А. Федоровъ, Соловки, стр. 11.

мысомъ Лѣтнимъ Орловымъ, удаленнымъ отъ материка не болѣе двадцати пяти верстъ. Опасная переправа эта совершается въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ монастыря чрезъ постоянный мостъ на большую Муксальму, отсюда чрезъ узкій проливъ на Малую Муксальму, съ послѣдняго острова по морю до мыса Лѣтняго Орлова, а отсюда до Архангельска. Самая трудная и опасная часть переправы—чрезъ водное незамерзающее пространство. Для такого путешествія монахи нанимаютъ опытныхъ поморовъ. Поморы имѣютъ особую лодку, снабженную на нижней своей поверхности полозьями, позволяющими тащить судно по льду и снѣгу. Такая лодка вмѣщаетъ до 15 пудовъ груза и до шести человѣкъ пассажировъ. Если на пути встрѣчаются большія льдины, то лодку перетаскиваютъ черезъ нихъ, если же—маленькія, то ихъ стараются обойти. Случается, что болѣшую половину пути приходится тащить лодку по льду. Обыкновенно, поморамъ, благодаря ихъ опытности и ловкости, удается благополучно переправиться по открытому морю, не отклоняясь въ сторону. Но бываетъ также, хотя и рѣдко, что неблагопріятный вѣтеръ уноситъ лодку въ открытое море. Тогда ее ставятъ на большую льдину и, помѣстившись на ней, отдаютъ себя на произволъ морскихъ волнъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ почтовой лодкѣ въ такомъ положеніи пришлось путешествовать 18 дней! Запасъ провизіи изсякъ и несчастныхъ ожидала голодная смерть, но тутъ, въ самую критическую минуту, люди замѣтили двухъ тюленей, вылѣзшихъ изъ воды на льдину. Прикончивъ тюленей, люди питались ихъ мясомъ, пока на двадцатый день льдину не принесло къ восточному берегу Бѣлаго моря...

Населеніе Соловецкаго монастыря состоитъ, кромѣ монаховъ и послушниковъ, изъ такъ называемыхъ годовыхъ даровыхъ рабочихъ-богомольцевъ, изъ наемныхъ рабочихъ и лѣтомъ -- изъ богомольцевъ обоего пола, пріѣзжающихъ дня на три или на шесть. Даровые ра-

бочіе-богомольцы прїѣзжаютъ обыкновенно на одинъ годъ, рѣже—на два и еще рѣже—на три года, по обѣщанію. Ихъ бываетъ въ годъ отъ 500 до 600 человекъ; большинство ихъ—архангельскіе и вологодскіе.

Въ свое время Соловецкій монастырь принесъ несомнѣнную пользу населенію бѣломорскаго побережья, развивая его хозяйственность и улучшая его нравы и бытъ. Но и въ прошломъ матеріальное значеніе монастыря было довольно слабо, главная же заслуга его въ томъ, что онъ, дѣйствуя своимъ хорошимъ примѣромъ, вліялъ благотвѣтельно на нравственность сосѣднихъ обитателей. Условія монастырской жизни не даютъ богомольцу возможности научиться незнакому ему ремеслу; дѣйствительно, всѣми мастерскими завѣдываютъ монахи и богомольцы работаютъ подъ ихъ началомъ, исполняя въ большинствѣ случаевъ (если не исключительно) только черную работу; на этомъ послушаніи они обыкновенно и остаются весь годъ своего пребыванія въ монастырѣ, исполняя только въ особыхъ случаяхъ (напр., во время покоса) другого рода черную работу; слѣдовательно, съ какимъ-нибудь ремесломъ въ его совокупности годовой богомолецъ познакомиться не можетъ. О другихъ же ремеслахъ и работахъ и говорить нечего: ходитъ по мастерскимъ, присматриваться богомольцу невозможно, такъ какъ онъ цѣлый день занятъ своимъ послушаніемъ, а въ праздникъ работъ нѣтъ. Поэтому, богомолецъ, вернувшись въ свою деревню, едва ли будетъ въ состояніи ввести въ своемъ хозяйствѣ что-либо новое, такъ какъ, хотя онъ въ монастырѣ и видѣлъ много полезныхъ приспособленій, но изучитъ ихъ настолько, чтобы ввести у себя, онъ не имѣлъ возможности. Но годовое пребываніе въ монастырѣ несомнѣнно оказываетъ благотворное вліяніе на нравственность богомольца; Соловецкій монастырь даетъ годовымъ рабочимъ-богомольцамъ, взявъ ихъ работы и пожертвованій, дѣйствительное удовлетвореніе нѣкоторымъ духовнымъ

потребностямъ, глубоко коренящимся въ русскомъ простолудинѣ и составляющимъ самое дорогое его достояніе, именно потому, что достояніе это не вещественное, а духовное. Если бы Соловецкая обитель не удовлетворяла этимъ народнымъ потребностямъ, то едва ли могла бы устоять и вся организація монастырской общины, несомнѣнно измѣнившаяся съ XV вѣка и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, не исключая и XIX, постоянно примѣнявшаяся къ современнымъ потребностямъ нашей сѣверной окраины.

Богатство, слава и величіе Соловецкой обители поддерживается, главнымъ образомъ, благочестіемъ русскаго народа, его вѣрою въ святость и могущество преподобныхъ Зосимы и Савватія и въ святость ихъ обители. Благодаря этому благочестію и вѣрѣ, народъ посылаетъ въ обитель даровой трудъ, разнаго рода дары натурою (скоть, церковныя вещи, холстъ *) и деньги, причемъ послѣднія или подносятся въ даръ преподобнымъ, или уплачиваются за свѣчи, просфоры, панихиды, молебны. Въ хорошіе годы весь доходъ монастыря простирается до 170 тысячъ рублей **).

Если принять ежегодную цифру богомольцевъ, посѣщающихъ Соловки, въ средней сложности всего въ 15 тысячъ человекъ (на самомъ дѣлѣ она обыкновенно больше), то и тогда доходъ монастыря будетъ громаденъ; каждый богомольецъ оставитъ въ монастырѣ рублей 10, а обойдется братіи всего лишь 2 р., такъ что богомольцы принесутъ монастырю средняго дохода $15,000 \times 8 = 120,000$ р., не считая богатыхъ вкладовъ, дѣлаемыхъ зачастую купечествомъ и другими зажиточными людьми. Каждый годъ монастырь пользуется даровою работою 500 годовыхъ богомольцевъ; полагая за-

*) Замѣтимъ, кетати, что монахи не покупаютъ холста вовсе: все бѣлье монастырское — для монашествующихъ и годовыхъ богомольцевъ — шьется изъ холста, жертвуемаго богомолками.

**) См. П. О. Федоровъ, стр. 312.

работную ихъ ежедневную плату всего въ 30 к., мы получимъ, считая 280 рабочихъ дней въ году, 42,000 р. въ годъ; считая затѣмъ трудъ ста мальчиковъ, учащихъ въ монастырской школѣ, но употребляемыхъ на разныя легкія работы, по 10 к. въ день, этотъ дѣтскій даровой трудъ доставитъ монастырю въ годъ 3,000 р. Если принять далѣе во вниманіе, что всѣ часовни обительскія въ Архангельскѣ и иныхъ мѣстахъ, подворья, лавки и кладовыя, отдающіяся въ наймы, приносятъ ежегодно до 15,000 р., да монастырскіе капиталы въ 25,000 р. даютъ 1,250 р. процентовъ, то доходы монастыря представляютъ уже почтенную цифру въ 212,000 р., которую невозможно прожить монахамъ, далеко не избалованнымъ съ малолѣтства ни въ пищѣ, ни въ обиходѣ. Утверждаютъ, что прежде средства обители были гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь, что добротное даяніе оскудѣло, вслѣдствіе вообще упадка благосостоянія сѣвернаго населенія; и богомольцевъ было прежде больше, да и приношенія дѣлались чаще и крупнѣе; еще сравнительно недавно цифра ежегодныхъ приношеній достигала трехсотъ тысячъ рублей, но теперь по словамъ монаховъ,—„вѣра оскудѣла“ *).

Еще сравнительно недавно Соловецкая обитель служила мѣстомъ ссылки; сюда ежегодно командировалась особая военная команда, въ составѣ одного офицера и 20 рядовыхъ изъ архангелогородскаго мѣстнаго баталіона для различныхъ служебныхъ нарядовъ. Такъ какъ цѣль командированія ея для содержанія караула при тюрьмѣ утратила всякое значеніе, за упраздненіемъ тюрьмы, то Великій Князь Владиміръ Александровичъ, посѣщавшій Соловецкій монастырь въ 1885 году, призналъ безцѣльнымъ дальнѣйшее пребываніе команды на островѣ и повелѣлъ ей возвратиться къ своему баталіону.

*) Вотчина Зосимы и Савватія, Очеркъ В. Майнова. (Живописная Россія. Т. I., стр. 303).

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ природою Соловковъ, съ населеніемъ и характеромъ дѣятельности и значенія обители, перейдемъ къ исторіи Соловецкаго монастыря.

II.

Въ XV вѣкѣ жилъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ инокъ Савватій, бѣжавшій, подобно многимъ лучшимъ людямъ того времени отъ тревоженій мірской жизни и искавшій уединенія и подвиговъ. Но въ многолюдной обители на Бѣломъ озерѣ Савватій не нашелъ того, чего искалъ, а потому отправился далѣе на сѣверъ, пожилъ нѣкоторое время на Валаамѣ, но ушелъ и оттуда, и, встрѣтившись съ блаженнымъ Германомъ, отправился съ нимъ на Соловецкіе острова. Въ 1429 году Савватій и Германъ водрузили крестъ близъ горы Сѣкирной, отстоящей въ 12 верстахъ отъ нынѣшняго монастыря, и рѣшили основать здѣсь обитель.

Черезъ шесть лѣтъ по прибытіи на Соловецкіе острова Савватій скончался, и Германъ нашелъ себѣ новаго собрата и единомышленника въ лицѣ Зосимы. Зосима, потерявъ отца и мать, роздалъ свое имущество бѣднымъ и пожелалъ посвятить себя служенію Богу. По предложенію Германа онъ отправился на Соловецкіе острова и въ 1436 году основалъ первую келію въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго монастыря. Прослышавъ о томъ, что Зосима и Германъ поселились на Соловецкихъ островахъ, туда стали отправляться многіе иноки; были построены церковь, келіи и необходимыя строенія. Когда обитель была основана, Зосима отправилъ гонца въ Великій Новгородъ съ просьбою о положеніи игумена. Новгородскій архіепископъ Іона назначилъ на Соловки игуменомъ Павла. Прослышавъ объ основаніи новой обители, богатые новгородцы стали жертвовать ей участки земли съ рыбною ловлею. При третьемъ игуменѣ Іонѣ монастырь получилъ отъ Великаго Новгорода грамоту

на вѣчное владѣніе Соловецкими островами; грамота эта до сихъ поръ хранится въ монастырской ризницѣ; писана она полууставомъ и закрыта висячими свищовыми печатями. Обитель стала богатѣть и разрастаться. Братія устроила солеварни, салотопни, построила суда и занялась морскими промыслами.

Назначавшіеся отъ новгородскаго архіепископа игумены не долго могли переносить жизнь на Соловкахъ и подъ первымъ подходящимъ предлогомъ покидали обитель. Наконецъ, братія избрала игуменомъ преподобнаго Зосиму, и въ 1452 году состоялось его посвященіе. Между тѣмъ монастырю уже нѣсколько лѣтъ приходилось страдать отъ набѣговъ новгородской вольницы, которая, не признавая силы владѣнной грамоты, незаконно занималась промыслами на Соловецкихъ островахъ. Чтобы положить конецъ этимъ беззаконіямъ, преподобный Зосима отправился въ Новгородъ, гдѣ его съ почетомъ приняли всѣ, за исключеніемъ Марѳы Борецкой. Посадница сначала приказала его прогнать отъ своего дома, но потомъ раскаялась, вернула, пригласила на пиръ, по окончаніи котораго вручила ему еще дарственную грамоту на владѣніе участкомъ на Корельскомъ берегу, гдѣ въ настоящее время находится Сумскій посадъ. Эта грамота также хранится въ монастырской ризницѣ. Пробывъ игуменомъ 27 лѣтъ, преподобный Зосима скончался.

Іоаннъ Грозный много покровительствовалъ Соловецкому монастырю, въ особенности въ ту пору, когда игуменомъ состоялъ Филиппъ—его сверстникъ и любимецъ. Филиппъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ и воспитывался въ царскомъ дворцѣ въ Москвѣ. Когда ему было тридцать лѣтъ, онъ покинулъ царскій дворъ и удалился въ Соловки, а чрезъ десять лѣтъ былъ назначенъ игуменомъ. Во время игуменства Филиппа царь даровалъ обители цѣлыя деревни, имѣнія, варницы, рыбные промыслы; Соловки едѣлались

однимъ изъ самыхъ богатыхъ монастырей въ Россіи. Филиппъ былъ образцовымъ хозяиномъ: почти всё нынѣшнія устройства и приспособленія были сдѣланы по его инициативѣ, при чемъ большая часть его проектовъ были осуществлены еще при его жизни. Пользуясь своимъ богатствомъ, Филиппъ соединилъ между собою большинство озеръ канавами, засыпалъ болота, создалъ пастбища, развелъ скотъ на Муксальмѣ, оленей—на Заяцкомъ островѣ, построилъ знаменитую мельницу, существующую въ пзмѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ до сихъ поръ, создалъ соляныя варницы, построилъ кирпичный и кожевенный заводы, ввелъ выборное управленіе между монастырскими крестьянами...

Семнадцать лѣтъ мирно игуменствовалъ Филиппъ, какъ вдругъ Грозный призвалъ его къ себѣ и приказалъ принять Московскую митрополію. Филиппъ слышалъ, что творится на Москвѣ, слышалъ что Іоаннъ, окруженный опричниками, погрязъ въ жестокости и подозрительности, но не могъ ослушаться царскаго приказанія и долженъ былъ принять митрополію. Скоро онъ подпалъ, однако, подъ опалу царя, и не довелось ему болѣе увидать Соловковъ.

Вотъ какъ это случилось. Призываетъ какъ-то Грозный митрополита и говоритъ ему: „Благослови насъ по нашему изволенію“. Филиппъ не даетъ ему благословенія. „Не я просилъ тебя о санѣ“,— отвѣчаетъ митрополитъ,— „постыдись своей багряницы! Не могу повиноваться твоему велѣнію, паче Божьяго“. И кому говорить эти слова митрополитъ? Іоанну, въ періодъ злѣйшаго развитія его душевной болѣзни, говоритъ въ церкви предъ лицомъ всѣхъ опричниковъ, изъ которыхъ каждый—злодѣй! Царь долгое время щадилъ смѣлаго іерарха, но наконецъ назначилъ судъ. Обвиненіе новели изъ далекихъ Соловковъ, потому что въ Москвѣ поводовъ не было; подкупили соловецкаго игумена Пансея.

Филиппъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ, разоблаченъ изъ святительства и, приговоренный къ вѣчному заточенію, поносно изгнанъ въ Тверской Отрочъ монастырь. Здѣсь 23-го декабря 1569 года былъ онъ задушенъ Малютой Скуратовымъ“ *).

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда у русскаго правительства не установилось еще твердыхъ политическихъ отношеній съ Швеціей, Норвегіей и Финляндіей Соловецкій монастырь, какъ находящійся на открытомъ морѣ, вдали отъ центральной русской военной власти былъ въ постоянной опасности отъ разбойничьихъ нападений шведовъ, норвежцевъ и финляндцевъ.

Въ 1571 году въ первый разъ близъ Соловецкихъ острововъ показались шведскіе корабли. У монаховъ живо еще преданіе, по которому шведы нѣсколько дней покушались подойти къ обители и сдѣлать нападеніе, но какая-то невидимая сила скрывала отъ нихъ путь сюда. Въ то время монастырь былъ совершенно беззащитенъ въ военномъ отношеніи: стѣнъ еще не было, пороха и оружія также не имѣлось. Братія сильно перепугалась и почла за великое чудо, когда иноземцы удалились, не причинивъ обители никакого вреда. Черезъ нѣкоторое время игумень узпалъ, что шведы снова собираются идти войною на монастырь, и послалъ гонца къ Іоанну Грозному, прося помощи. Царь немедленно послалъ въ Соловки воеводу Озерова съ 4 пушкарями, 10 стрѣльцами, 100 ружинцами, 9 пищалями, 200 ядрами, 215 пудами пороха. Воеводѣ поручено было набрать изъ поморскихъ волостей войско. Въ 1759 году подъ руководствомъ Озерова вокругъ монастыря была построена деревянная стѣпа съ башнями и на ней были разставлены девять пушекъ; стрѣльцы были вооружены ружинцами и обучены крѣпостной службѣ. Соловецкая обитель превратилась въ военную крѣпость. Озеровъ

*) См. *К. Случевскій*. По сѣверу Россіи, стр. 16—17.

былъ убитъ во время нападенія финляндцевъ на Кемскую волость. Послѣ его смерти шведскіе и финляндскіе отряды, а также шайки всякаго сброда продолжали грабить и жечь волости соловецкія, и при томъ почти безнаказанно, такъ какъ монастырское войско было слишкомъ малочисленно, главныя же вооруженныя силы были заняты близъ Москвы.

Въ 1584 году царь Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣлъ обнести обитель каменною стѣною по плану монаха Трифона. Постройка, производившаяся монахами и монастырскими крестьянами, длилась безъ перерывовъ двѣнадцать лѣтъ. Это была сизифова работа! Огромнѣйшія глыбы дикаго булыжника въ естественномъ ихъ видѣ приходилось нагромождать другъ на друга, а промежутки между ними заполнять кирпичемъ на известкѣ. Удивительно какъ люди безъ подъемныхъ крановъ или другихъ механическихъ приспособленій поднимали и укладывали надлежащимъ образомъ каменныя глыбы до 500 пудовъ вѣсомъ! Какъ бы то ни было—въ 1596 г. крѣпость съ 8 башнями, благополучно выдержавшая впоследствии бомбардировку англичанъ, была готова. Одновременно съ монастырскою стѣною были воздвигнуты военныя укрѣпленія въ Кемѣ и Сумѣ.

Стычки съ шведами не прекращались, и соловецкое войско само сдѣлало набѣги на непріятельскую землю. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ монастырское войско состояло изъ 1040 человекъ. Монахи къ тому времени вполне освоились съ военнымъ дѣломъ и просили царя Михаила Ѳеодоровича предоставить командованіе монастырскимъ войскомъ настоятелю и келарю съ братією. Царь уважилъ эту просьбу. Въ 1637 году послѣдній воевода Крапивинъ сдалъ Соловецкому настоятелю Вароломею всѣ письменныя дѣла, острожныя ключи, снаряды и все вооруженіе и отбылъ изъ обители навсегда. Такимъ образомъ, съ этого времени Соловецкій настоя-

тель сдѣлался официально сѣвернымъ воеводой охранителемъ всего поморья *).

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ жизни Соловецкаго монастыря случилось такое происшествіе какого не знаетъ въ своей исторіи никакая другая обитель русская, а именно осада и взятіе монастыря войсками, присланными изъ Москвы для усмиренія раскольниковъ мятежа среди братіи. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію прискорбныхъ этихъ событій въ лѣтописяхъ Соловковъ, напомнимъ читателямъ о томъ, съ чего и какъ пошелъ по Руси расколъ. Это необходимо потому что мятежъ соловецкихъ монаховъ является только выраженіемъ общей народной воли, а не упрямствомъ отдѣльной горсти людей.

На царя Алексѣя громадное вліяніе имѣлъ патріархъ Никонъ. Крестьянскій сынъ Никонъ много терпѣлъ въ своемъ дѣтствѣ отъ мачихи, которая однажды едва не сожгла его въ печкѣ. Даровитый мальчикъ выучился грамотѣ и бѣжалъ въ монастырь, потомъ былъ священникомъ въ Москвѣ и, наконецъ, удалился въ самый строгій и уединенный скитъ на маленькомъ островкѣ на Бѣломъ морѣ, гдѣ было всего 12 человекъ братіи они жили въ избушкахъ, раскинутыхъ по острову, и питались подаваніемъ рыбаковъ. Слава подвиговъ и начитанность Никона дошли до свѣдѣнія Алексѣя, и онъ былъ сдѣланъ игуменомъ одного монастыря въ Москвѣ. Здѣсь царь сблизился съ Никономъ. Вскорѣ Никонъ былъ выбранъ въ патріархи (1652 г.), но онъ долго отказывался, пока царь вмѣстѣ съ боярами и толпой народа не стали кланяться ему въ ноги, обливаясь слезами. Упорный, горячій и заносчивый Никонъ сгоралъ честолюбіемъ и теперь достигъ цѣли—сталъ патріархомъ, почти царемъ: Алексѣй велѣлъ величать его въ грамотахъ „великимъ государемъ“.

*) См. П. О. Оедоровъ: Соловки, стр. 167.

Предшественникъ Никона, патріархъ Іосифъ, обративъ вниманіе на то, что рукописныя книги, за недостаткомъ печатныхъ, употребляемыя въ церквахъ, наполнены были грубыми ошибками, поручилъ особенной комиссіи исправить ихъ и напечатать. Выборъ палъ на людей отчасти злонамѣренныхъ, отчасти зараженныхъ предразсудками: то были протопопы Аввакумъ и Стефанъ, попы Лазарь и Никита. Отчасти по суевѣрію отчасти по невѣжеству и, быть можетъ, даже съ умысломъ, они издали бывшіе въ рукахъ ихъ неисправленные списки безъ всякихъ поправокъ, включивъ пѣкаторыя нелѣпыя толкованія.

Такое отношеніе комиссіи къ порученному ей дѣлу крайне возмутило Никона. Принявъ патріаршество, Никонъ спѣшилъ перепечатать снова книги, издавныя при патріархѣ Іосифѣ, по другимъ спискамъ, свѣреннымъ съ текстомъ, и строго наказалъ поправщиковъ. Онъ подвергъ ихъ истязанію, разстриженію и изгналъ изъ Москвы. Такою суровою распрavoю Никонъ нажилъ себѣ въ бывшихъ поправщикахъ злѣйшихъ враговъ. Удалившись въ свои села и деревни, съ злобою въ сердцѣ, они стали разглашать въ народѣ, что святая вѣра гибнетъ, что Никонъ — отступникъ православія. Слова ихъ поколебали людей суевѣрныхъ: возникла секта старообрядцевъ, сперва въ отдаленныхъ мѣстахъ, потомъ обнаружилась и въ селахъ и городахъ; секта эта отвергала вмѣстѣ съ неисправленными книгами все, что ни вводилъ Никонъ для благолѣпія церкви и торжественности богослуженія, живописныя иконы, согласное пѣніе и проч.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ русской церкви выработались мѣстныя особенности, не касающіяся сущности православія, по важныя въ глазахъ невѣжественной толпы. Начетчики говорили: „Намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ умирать за единъ „азъ“, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ символа тамъ,

идѣже глаголется о Иисусѣ Христѣ: „рожденна, а не сотворенна“; велика зѣло сила въ семь „азъ“ сокровенна“ *) Подобные вопросы приобрѣли особенное значеніе со введеніемъ книгопечатанія: ошибки и произвольныя особенности были внесены въ богослужебныя книги и получили освященіе печатнаго слова. Двуперстное сложеніе и сугубое аллилуія были утверждены даже Стоглавомъ, и самъ Никонъ сначала крестился двумя перстами. Говорили, что кто поклоняется восьмиконечному, а не четырехконечному кресту и кто пишетъ Иисусъ вмѣсто Исусъ—еретикъ...

Противъ Никона поднялась цѣлая буря. Двуперстники кричали, что проклинать двуперстіе значило проклинать предковъ и многихъ святыхъ, которые такъ крестились. Монахи роптали: „Намъ, чернецамъ, коснымъ, неперемчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться по новымъ книгамъ, а не навыкнуть“. Напрасно Никонъ созывалъ новые соборы, подтверждавшіе рѣшеніе перваго: волненіе увеличивалось, тѣмъ болѣе, что на сторону народа стали многіе попы, даже одинъ епископъ и такая вліятельная обитель, какъ Соловецкій монастырь, гдѣ избили плетью одного инока, рѣшившагося пѣть по новымъ книгамъ. Вопреки всей строгости мѣръ, принятыхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ уничтоженію нелѣпаго соблазна, старообрядцы появились и въ Москвѣ. Здѣсь они уже давно имѣли многихъ тайныхъ послѣдователей среди стрѣльцовъ; самъ начальникъ ихъ, князь Хованскій, чело-вѣкъ недалъновидный, былъ старовѣръ **).

Открытое возмущеніе раскольниковъ началось при настоятелѣ Варѣоломеѣ и длилось ровно десять лѣтъ. Смутамъ особенно содѣйствовали недовольство патріархомъ Никономъ, многочисленность

*) См. *Трачевскій*. Учебникъ русской исторіи, стр. 269.

**) См. *Устряловъ*. Русская исторія, ч. I, стр. 349.

братіи и наплывъ ссыльныхъ. Особенно противились Никону соловецкіе ссыльные, главаремъ которыхъ являлся князь Львовъ, бывшій главный начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ. Въ 1657 г. прибылъ въ Холмогоры съ новыми книгами боярскій сынъ; книгъ этихъ не приняли въ монастырѣ и монахи стали посылать въ Москву челобитныя. Число недовольныхъ росло. Къ нимъ присоединился и Никаноръ, архимандритъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, также удалившійся въ Соловки. Самъ соловецкій архимандритъ Вареоламей исключилъ изъ сѣмвола вѣры слово „истиннаго“, и онъ же ѣздилъ въ Москву съ своими объясненіями. Тогда царь послалъ въ Соловки комиссію, подъ начальствомъ архимандрита Старо-Ярославскаго монастыря Сергія. Это былъ „мужъ гордый, яко же древній фараонъ, и велерѣчивый“, т. е. совсѣмъ непригодный къ роли умиротворителя. Прибывъ въ Соловецкій монастырь, Сергіи собралъ монаховъ и прочелъ имъ царскій указъ. Среди братіи раздались крики: „указу послушны во всемъ, но повелѣнія о сѣмволѣ вѣры, сложенія перстовъ, аллилуія и новоизданныхъ книгъ не приедемъ!..“ „Горе намъ! отнимаютъ у насъ Сына Божія! Гдѣ вы дѣвали Сына Божія?“—кричали монахи. Они хотѣли даже потопить присланныхъ стрѣльцовъ, и самъ Сергіи поторопился отбыть въ Москву съ келаремъ Савватіемъ; онъ взялъ съ собою также князя Львова и другихъ непокорныхъ. По отъѣздѣ его избранъ былъ монахами новый келарь Азарій, открытій врагъ новонсправленныхъ книгъ; монахи послали царю челобитную, въ которой изложили, что за вѣру чудотворцевъ готовы смерть принять; многіе приняли схиму; „позволь намъ, Государь,—писали они,—въ томъ же преданіи быть, чтобы намъ врозь не разбрестись и твоему богомолью украиному и порубежному мѣсту, отъ безлюдства неопустѣть“ *).

*) См. *К. Случевскій*. По сѣверу Россіи, стр. 20.

Между тѣмъ въ Соловки стекались разные люди даже грабители изъ шайки Степки Разина. Изъ Москвы отправленъ былъ новый архимандритъ Іосифъ; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ прежній Варѣоломей и заявивші свои раскольничьи воззрѣнія Никаноръ. Монахи не пріняли Іосифа, а у Варѣоломея разорвали клобукъ и выдрали волосы.

Все это заставило царя прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ отписалъ на себя все земли монастырскія, не велѣлъ пропускать запасовъ и послалъ въ Соловки сотника стрѣльцовъ. Но на монаховъ эта полумѣра не подѣйствовала, а потому царь послалъ стрѣльцовъ съ сотней двинскихъ стрѣльцовъ, съ приказаніемъ подчинить бунтовщиковъ оружіемъ и ввести законнаго настоятеля архимандрита Іосифа. Но царское войско было встрѣчено пушками — монахи и не думали сдаваться. Дерзость осажденныхъ росла: о прежнемъ послушаніи царю, выражавшемся въ челобитныхъ, не было и помину; наконецъ, на одной сходкѣ монахи рѣшили не молиться болѣе за царя. Въ безплодныхъ попыткахъ стрѣльцовъ взять монастырь прошло семь лѣтъ. Когда начальство надъ стрѣльцами было поручено воеводѣ Мещеринову, человѣку болѣе рѣшительному, чѣмъ его предшественники, монастыремъ удалось овладѣть, благодаря измѣнѣ. Къ воеводѣ представленъ былъ перебѣжчикъ, монахъ Θεоктистъ, объявившій, что подъ одною изъ башенъ (Бѣлой) находится подземный проходъ, ведущій изъ монастыря къ кладбищенской церкви, что этотъ проходъ закрытъ ветхою калиткою, и что предъ утреннею зарей ночная стража смѣняется и идетъ по келіямъ, а въ башняхъ для караула остается только по одному человѣку. Ненастная бурная погода способствовала приступу. Майоръ Келевъ, съ отрядомъ и проводникомъ Θεоктистомъ, прошелъ въ отверстіе, указанное перебѣжчикомъ, отворилъ затѣмъ Святыя Ворота и вступилъ черезъ нихъ воеводу съ остальнымъ войскомъ.

Осажденнымъ, застигнутымъ врасплохъ, уже не было никакого спасенія и не даю никакой пощады.

Воевода, возвратившись въ станъ свой, приказалъ позвать архимандрита Никанора, котораго братія незадолго предъ тѣмъ снова избрала игуменомъ. Никанора привезли въ небольшихъ саночкахъ: онъ былъ уже очень старъ и въ то время сильно болѣлъ погами, Воевода сказалъ ему:

— Рцы ми, Никаноре: чесо ради противился еси государю?

— Самодержавному государю ниже противляхомся, ниже противлятися помышляхомъ когда—отвѣтилъ Никаноръ.—Зане научихомся отъ отецъ къ царемъ чествованіе паче всего являти. Научихомся отъ самого Христа воздавати кесареви кесарево и Божіе Богови.

— Чесо ради обѣщався увѣщати прочіе къ покоренію, не токмо преступилъ обѣщаніе, но и самъ съ ними на сопротивленіе царици совѣщался еси?— снова спрашивалъ воевода.

— Понеже, Божіихъ неизмѣнныхъ законовъ апостольскихъ и отеческихъ преданій, посреде вселенныя живущимъ соблюдать не попускаютъ нововнесенные уставы и новинства патріарха Никона: сихъ ради удалихомся міра, избѣгохомъ вселенныя и мірскій стонъ, въ стяжаніе преподобныхъ чудотворцевъ, вселихомся преподобнымъ и ихъ чины и уставы и обычаи тѣмъ же благочестіемъ по стопамъ ихъ руководитися желающе.

— Чесо ради воинства во обитель не пускаете и хотящіе внити оружіемъ отбиваете?

— Васъ, иже растлити древнецерковные уставы, обругати священныхъ отецъ труды, сокрушити богоспасительные обычаи пришедшихъ—во обитель праведно не пуцахомъ.

На всякій вопросъ старецъ давалъ отвѣтъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ. Разгнѣванный воевода сталъ его бранить, по старецъ не потерялся и тутъ.

— Что величаешься?—говорить онъ;—что высишься Яко не боюся тебе, ибо и самодержца душу въ рук своей имѣю...

При этихъ словахъ воевода вскочилъ съ мѣста билъ старца тростью по головѣ, плечамъ и спинѣ, выбилъ ему зубы, приказалъ связать по ногамъ и бросит за оградою въ ровъ.

Въ одной рубашкѣ пролежалъ Никаноръ всю ночь а на утро умеръ *).

Главные зачинщики были частью казнены, часты сосланы въ Кольскій и Пустозерскій остроги, и тольк немногіе монахи были оставлены на Соловкахъ под условіемъ полной покорности царской волѣ. Многіе бѣжали на берега рѣки Выга въ Олонцинѣ, гдѣ основал раскольничьи монастыри Лекса и Даниловъ.

Мѣсто, чрезъ которое стрѣльцы проникли въ монастырь, показывается монахами посѣтителѣмъ: оно расположено около сушильни у Бѣлыхъ воротъ. Другой памятникъ раскольничьяго мятежа—Предтеченская часовня, гдѣ покоятся стрѣльцы, убитые во время осады монастыря.

Вслѣдствіе этого печальнаго эпизода въ исторіи Соловецкаго монастыря, по всѣмъ вѣроятіямъ, были него отняты въ казну его богатые владѣнія, такъ какъ новый, сбродный изъ братіи разныхъ монастырей монастырь Соловецкій съ вотчинами былъ порученъ князю Владиміру Волконскому и дьяку Алмазу Чистому а для порядка въ стѣнахъ монастырскихъ цѣлый годъ простоялъ отрядъ изъ 300 стрѣльцовъ **).

Соловецкимъ бунтовщикамъ подражали во многихъ мѣстахъ: ихъ имена и грамоты до сихъ поръ средъ старообрядцевъ почитаются какъ святыни. Въ отвѣтъ правительству возобновило древнее наказаніе—сожженіе на кострѣ: сожженъ былъ и Аввакумъ, который, по ире

*) С. Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.

***) См. В. Майновъ. Вотчина Зосимы и Савватія, стр. 291.

данію, изъ огня показывалъ два пальца. Фанатики во-
ображали, что сожженіе ведетъ въ царствіе небесное, и
стали сами сжигать себя тысячами при приближеніи
царскихъ войскъ...

Петръ Великій посѣтилъ Соловки два раза. Въ пер-
вый разъ онъ посѣтилъ обитель по пути изъ Портомин-
скаго монастыря, куда яхтѣ его пришлось укрыться
послѣ опасной бури у Унскихъ Роговъ. Его побудило
остановиться въ Соловецкомъ монастырѣ желаніе лично
ознакомиться съ сѣвѣрною окраиной Россіи и между
прочимъ съ этою обителью-крѣпостью. Здѣсь ему пришла
мысль нанести шведамъ ударъ съ сѣвера,—напасть на
врага врасплохъ и при томъ съ той именно стороны,
съ которой онъ менѣе всего можетъ ожидать нападенія.
Монахи съ изумленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на
„нѣмцевъ“, сопровождавшихъ Петра, на ихъ бритыя
лица и „неистовыя“ одежды. Пробывъ на Соловкахъ
три дня и одаривъ братію, царь отправился въ обрат-
ный путь. Во второй разъ Петръ Великій прибылъ въ
Соловки въ 1702 году съ царевичемъ Алексѣемъ; фло-
тилія его, состоявшая изъ тринадцати кораблей, остано-
вилась между Анзерскимъ и Муксальмскимъ островомъ.
Царь осматривалъ достопримѣчательности монастыря,
приказалъ архимандриту Фирсу служить впредь „про-
тивъ Чудова монастыря полною архимандритною служ-
бою“, пожаловалъ его мантией съ скрижалями и посо-
хомъ съ яблоками, а братію и монастырь деньгами. Но
во все время пребыванія въ обители онъ казался чѣмъ-то
озабоченнымъ и часто навѣдывался на свою эскадру.
Причина его безпокойства выяснилась, когда явился
посланный царемъ развѣдчикъ и доложилъ, что шведы
не догадываются о намѣреніяхъ Петра и слѣдовательно
эскадра можетъ безпрепятственно продолжать свой путь.
Тогда Петръ немедленно же приказалъ сняться съ якоря
и держать курсъ на Нюхчу. Начался знаменитый походъ
Петра съ кораблями по сушѣ въ Онежское озеро и да-

лѣе къ Ладогѣ; въ результатѣ Петру удалось осуществить свою мечту—достигнуть моря..

Въ 1854 году Соловецкій монастырь подвергся бомбардировкѣ англійскою эскадрою. Утромъ 18-го іюля два военные фрегата съ иностранными флагами обогнули Бѣлужій мысъ. Монахи страшно перепугались. Архимандритъ Александръ, попросивъ у всей братіи прощенія, взялъ чудотворную икону и во главѣ всѣхъ иноковъ обошелъ монастырскія стѣны торжественнымъ крестнымъ ходомъ. Не успѣли еще кончить крестный ходъ, какъ замѣтили, что непріятельскіе корабли на полныхъ парахъ двинулись къ Кеми. Опасаясь возвращенія непріятеля, архимандритъ приказалъ втащить на стѣны имѣвшіяся въ монастырѣ восемь старинныхъ пушекъ и устроить батарею на пригоркѣ. Утромъ слѣдующаго дня на горизонтѣ показался дымокъ и два англійскіе фрегата остановились въ виду монастыря. Одинъ фрегатъ послалъ въ обитель картечь, а затѣмъ началась правильная бомбардировка.

Сорокъ ядеръ было брошено въ обитель, монастырскія же пушки отстрѣливались только изрѣдка, такъ какъ и пороха и снарядовъ было очень мало, и надо было беречь ихъ на случай приступа.

На слѣдующій день съ англійскаго фрегата на катеръ была передана на береговую батарею бумага, въ которой капитанъ требовалъ отъ коменданта Соловецкаго монастыря, чтобы крѣпость сдалась и сдался весь гарнизонъ, какъ военноплѣнные; въ противномъ случаѣ снова приступятъ къ бомбардированію монастыря. Послѣ заутрени, составивъ военный совѣтъ, монастырь вынесъ на эту бумагу отрицательный отвѣтъ. Катеръ съ парламентаремъ уѣхалъ и въ восемь часовъ утра англійскія суда открыли сильную канонаду, продолжавшуюся девять часовъ. Послѣднее 96-ти фунтовое ядро пробило верхнюю часть иконы Божіей Матери, стоявшей предъ входомъ въ Преображенскій соборъ. Нечего и говорить,

что монахи сильно перепугались и многіе были объаты ужасомъ. Почти все время, какъ длилась страшная канонада, монахи проводили въ молитвѣ—служили молебны, пѣли акаѣисты; подъ громъ выстрѣловъ, съ явною опасностью для жизни, братія совершала крестные ходы по монастырскимъ стѣнамъ. Наоборотъ, всѣ военные отряды монастыря держали себя храбро, мужественно; со стѣнъ обители и изъ береговой батареи пушки палили сколько могли; кромѣ того, на берегу, въ кустахъ, рассыпались стрѣлки; ихъ выстрѣлы, конечно, были совершенно безвредны для непріятели, но все же отвлекали его вниманіе отъ монастыря. Стрѣляли англичане плохо, притомъ лѣсистый островокъ заслонялъ монастырь и затруднялъ наводчиковъ-артиллеристовъ. Большинство ядеръ перелетали чрезъ монастырь и многія упали въ Святое озеро. Наконецъ, въ шестомъ часу вечера канонада прекратилась. Въ монастырѣ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ; но стѣны и храмы, особенно Архангельская гостинница, сильно пострадали. Нѣсколько разъ внутри монастыря вспыхивали пожары отъ разрывавшихся бомбъ, но братія быстро тушила ихъ. На слѣдующій день непріятель ушелъ и болѣе не возвращался.

Въ мѣстахъ удара ядеръ — на стѣнѣ и храмахъ — монахи въ послѣдствіи нарисовали черные кружки для памяти. Всѣ непріятельскія бомбы, ядра и гранаты были собраны и сложены въ одну пирамиду подъ царскою колокольней. Здѣсь, близъ этой пирамиды и надъ раненою иконою Божіей Матери сдѣланы соотвѣтствующія надписи. Монахи сочли свое спасеніе чудеснымъ и воспользовались этимъ событіемъ для прославленія своей обители, написавъ книжку: „Осада Соловецкой обители“. Не мало было также поэтическихъ воспроизведеній событія въ стихотворной формѣ, особенно со стороны заточенныхъ Соловецкаго острога *).

*) См. П. О. Федоровъ, Соловки, стр. 188.

Впрочемъ, если бы англичане и взяли приступо монастырь, имъ, если только вѣрить монахамъ, пережшимъ осаду, ничѣмъ воспользоваться не пришлось монастырь защищался не для сбереженія сокровищъ: однѣ стѣны оставались, всѣ же драгоценности, деньги, документы, даже ризы съ образовъ находились въ Скомъ монастырѣ на храненіи. Современники осады чистосердечно признаются, что, когда началась бомбардировка, монахи сильно перетрусили. Но архимандритъ Александръ и нѣкоторые монахи не теряли присутствия духа и старались ободрять остальныхъ. Въ заключеніи приводимъ отрывокъ изъ разговора В. И. Немирови Данченко съ монахомъ на Сѣкирной горѣ, хорошо принявшимъ осаду. Рѣчь идетъ о переговорахъ съ английскимъ парламентомъ:

— Англичане приказываютъ: подавайте ключи отъ монастыря,—кто у васъ тутъ комендантъ? Сейчасъ архимандритъ Александръ выходитъ. Я, говоритъ, этой крестіи комендантъ и все могу, мнѣ власть дана... тѣ требуютъ ключи!—Они не у меня, берите ихъ сами! У кого же?—У двухъ стариковъ.—У какихъ стариковъ. У простенькихъ старичковъ, у Зосимы и Савтія, на ракахъ лежатъ, на мощахъ—возьмите, если можете. Ну, тѣ, какъ прослышали про стариковъ нашихъ и испужались. Сейчасъ назадъ на пароходъ. И да оттуда палить, спужавшись!.. Тутъ мы всѣ и сѣли, тому онъ палить—страшно это очень. Ежели бы попалилъ—померли бы всѣ мы, мы вѣдь люди мирные не отъ міра сего!

— А если бы онъ согласился взять ключи съ мощей?— Съ мощей?..—самодовольно протянулъ монахъ. Съ мощей? Бери, другъ любезный. Бери у нашихъ старичковъ. Они бы тебѣ показали силу свою... Сейчасъ бы корабли ко дну пошли и праха отъ непріятелей бы не осталось, потому—святые. Ни одинъ бы не уцѣлѣлъ!

*) См. Вѣломорье и Соловки, стр. 299—300.

III.

Вокругъ всего Соловецкаго монастыря тянется неправильной формы многоугольникомъ крѣпостная стѣна сослужившая въ прежнія времена обители вѣрную службу. Въ настоящее время стѣна эта утратила всякое значеніе, но не особенно давно еще въ тюрьмѣ, помѣщающейся внутри стѣны, содержались въ небольшомъ числѣ арестанты. Но въ прежнія времена Соловецкая тюрьма бывала переполнена узниками. Князья, бояре, расколоучители, крамольники томились когда-то за тюремными рѣшетками. Сотнями свозили сюда колодниковъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Цари московскіе часто ссылали сюда своихъ приближенныхъ, подвергшихся за что-либо опалѣ. Петръ Великій наполнялъ камеры этого острога людьми, не преклонявшимися предъ его желѣзною волею. Измученные, часто прямо отъ пытки, съ вырѣзанными языками и ноздрями, сюда отправлялись старовѣры, раскольники, и умирали здѣсь въ одиночествѣ, забытые цѣлымъ міромъ... На высотѣ въ стѣнахъ и башняхъ чернѣютъ узкія щели бойницъ. Вообще, всѣ эти крѣпостныя сооруженія напоминаютъ эпоху Господина Великаго Новгорода.

Въ одной изъ башенъ монастырской стѣны, называемой Успенской, помѣщается очень любопытный арсеналъ монастыря, съ большимъ количествомъ деревянныхъ стрѣлъ, копій, алебардъ, бердышей, кольчугъ, пицалей и пушекъ. Этими бердышами и алебардами вооружались монахи въ XV и XVI столѣтіяхъ противъ шведовъ, норвежцевъ, финляндцевъ; изъ этого арсенала взято было оружіе во время раскольничьяго мятежа въ XVII вѣкѣ, и во время бомбардированія монастыря англійскою эскадрою.

На обширной площади, окаймленной стѣнами, расположены храмы и пятнадцать отдѣльныхъ корпусовъ: жилыхъ, образовательныхъ и хозяйственныхъ. Главнымъ

храмомъ является соборъ Преображенія Господня, построенный св. Филиппомъ въ 1566 году. Иконостасъ е пятирусный, съ древними иконами, нижній рядъ которыхъ въ богатыхъ ризахъ, и надъ нимъ длиннымъ поясомъ тянутся раскрытыя створни. Фрески по стенамъ новыя, не знаменитыя. Вправо отъ алтаря, въ серебряной ракъ покоятся части мощей митрополита Филиппа. Исторія этихъ мощей слѣдующая. Послѣ того какъ въ 1591 году послѣдникъ Іоанна Грознаго сосланъ на Валаамъ лжесвидѣтельствовавшего на Филиппа игумена Пансія (см. выше), мощи Филипповы были перевезены изъ Тверскаго Отроча монастыря въ Соловки положены въ землю. Въ 1646 году, повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича, мощи были перенесены въ Словецкій монастырь; наконецъ, въ 1652 году онѣ были торжественно отправлены въ Москву, въ Соловкахъ же оставлены только ихъ части.

Въ Троицкой церкви Зосимы и Савватія покоятся мощи преподобныхъ, лежація въ богатыхъ ракахъ, подъ роскошною двойною сѣнью, обвѣшанною поверхъ яркою пунцовою шелковою матеріею, подобранною фестонами. Въ богатыхъ серебряныхъ ракахъ почиваютъ преподобные Зосима и Савватій, одинъ подлѣ другого. Рѣзная деревянная сѣнь отгѣняетъ серебряные выпуклые лики обоихъ подвижниковъ; оба преподобные въ поясныхъ писанныхъ изображеніяхъ сами созерцаютъ эти металлическіе лики изъ двухъ сосѣднихъ арокъ; три массивныя древнія лампы неугасяемо горятъ надъ ними; и большихъ подсвѣчникахъ пылаютъ десятки постоянны перемѣняемыхъ свѣчей.

Подъ Троицкою церковью Зосимы и Савватія находится церковь преподобнаго Германа. Изъ безграмотныхъ богомольцевъ, посѣщающихъ монастырь, мало кто знаетъ, что, строго говоря, св. Германъ былъ первымъ въ дѣлѣ основанія Соловокъ, такъ какъ онъ прибылъ сюда съ преподобнымъ Савватіемъ, и онъ же направилъ

Зосиму. Святыя мощи Германа почиваютъ подъ спудомъ, а подлѣ, подъ спудомъ же, покоятся мощи преподобнаго Ирнарха. Кое-гдѣ замѣтны надгробныя надписи, говорящія о другихъ почившихъ.

Главные святыни Соловецкаго монастыря—это святыя, явленныя чудотворныя иконы, мощи св. угодниковъ и внушительныя воспоминанія о главныхъ представителяхъ монастырскаго подвига и благочестія, здѣсь почивающихъ и почившихъ, такъ или иначе связанныхъ съ судьбами монастыря.

Церкви монастырскія изобилуютъ потемнѣвшими отъ времени иконами, и многоярусныя иконостасы ихъ, въ особенности пятиярусный Преображенскаго собора, даръ Петра I, и придѣлы и часовеньки—все это щедро обвѣшено затуманивающимся отъ долгихъ годовъ ликами святыхъ. Цѣнныя ризы изъ золота и серебра, многія осыпанныя драгоценными камнями, обрамляютъ пожелтѣвшія и потемнѣвшія иконы.

Главные иконы слѣдующія: перукотворенный образъ Спасителя въ Святыхъ Вратахъ, висящій въ нихъ сначала XVII вѣка, „недоступный дѣйствию соленаго воздуха“; чудотворная икона Знаменія Божьей Матери, надъ западнымъ входомъ въ Преображенскій соборъ, дважды пораненная англійскими бомбами въ 1854 году; на ризахъ маленькихъ образковъ, продаваемыхъ въ монастырской лавкѣ, тщательно прорѣзываются два круглыя отверстія, обозначающія мѣста пораненія иконы; чудотворная икона „Сосновская“, явившаяся св. Филиппу во время его молитвы за печкой монастырской хлѣбопекарни *).

Въ ризницѣ монастырской особеннаго богатства незамѣтно, такъ какъ драгоценности монастырскія хранятся въ Государственномъ банкѣ, да и то немного: Соловецкій монастырь неохотно держитъ капиталы мерт-

*) См. *К. Случевскій*. По сѣверу Россіи.
СВЯТЫНИ СЪВЕРА.

выми и торопится обратить ихъ въ деньги, которыя могутъ давать проценты. Но есть здѣсь и такія сокровища которыя и продать нельзя, такъ какъ цѣнность ихъ заключается только въ историческомъ ихъ значеніи. Здѣсь хранится новгородская грамота на владѣніе Соловецкими островами, подписанная Марѳою Борецкою грамота Іоанна Грознаго и грамоты почти всѣхъ царей русскихъ, начиная отъ Василія Шуйскаго и Годунова; сабля, положенная въ монастырь въ качествѣ вклада княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, мечъ князя Скопина Шуйскаго, цѣлыя коллекціи чашъ золотыхъ, серебряныхъ и точеныхъ изъ слоновой и моржовой кости; замѣчательна книга „Садъ Спасенія“ (1811 года), въ которой описано житіе преподобныхъ Зосимы и Савватія, съ массою рисунковъ. Очень богаты многіе шитые образа, евангелія, ладоницы, кубки. Тутъ же хранятся различныя подвижническія вериги, ризы Филиппа и Зосимы и деревянные сосуды, служившіе послѣднему при богослуженіи. Изъ часовенъ опишемъ четыре, находящіяся въ самомъ монастырѣ и вблизи его; остальные разбросаны по островамъ.

Прямо противъ монастырскихъ воротъ, въ 20 саж. отъ послѣднихъ, находится „Просфоро-Чудовая“ или „Чудо-просфорная“ часовня. Она стоитъ на томъ мѣстѣ гдѣ, по преданію, новгородскіе купцы оброну просфору которую далъ имъ преподобный Зосима. Пробѣгавшая мимо собака хотѣла схватить ее, но огонь, изшедшій изъ просфоры, опалилъ ее.

Въ верстѣ отъ монастыря находится вторая часовня— „Таборская“ или „Предтеченская“, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены воины царя Алексѣя Михайловича, убитые во время семилѣтней борьбы съ мятежными монахами-раскольниками во время знаменитаго соловецкаго сидѣнія. У ограды монастыря находятся двѣ часовни: одна „Петровская“—на память двукратнаго посѣщенія Петра Великаго, другая „Константинов-

ская“—на память посѣщенія великаго князя Константина Николаевича. Вблизи ихъ поставленъ гранитный обелискъ на память и съ подробнымъ описаніемъ бомбардированія монастыря англичанами.

Монастырская гостинница—красивое трехъ-этажное зданіе, рассчитанное на самое многочисленное стеченіе богомольцевъ. Прежде чѣмъ получить помѣщеніе, каждый богомолецъ отправляется въ особую комнату, гдѣ за конторкою сидитъ дежурный монахъ съ книгою, въ которую и вписываетъ фамилію богомольца, а противъ нея—число заказанныхъ имъ молебновъ; такса на молебны установлена давно: простой молебенъ стоитъ 35 к., молебенъ съ водосвятиемъ 1 р. 50 к.

Смотря по усердію къ святой обители, а также по общественному положенію, какое занимаетъ богомолецъ, ему отводятъ помѣщеніе въ нижнемъ, среднемъ или верхнемъ этажѣ гостинницы. Представители низшихъ сословій—крестьяне, солдаты, простые странники поселяются въ нижнемъ этажѣ—по 20—25 чел. въ одной комнатѣ, обставленной очень просто, но вполне прилично; верхній этажъ отводится разночинцу, мелкимъ купцамъ и купчихамъ, бѣднымъ чиновникамъ, сельскимъ священникамъ, приказчикамъ, молодцамъ, при чемъ въ одну комнату помѣщаютъ человекъ 4—5; средней этажъ—въ распоряженіи лицъ, болѣе состоятельныхъ—купцовъ и купчихъ, помѣщиковъ съ женами, заслуженныхъ чиновниковъ, причемъ каждому отводится отдѣльная комната. Въ среднемъ этажѣ комнаты высокія, просторныя и оклеены обоями, въ нижнемъ и верхнемъ—только выбѣлены. Обстановка вездѣ простая: диванъ, стулья, столъ и кровать съ матрацами.

Послѣ чаепитія, монахъ предлагаетъ богомольцамъ искупаться въ Святомъ озерѣ, какъ „ради чистоты тѣлесной и духовной, такъ и ради здоровья“: по мѣстнымъ преда-

ніямъ, вода этого озера обладаетъ цѣлительною силою, — „великая отъ него сила и въ недугахъ исцѣленіе“. Таковъ обычай.

Монахи очень хорошо воспользовались всѣми условіями мѣстности, въ особенности по части водоснабженія. Ихъ Святое озеро — постоянній водопроводный бассейнъ, въ которомъ собирается вода изъ 72 озеръ. Эти озера соединены канавами или другъ съ другомъ, или же съ Святымъ озеромъ, причемъ во многихъ канавахъ устроены шлюзы, позволяющіе регулировать уровень воды въ главномъ бассейнѣ — Святомъ озерѣ. Мысль такого устройства принадлежитъ св. Филиппу — самому мудрому хозяину изъ всѣхъ соловецкихъ настоятелей. Онъ искусственно увеличилъ вмѣстимость Святого озера и провелъ къ нему воду изъ 72 озеръ острова. Преемникамъ его оставалось только поддерживать и отчасти расширить это дѣло.

Близъ Святого озера тянутся монастырскіе огороды. Огороды эти — наглядное доказательство того, чего можетъ достигнуть человекъ путемъ труда, терпѣнія и настойчивости въ борьбѣ даже съ такою суровою природою, какова бѣломорская. Существуетъ мнѣніе, по которому заниматься огородничествомъ подъ 65° сѣв. шир. — потерянный трудъ, а между тѣмъ соловецкіе огороды убѣждаютъ въ противномъ: на монастырскихъ огородахъ посидѣваетъ капуста, картофель, мелкіе огурцы, морковь, рѣдька, рѣпа. Чтобы овощи эти могли посидѣвать, не смотря на суровыя зимы и короткое, подчасъ холодное лѣто, монахи обратили особое вниманіе на подготовку огородной земли и защитили свои огороды съ сѣвера небольшимъ лѣсомъ. Какъ бы то ни было, а монастырю не приходится покупать овощи въ міру — хватаетъ своихъ. На огородахъ работаютъ годовые богомольцы, подъ руководствомъ монаховъ-огородниковъ, работаютъ, конечно, безъ всякой платы и, не смотря на это, очень усердно.

Подлѣ огородовъ стоитъ кузница, которою заправ-

дляютъ два монаха. При нихъ человѣкъ десять годовыхъ богомольцевъ. Лѣтомъ въ кузницѣ работы бываетъ мало — монастырь занятъ богомольцами, за то зимою дѣло кипитъ. Кузница выстроена вятскимъ крестьяниномъ и устроена настолько хорошо, что въ ней монахи не только изготовляютъ пожи, косы, топоры и другія хозяйственныя подѣлки, но даже чинятъ старыя и изготовляютъ новыя части паровыхъ машинъ. Желѣза своего у монастыря пока нѣтъ и его приходится закупать въ Архангельскѣ и въ Норвегii. Но не любятъ монахи платить дельги „миру“ и въ особенности иностранцамъ, все наровятъ завести свое собственное, а потому давно хочется имъ приобрести свою желѣзную руду и разрабатывать ее и плавить своими силами. Предполагалось одно время заняться разработкою богатыхъ мѣсторожденiй озерныхъ и болотныхъ желѣзныхъ рудъ въ Кемскомъ уѣздѣ и построить тамъ доменный и желѣзодѣлательный заводъ. Въ какомъ положенiи находится это дѣло теперь — не знаемъ.

Недалеко отъ кузницы находится кожевенный заводъ, помѣщающiйся въ двухъ-этажномъ каменномъ строенiи; кожевня работаетъ только зимою, въ лѣтнiе же мѣсяцы, когда монастырь занятъ богомольцами, она стоитъ безъ дѣла. Одной нерпичьей кожи выдѣлываютъ здѣсь 80 тысячъ штукъ; кромѣ того обрабатываются тюленьи, оленьи кожи. Устроенная знатокомъ своего дѣла монахомъ-каргополомъ, кожевня вырабатываетъ съ шестью лишь годовыми богомольцами товара на 50 тысячъ рублей и приноситъ обителю большой доходъ.

Кирпичный заводъ изготовляетъ ежегодно до 400 тысячъ штукъ замѣчательно твердаго и прочнаго кирпича. Изъ этого кирпича выстроена гостинница и всѣ позднѣйшiя зданiя. Завѣдываютъ кирпичнымъ заводомъ пять монаховъ, подъ руководствомъ которыхъ работаютъ человѣкъ двадцать годовыхъ богомольцевъ.

Соловецкiе монахи особенно гордятся своими до-

камн. Гордятся не безъ основанія, такъ какъ грандіозное сооруженіе это выстроено своими силами—монахами и богомольцами—подъ присмотромъ монаха изъ мужичковъ. Монахи увѣряютъ, что между завѣдывающими работами не было ни одного техника. Видно, среди этихъ завѣдывающихъ были люди очень талантливые; построить докъ не то что насыпать гать между Соловецкимъ островомъ и Муксальмою (см. выше): для послѣдней работы нужны только даровая рабочая сила да терпѣніе, для постройки же дока необходимо вѣрное соображеніе—умственный трудъ. Не станемъ описывать устройства доковъ: бока ихъ обшиты гранитомъ, а потому внутренняго скелета сооруженія, состоящаго изъ 8 тысячъ балясинъ, установленныхъ въ два ряда и наполненнаго землей и камнями, теперь не видно. Вода, которою наполняютъ въ случаѣ надобности докъ, проведена изъ Святого озера и изъ бассейна св. Филиппа, которые соединены, какъ уже было сказано, съ 72 озерами. Докъ строился въ двѣ смѣны — днемъ и ночью: днемъ работала одна смѣна монаховъ съ годовыми богомольцами, ночью—вторая смѣна монаховъ. Соловецкій докъ чинитъ не только свои суда, но исполняетъ и заказы со стороны, такъ что является очень кстати для судовъ, совершающихъ свои рейсы по Бѣлому морю.

Все посѣщающіе Соловецкій монастырь обязательно осматриваютъ водяную мельницу св. Филиппа. Это—громадное водяное колесо, приводящее въ движеніе цѣлый рядъ толчей, поставовъ, проводовъ. Вращается колесо въ мельничномъ зданіи, вмѣстѣ съ жерновами для размолы муки. Изъ резервуара этой мельницы вода отводится въ доки. Построена мельница св. Филиппомъ—болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ: своими причудливыми приспособленіями она возбуждала изумленіе монаховъ и богомольцевъ. Мельница эта послѣ смерти св. Филиппа постоянно перестраивалась и усовершен-

ствовалась различными механиками-самоучками, приспособившими ее все къ большому числу производствъ.

Кругомъ свободной церковной площади, вдоль стѣнъ, расположены двухъ и трехъ-этажные каменные корпуса; изъ нихъ восемь служатъ для помѣщенія монаховъ, остальные же для хозяйственныхъ цѣлей: въ нихъ помѣщаются: баня, прачешная, квасоварня, просфорная, рухлядная, больница и проч.

Всѣ монашествующіе имѣютъ свои отдѣльныя келіи, отличающіяся одна отъ другой только величиною и отчасти обстановкою. За исключеніемъ нѣсколькихъ іеромонаховъ, діаконовъ, монаховъ, послушниковъ и богомольцевъ, у которыхъ кельи въ два окна, у остальныхъ—въ одно.

Бань въ Соловкахъ двѣ: одна „братская“ находится внутри монастырскихъ стѣнъ, другая „рабочая“—вдали отъ монастыря предназначена для даровыхъ и наемныхъ рабочихъ, живущихъ внѣ обители. Вода въ котлы накачивается насосомъ.

Нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о прачешной, Она состоитъ изъ трехъ обшпрныхъ отдѣленій: лѣтней сушильни, помѣщающейся на чердакѣ, зимней,—находящейся подъ лѣтней и, накопецъ, самой прачешной пли, какъ ее здѣсь зовутъ, „бучей“. Бучея занимаетъ во второмъ этажѣ большую квадратную комнату. За чанами, въ которые складывается грязное бѣлье для „бучки“, помѣщается большой круглый деревянный чанъ, желѣзный кубъ и въ углу, у входа, близъ куба большая печь, въ которую вмазанъ паровой котелъ. Остальное пространство занято чанами съ водою и корытами, укрѣпленными на высотѣ пяти четвертей аршина отъ пола, такъ что во время мытья приходится весьма мало нагибаться. Каждое корыто раздѣлено на четыре части, въ которыхъ могутъ одновременно мыть бѣлье, не мѣшая другъ другу, четыре человекъ. Прачешною завѣ-

дываетъ всего одинъ монахъ съ семью годовыми богомольцами; эти восемь человекъ моютъ бѣлье на всю обитель! Послушаніе въ бучеѣ считается однимъ изъ трудныхъ.

Квасоваренное производство поставлено въ обители прекрасно и ведется въ обширныхъ фабричныхъ размѣрахъ; квасоварня соловецкая—настоящій заводъ, въ которомъ есть особое помѣщеніе для приготовленія солода (солодовня), кваса и громадный погребъ для храненія готоваго напитка. Всѣмъ квасовареннымъ производствомъ и выдачею кваса завѣдываютъ всего два монаха, которымъ во время варки и розлива кваса помогаютъ восемь годовыхъ богомольцевъ. Монастырскій квасъ отличается всѣми качествами весьма хорошаго, вкуснаго и питательнаго напитка. Въ лѣтніе мѣсяцы ежедневно потребляется кваса 1—1½ бочки.

Не менѣе грандіозно устроено хлѣбопекарное производство. Въ хлѣбопекарнѣ поражаютъ своею величиною двѣ печи и квашня.

Печь приготовляетъ въ одинъ разъ до 200 хлѣбовъ. При многолюдствѣ богомольцевъ въ печь эту ставятъ двѣ квашни въ день; хлѣбъ день отлеживается, на другой день поѣдается; остатки ѣдятъ рабочіе, остатки же этихъ остатковъ превращаются въ сухари. Монастырскій хлѣбъ очень вкусный, и монахи могутъ гордиться его высокими качествами. Ежегодно въ монастырѣ выпекается около 20 тысячъ пудовъ хлѣба.

Училище Соловецкое учреждено въ 1862 году архимандритомъ Порфиріемъ. Братія всегда относилась и относится къ школѣ несочувственно, какъ къ лишнему бесполезному учрежденію, отнимающему время отъ полезной работы. Вотъ почему преподаваніе въ школѣ бываетъ вечеромъ — по окончаніи работъ. Училище состоитъ изъ двухъ классовъ. Въ первомъ классѣ учатъ читать и писать, во второмъ—„арифметикѣ“, т. е. писанію цифръ, сложенію и вычитанію, чистописанію, право-

писанію и Закону Божію, а именно: заучиванію наизусть и объясненію важнѣйшихъ молитвъ и событій Священной исторіи. Посѣщеніе школы необязательно. Обыкновенно, осенью, когда пачинается преподаваніе въ училищѣ, ученики ходятъ усердно, а потомъ, съ теченіемъ времени, ихъ бываетъ все меньше и меньше. Вообще, школа плохо организована: программы опредѣленной въ ней нѣтъ и преподаваніе весьма скудно по объему и ведется отрывочно *). Но все же она распространяетъ грамотность среди народа.

Еще неудовлетворительнѣе устроена больница. Вся она состоитъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ со спертымъ воздухомъ. Она устроена, главнымъ образомъ, для мірянъ и годовыхъ богомольцевъ. Монахи не надѣются на „мірскихъ медиковъ“ и вѣрять въ медицину считаютъ великимъ грѣхомъ. Въ добавокъ и завѣдывающій больницею монахъ изъ бывшихъ фельдшеровъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности фармацевта, придерживается такихъ возрѣвій. Неудивительно, поэтому, что излѣченіе больныхъ, попадающихъ въ монастырскую больницу, всецѣло зависитъ отъ того, въ состояніи ли организмъ больного выдержать борьбу съ болѣзнію или же послѣдняя сломитъ его. Въ трудныхъ случаяхъ за него служатъ молебны. „Постъ и молитва—вотъ доктора наши“,—говорятъ монахи.

Въ заключеніе настоящей главы, опишемъ еще сельдиной ловъ и скажемъ нѣсколько словъ о морскомъ промыслѣ на Соловкахъ. Заготовка сельди производится на восточномъ берегу соловецкой Глубокой бухты; здѣсь же находится и салотопня: шкуры всякаго рода сушатся на солнцѣ: и неринчьи, и бѣлужьи, и тюленьи, и лысуновья. Большая часть добытаго звѣря идетъ на потребу обителі, остальное—продается. Соловецкіе монахи занимаются морскимъ промысломъ не только на своихъ

*) См. П. О. Федоровъ, Соловки.

островахъ, по и на Мурманѣ. Изъ добытыхъ шкуръ шьютъ обувь (бахилы), и непромокаемая штаны и рубахи, необходимыя при рыбной ловлѣ, дѣлаютъ кушаки, ремни и проч.

Недалеко отъ салотопни находится смолокурная печь, сложенная изъ кирпича; въ ней готовятъ смолу, пекъ, скипидаръ.

Въ Глубокой бухтѣ сельдь ловится на небольшой топѣ, большія же тони находятся по берегамъ Анзерскаго и въ другихъ мѣстахъ Соловецкаго острова. Нѣсколько рабочихъ набираютъ въ лодку большой морской неводъ съ поплавками и гирьками, для того, чтобы низъ его опускался какъ можно глубже и забиралъ уходящую рыбу; затѣмъ отплываютъ отъ берега, сътъ выбрасывается въ море и лодка описываетъ яйцевидную кривую линію; когда сътъ до половины стравлена, лодка быстро возвращается къ берегу; въ это время нѣсколько человѣкъ входятъ въ воду и, захвативъ ее какъ можно дальше отъ берега, вытягиваютъ ее; вытаскиваніе съти стараются дѣлать какъ можно дружиѣе, такъ какъ если одинъ конецъ запоздастъ, то юркой рыбѣ откроется свободный выходъ и тогда часть тони можетъ уйти. На другихъ большихъ тоняхъ для вытаскиванія снасти устроены ворота, чѣмъ значительно ускоряется и облегчается работа. На Мурманѣ и на Анзерскихъ островахъ монахи ловятъ треску—такъ называемыми ярусамн. На каждой сельдяной топѣ ловлю завѣдываетъ опытный іеромонахъ, а рабочею силою являются годовые богомольцы.

IV.

Соловецкіе монахи, восхищающіеся веѣмъ своимъ, увѣряютъ, между прочимъ, что „Соловецкіе острова—вѣнецъ, а Сѣкирная гора и Голгоѣа — алманты вѣнца сего“.

Проѣхать на Сѣкирную гору стоитъ всего по 50 к.

съ человѣка, хотя въ два конца и приходится сдѣлать 32 версты. Лѣсная дорога туда изобилуетъ прелестными видами. „Какъ только мы выѣхали на лѣсную дорогу, глаза стали разбѣгаться во все стороны. Пейзажи, одинъ прелестнѣе другого, развертывались передъ нами, какъ будто въ волшебной панорамѣ. Не успѣешь взглядѣться въ одинъ, какъ вдругъ предъ вами раскинется еще болѣе красивый, подъ свѣтомъ этого яркаго, солнечнаго дня. Дорога тянулась по горамъ. Она пробита на нихъ откосахъ: часто палѣво передъ вами возносится крутая, заросшая гигантскимъ лѣсомъ стѣна, а направо обрывается внизъ такая же щетинистая стремнина. Сосны, одна величавѣе другой, выростали на каждомъ поворотѣ дороги... Что за чудная глушь, какой здоровый несравненный воздухъ!.. А озера!.. Не могу еще не остановиться на нихъ. Я бывалъ въ Финляндіи, южной Германіи, въ Альпахъ, но не видѣлъ такихъ чудныхъ озеръ, при крайне незначительной длинѣ и ширинѣ ихъ. Особенно врѣзалось въ мою память одно. Длинное и узкое, извиваясь, легло оно въ изумрудныхъ берегахъ. Небольшой лѣсокъ словно опрокинулся въ его глубину. На немъ только одинъ островокъ—но какой! Его и не видно: глазъ замѣчаетъ только три высокихъ сосны, какъ будто выросшія изъ самой середины этихъ серебристо-голубыхъ водъ. Но живописныя линіи берега, кучи валуновъ, поросшихъ уже травой, отраженіе жемчужныхъ тучекъ, спокойное, словно все изъ расплавленнаго металла, зеркало водъ—нужно видѣть самому... Но верхъ красоты и совершенства—Бѣлое озеро. Стоишь и не пасмотришься. Затраиваешь дыханіе, точно боишься, чтобы волшебный призракъ не исчезъ изъ глазъ. Представьте себѣ зеленую котловину, на дно которой брошенъ серебряный щитъ. Въ немъ отразились все берега—и какіе берега! Въ немъ опрокинулись и ма-

ленькіе, то лѣсистыя, то покрытыя травою граціозныя островки...“ *).

Послѣ четырехчасоваго пути богомольцы прибываютъ въ Савватіевскую пустыню, гдѣ, по преданію, сначала поселился преподобный Савватій. Въ скиту монахами разбиты цвѣтники съ клумбами красивыхъ благоухающихъ и рѣдкихъ для сѣвера цвѣтовъ. Въ церкви идетъ непрестанный молебенъ. Самый скитъ Сѣкирный расположенъ на высокой горѣ того же имени. Взбираться по крутой дорогѣ, ведущей на вершину, очень трудно. Въ скиту живутъ только семь монаховъ; кельи маленькія, роскоши никакой — настоящее, строгое пустынно-жительство. Видъ съ колокольни монастыря открывается роскошный.

„Всѣ рассказы о видахъ отсюда оказались блѣднымъ, ничего не говорящимъ, очеркомъ великолѣпной дѣйствительности. Всѣ четыре окна колокольни были рамками несравненныхъ картинъ.

„Весь Соловецкій островъ раскидывался далеко внизу съ своими лѣсами, озерами, полянами, церквами, скитами, часовнями и горами. Какіе нѣжные переливы красокъ, какіе мягкіе изгибы линий! Тутъ темная зелень сосноваго лѣса, тамъ изумрудный просторъ поемнаго луга и повсюду серебряныя щиты изящныхъ озеръ! Это — точно искры на зеленомъ бархатѣ. Берега острова рѣзко очерчивались передъ глазами, какъ на картѣ, но каждый пунктъ ихъ былъ отдѣльной изящной картиной. Тамъ группа скалъ, обрывъ, тутъ длинный мысъ, поросшій щетиною темнаго лѣса.

„... Засіяла розовая заря. Сотни озеръ, раскинутыхъ внизу, вспыхнули разомъ. Глазъ нельзя было отвести отъ нихъ: точно со всѣхъ концовъ запылали безчисленные костры, по всѣмъ лѣсамъ, полямъ и лугамъ острова.

*) См. В. И. Немировичъ-Данченко. Вѣломорье и Соловки, стр. 293—294.

Вершины лѣса были тоже охвачены этимъ нѣжнымъ сіяніемъ. Море вокругъ райскаго уголка сіяло пурпуромъ, золотомъ и лазурью...“ *).

Большой Анзерскій островъ, на которомъ находятся скиты Анзерскій и Голгоѣскій, не менѣе Сѣкирной горы славится своими природными красотами. На Анзерскомъ островѣ, по преданію, жилъ основатель скита Елеазаръ и работалъ въ избушкѣ деревянную посуду. Приготовивъ посуду, онъ выставлялъ ее на пристани, а самъ удалялся въ лѣса отъ людей. Приплывавшіе поморы брали ее, а въ оплату оставляли хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. На мѣстѣ бывшей „хижи“ старца Елеазара находится небольшая часовенка. На Анзеры богомольцы ѣдутъ сначала часа два на лошадахъ—лѣсомъ, за которымъ начинается поле; въ концѣ послѣдняго стоитъ избушка—„келія перевозчиковъ“. Живущіе въ пей монахи-перевозчики перевозятъ богомольцевъ на карбасахъ чрезъ саллу (проливъ), шириною въ 4 версты 300 сажень. Переѣздъ въ тихую погоду не представляетъ никакихъ затрудненій, но какъ только вѣтеръ засвѣжѣетъ—попасть въ Анзеры становится труднымъ, а подчасъ невозможнымъ—до того силенъ здѣсь водоворотъ.

Дорога лѣсомъ, которую приходится проѣзжать на лошадахъ, чрезвычайно живописна. „Какихъ только здѣсь не было озеръ! Одно—словно сверкающая на солнцѣ коса; другое—сплошь покрытое островами; третье—гладкое и чистое какъ зеркало. Однѣ за другими смѣнялись волшебныя картины. То обрывъ—вы останавливаетесь и смотрите: подъ вами синѣютъ верхушки деревьевъ, далеко уходитъ сочная понишь съ лѣсами, озерами и скалами; то съ двухъ сторонъ сжимають дорогу крутые откосы зеленыхъ горъ. Вотъ море глубокою бухтою врѣзалось въ землю; только узкій про-

*) Тамъ же, стр. 300—301.

ливъ соединяеть ее съ безконечнымъ воднымъ просторомъ. Бухту обступили высокія сосны и недвижно протягиваютъ надъ нею высокіе своды. Какъ тамъ покойно, тихо и прохладно. Тутъ ловятъ монахи рыбу, здѣсь ими выстроены домики для рыболововъ и поставлены вѣрты для вытаскиванія неводовъ...“ *).

Скитъ расположенъ въ ложбинѣ съ своими каменными келіями (живутъ здѣсь 14 монаховъ) и такою же небольшою церковью. Вблизи скита этого ловятся лучшія соловецкія сельди, и осенью здѣсь охотятся на тюленей. На Анзерскомъ островѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ патриархъ Никонъ. Живущіе въ скиту монахи руководствуются до сихъ поръ уставомъ Никона. Никонъ многое сдѣлалъ для излюбленныхъ своихъ Анзеръ, собралъ много вкладовъ, выхлопоталъ нѣкоторыя права и преимущества.

Всякому пріѣзжему, посѣтившему Анзерскій скитъ и не желающему навлечь на себя недовольство монаховъ и косыхъ взглядовъ богомольцевъ, обязательно слѣдуетъ побывать на Голгоѣ. Разстояніе отъ Анзерскаго до Иусо-Голгоескаго скита 6 съ небольшимъ верстъ; на второй верстѣ начинается подъемъ на эту высокую, напоминающую сахарную голову, гору Голгоу. Дорога извиивается по винтовой линіи между высокими деревьями, въ виду озеръ, расположенныхъ у подошвы горы. На вершинѣ первоначально жилъ Елеазаръ, а послѣ іеросхимонахъ Иусуъ, водрузившій здѣсь крестъ и первый положившій такимъ образомъ основаніе скита (въ 1712 г.). По его завѣщанію въ скиту воспрещено употребленіе рыбы и молочной пищи, кромѣ субботы и воскресенія, и установлено неусынное чтеніе псалтыря. Въ честь старца Иусуса скитъ и получилъ свое названіе Иусо-Голгоескій.

Гора Голгова до того высока, что съ моря ее можно

*) Тамъ же, стр. 334.

при благоприятныхъ условіяхъ, видѣтъ верстъ за пятьдесятъ. Замѣчательно, что чаекъ, одолѣвающихъ своимъ крикомъ внизу, въ Анзерскомъ скиту, въ Голгоѣскомъ не могли прикормить. Голуби здѣсь также не водятся; только вороны и орлы вьютъ здѣсь свои гнѣзда *). Въ Голгоѣскомъ скиту не служатъ молебновъ; служатъ однѣ панихиды.

Поразительный видъ открывается съ горы и со скитской колокольни. Отсюда видны Соловки, Анзеры и Муксальмы. При ясной погодѣ можно также разсмотрѣть скитъ на вершинѣ Сѣкирной горы. Соловецкая обитель видна какъ на ладони со всеѣми своими храмами, часовнями, строеніями.

„Видъ съ колокольни Голгоѣскаго скита еще шире, величественнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ съ Сѣкирной горы. Передъ вами безконечный просторъ синяго моря, въ которое врѣзались безчисленные мысы соловецкихъ береговъ. Острова Анзеры, Соловки и Муксальма лежатъ далеко внизу подъ вами. Вы охватываете каждую подробность этой картины, ни на минуту не теряя общаго ея впечатлѣнія. Это — замѣчательно цѣлый въ художественномъ отношеніи пейзажъ. Горы, лѣса и озера — каждое имѣетъ свой оттѣнокъ. Безконечное разнообразіе этихъ оттѣнковъ привело бы въ отчаяніе живописца. А ихъ переливы, ихъ переходы однихъ въ другіе!

„Это — цѣлая поэма природы и, глядя на нее, вы точно внимаете безпредѣльному міру чудныхъ гармоническихъ звуковъ. Подъ вами, внизу, словно частыя стрѣлки, поднимаются верхушки темныхъ, бархатистыхъ елей; рядомъ съ ними березовыя рощи подъ горячими лучами солнца кажутся пятнами расплавленнаго золота. Но что сравнится со смѣшаннымъ лѣсомъ сосенъ, елей и березъ! Это — невыразимая красота при такомъ освѣщеніи. А вдали Соловецкая обитель, съ ея часовнями,

*) См. С. Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.

точно легкій призракъ. Весь розовый, съ искрами своихъ крестовъ—онъ ласкаетъ взглядъ туриста. Отдаленіе ослабляетъ всѣ рѣзкіе контуры, остаются только нѣжныя, мягко рисующіяся линіи. Взгляните прямо подъ колокольню. У подножія горы Голгофы—озеро, это клочекъ голубого неба. На немъ—точно щенка, всмотритесь—словно какая-то муха копошится на этой щенкѣ. Это—плоть, а на плету монахъ, удрящій рыбу. Каждая мелочь отсюда является совершенствомъ, каждый штрихъ полонъ изящества и прелести. На самомъ краю горизонта лежитъ противоположная оконечность пейзажа—Сѣкирная гора. Скитъ на ея вершинѣ кажется бѣлою искрой. Между нею и послѣднею чертою горы—полоса голубого неба, какъ будто этотъ монастырь, опускается съ высоты, повисъ далеко надъ вершиною...

„Оглянитесь въ другую сторону—безбрежная лазурь моря. Вотъ на самомъ краю его что-то полощется, что-то мелькаетъ. Чайка или парусъ? Всмотритесь. Ближе и ближе это ослѣпительно бѣлое крыло, и скоро предъ вами тонко обрисуется большая поморская шкупа, разсѣкающая синеву моря. Вотъ еще нѣсколько такихъ чаекъ. Всѣ онѣ тянутся къ Архангельску съ Мурманскаго берега *).

Таковъ въ общихъ чертахъ Соловецкій монастырь съ его храмами и святынями, съ его часовнями и скитами, съ его достопримѣчательностями и хозяйственными припособленіями.

Не даромъ его считаютъ однимъ изъ самыхъ строгихъ рабочихъ монастырей въ Россіи. Въ Соловкахъ всѣ—начиная отъ игумена и кончая послушникомъ и мальчикомъ работаютъ изо дня въ день и работаютъ усердно, такъ какъ сознаютъ, что трудъ каждаго идетъ на пользу всей общины, на процвѣтаніе, обогащеніе и

*) В. И. Немировичъ-Данченко. Вѣломорье и Соловки, стр. 338—339.

усиленіе обители. Никакой роскоши, никаких излишеств въ Соловкахъ не допускается, вся братія ведетъ строгій аскетическій образъ жизни; пища сытная, но простая, употребленіе вина и табака строго преслѣдуется. Суровые нравы и строго-рабочій характеръ Соловецкаго монастыря еще рѣзче бросаются въ глаза, когда сравнить жизнь соловецкой братіи съ нравами нѣкоторыхъ другихъ монастырей средней и южной Россіи, гдѣ условія жизни гораздо легче и покоійше. Такой же строго-рабочій характеръ, какъ въ Соловкахъ, носитъ Валаамскій монастырь, гдѣ нравы не менѣе суровы и даже во время поста не ѣдятъ рыбы. Вообще складъ и устои жизни въ Соловкахъ и на Валаамѣ во всѣхъ существенныхъ своихъ чертахъ весьма сходны.

Соловецкій монастырь устроенъ мужицкими руками. Мы видѣли при описаніи хозяйственныхъ приспособленій Соловковъ, что тамъ все сдѣлано монахами и богомольцами, т. е. безграмотными въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянами. Сколько, значитъ, въ русскомъ мужикѣ кроется сметливости, предпримчивости, какъ онъ трудолюбивъ и расчетливъ, когда поставленъ въ условія, при которыхъ онъ чувствуетъ себя равноправнымъ членомъ общины, основанной на религіозномъ началѣ! Такія сооруженія, какъ соловецкіе доки, гать отъ Муксальмы, мельница, монастырскія гостинницы—не краснорѣчивые-ли памятники талантности, терпѣнія, трудолюбія и выносливости нашего мужика! А его до сихъ поръ еще обвиняютъ въ косности, отсутствіи предпримчивости, лѣни. Въ Соловецкомъ и Валаамскомъ монастырѣ на каждомъ шагу прямыя факты опровергаютъ такой взглядъ...

Соловецкій монастырь созданъ былъ монахами и пожертвованіями отъ Великаго Новгорода и отъ московскихъ царей. Но усилился онъ, развился и существуетъ, какъ рабочая община, даровымъ трудомъ годовыхъ богомольцевъ. Культурное значеніе Соловки

имѣли въ началѣ своего существованія, когда окрестные жители всему учились у монаховъ—людей сошедшихся на Соловецкихъ островахъ съ разныхъ концовъ Россіи и примѣнявшихъ тамъ на дѣлѣ свои разнообразныя познанія въ мастерствахъ, ремеслахъ и сельскомъ хозяйствѣ; монахи учили крестьянъ бѣломорской области жить, бороться со скудною сѣвѣрною природою и подчинять ее себѣ на пользу, и они же были ихъ духовными отцами, миссіонерами, просвѣтителями. Въ настоящее же время обитель не имѣетъ почти никакого значенія въ смыслѣ матеріальнаго улучшенія быта крестьянъ бѣломорской области. То, чему можно было, крестьяне уже научились у монаховъ, поваго же изъ своего годового пребыванія въ монастырѣ богомолецъ, по причинамъ, указаннымъ въ первой главѣ настоящаго очерка, не вынесетъ. Всякаго ремесленника монастырь заставляетъ работать по своему ремеслу; богомольца же, не знающаго никакого ремесла, ставятъ на такое послушаніе, гдѣ онъ исполняетъ только черную работу, подъ руководствомъ монаховъ-спеціалистовъ. Изъ нашего бѣлаго очерка читатель могъ видѣть, что всѣми мастерскими и другими учрежденіями завѣдываютъ два-три монаха, богомольцы же служатъ черноработными и слѣдовательно изучать дѣло въ его цѣломъ не имѣютъ возможности, а могутъ только приглядываться.

Выше мы сказали, что монастырь держится даровымъ трудомъ годовыхъ богомольцевъ. И это нисколько не преувеличено: одни монашествующіе не въ состояніи были бы вынести на своихъ плечахъ обширное монастырское хозяйство, увеличивать же число наемныхъ рабочихъ было бы невыгодно. Поэтому, богатство, слава и величіе монастыря поддерживается, главнымъ образомъ, благочестіемъ русскаго народа, его духовными, вѣрнѣе религіозными потребностями. Въ удовлетвореніи этихъ духовныхъ потребностей, въ нравственномъ обновленіи, производимомъ суровыми, аскетическими усло-

віями, въ которыхъ протекасть пребываніе въ монастырѣ годовыхъ богомольцевъ, и заключается главное значеніе Соловецкой обители въ настоящее время. А такъ какъ релігіозныя потребности глубоко коренятся въ русскомъ простолюдинѣ, то въ Соловки всегда будутъ стекаться массы народа со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества.

Михаило-Архангельскій корельскій монастырь.

Съ самаго начала возникновенія иночества въ Россіи многіе „и отъ сильныхъ міра сего, и отъ простецовъ, и отъ людей науки“, руководимые желаніемъ душевнаго спасенія, жаждавшіе духовной, созерцательной жизни, „покидали міръ и вся красныя его“, искали уединенія въ пустынныхъ мѣстахъ обширнаго сѣвернаго края Россіи.

И дѣйствительно, трудно было найти убѣжище для жизни иноческой, въ отдаленное отъ пасъ время начала духовной, аскетической жизни среди подвижниковъ православія, болѣе суровѣе, болѣе безмолвиѣе сѣверныхъ странъ нашего отечества, пынѣвшихъ Архангельской, Олонецкой и отчасти Вологодской губерній.

Встуная въ предѣлы этого края, еще можно видѣть дремучіе хвойныя и лиственные лѣса, зеленѣющіе сочною травою луга, засѣяныя поля, живописно раскинувшіяся по берегамъ рѣкъ и озеръ деревни; можно видѣть дивныя, своеобразно-красивыя пейзажи природы Сѣвера. Но, подвигаясь дальше въ глубь страны, все это уступаетъ утомительно-скучнымъ, однообразно-печальнымъ видамъ.

Хвойныя лѣса рѣдѣютъ и теряютъ свою величавость,

а лиственные какъ бы сжимаются отъ холода. Луга теряютъ свою сочную, изумрудную траву, поздно появляются на нихъ первые цвѣты и рано покрываются осеннею желтизною. Немного и хлѣбныхъ полей, — ихъ замѣняютъ тундры и болота съ безчисленными небольшими озерами.

Достигнувъ близости береговъ Бѣлаго моря, береговъ океана, природа уже въ полномъ смыслѣ суровая.. Тянутся однѣ каменистыя горы да тундры, покрытыя тощимъ мхомъ, кое-гдѣ изможденные кустарники, чахлая березка, склонившія на югъ свои вершины, малорослыя ели, да кривлявыя сосенки; правда, мѣстами на склонахъ невысокихъ горъ, защищенныхъ могучими горнымъ хребтомъ отъ сѣвернаго вѣтра съ океана, попадаются своего рода оазисы — густой хвойный лѣсъ при шумной рѣкѣ, со свѣжею зеленью луговъ, по это — рѣдко.

Такова природа нашего Сѣвера и преимущественно Архангельской губерніи. Лежащія южнѣе, Олопецкая и Вологодская, хотя и немного отличаются отъ нея, но здѣсь все-таки нѣтъ угрюмыхъ горъ, тундръ и непроходимыхъ часто болотъ.

Суровъ нашъ Сѣверъ, но подвижники благочестія и искали этого. Для спасенія души они не жалѣли своей плоти; мало обращая вниманія на страдающія тѣла, они закалялись духомъ, духомъ святой вѣры, духомъ подвижничества. Среди тяжелыхъ трудовъ и аскетической жизни, они искали лишь отрады въ просвѣщеніи свѣтомъ христіанства людей заблудшихъ, погрязшихъ въ грѣховномъ невѣрїи, въ невѣдѣніи истиннаго Бога, а такихъ людей въ сѣверныхъ предѣлахъ тогдашней Руси были цѣлыя племена.

И только скромнымъ пустынножителемъ-шюкамъ Сѣверъ обязанъ своимъ духовнымъ просвѣщеніемъ, своимъ возрожденіемъ отъ мрака къ свѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурою.

Основанные ими монастыри служили рассадниками христианства, насадителями дѣятельной жизни и знаній, центромъ просвѣщенія.

Сѣверный край, погруженный въ мракъ невѣжественныхъ вѣрованій, какъ-будто забытыи, обездоленный, съ устройствомъ въ немъ обителей иноческихъ, какъ говоритъ одинъ изъ писателей, „быстро шелъ по пути просвѣщенія и вмѣстѣ съ симъ благоустройства вообще; обитель, питая его пищею духовною, въ то же время наставляла, возвышала его и въ жизни общественной“.

Въ исторіи просвѣщенія христианствомъ и культурою вообще Архангельская губернія обязана какъ Соловецкому монастырю, такъ и описываемому нами, древнѣйшему, среди монастырей Сѣвера, Свято-Архангельскому Михаило-Корельскому.

„Обитель эта древностью своего основанія превосходитъ многія обители русскія, — пишетъ о монастырѣ одинъ изъ историковъ;—она основана въ XII столѣтіи, когда первые, извѣстные, по лѣтописямъ, обитатели Архангельскаго края, народы племени Чудскаго, только что были озарены спасительнымъ ученіемъ Евангелія, но не утвердились еще въ догматахъ вѣры, а потому имѣли нужду въ наставникахъ Слова Божія и въ самомъ храмѣ Божіемъ“. Монастырь Свято-Архангельскій явился первымъ служителемъ новообращенныхъ и ихъ руководителемъ.

Въ лѣтописяхъ имя обители впервые хотя и упоминается въ 1419 году, но лѣтописецъ упоминаетъ о немъ какъ о монастырѣ существующемъ уже. „Въ лѣто 6927 (1419) пришедше мурманы войною съ моря на шнякахъ и повоевана Михаила Архистратига монастырь, церкви пожгли и чернецовъ всѣхъ посѣкли“, да и въ годъ основанія Архангельска, получившаго свое имя отъ обители, монастырь былъ уже „древнею обителью иноческою“. „Обители этой,—читаемъ мы въ одномъ историческомъ очеркѣ,—было тогда не менѣе чѣмъ 300 лѣтъ,

а можетъ быть и цѣлыхъ 400“. Основателемъ монастыря, согласно историческимъ даннымъ, былъ св. Іоаннъ Милостивый, архіепископъ великаго Новгорода, что видно изъ его грамоты, данной первому игумену обители Лукѣ, въ благословеніе совершать „вседневную службу Божию въ обители архистратига Михаила“.

Сначала монастырь былъ основанъ на берегу рѣки Сѣверной Двины, на мѣстѣ нынѣшняго города Архангельска, гдѣ теперь стоитъ церковь Михаила Архангела. Монастырь окружалъ тогда на много верстъ густой боръ, и далеко не было въ окрестностяхъ его жилищъ человѣческаго. Обитатели края, дикіе народы финскаго племени: чудь, лопари, корелы и самоѣды ютились вдали въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ края.

Въ началѣ XII вѣка предприимчивые новгородцы привлекаемые сюда естественнымъ богатствомъ, какъ-то обиліемъ пушныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, постепенно овладѣли краемъ, а съ ихъ приходомъ стала распространяться и русская народность, появились и русскія селенія, начали принимать святую вѣру и дикія туземныя племена.

Только что основанный монастырь Свято-Архангельскій съ первыхъ же дней своего существованія сталъ религіознымъ центромъ и оплотомъ русской народности.

Монастырь, постепенно обогащаясь и украшаясь усердно служилъ дѣлу просвѣщенія страны. Божественная служба совершалась въ немъ строго, по уставу церковному, и ежедневно, а иноки его посвятили себя трудамъ миссіонерства и время отъ времени посѣщали страну съ Евангельскою проповѣдью.

Мирное существованіе Михаило-Архангельскаго монастыря продолжалось до начала XV вѣка, когда, какъ упоминали мы выше, обитель была разграблена и сожжена.

Послѣ этого бѣдствія, монастырь долго не могъ поправиться, но, однако, съ теченіемъ времени, онъ все

такъ опять устроился и, на ряду со вновь возникшими на сѣверѣ обителями, продолжалъ свою просвѣтительную дѣятельность.

Въ это время владычество новгородцевъ смѣнилось, послѣ упорной борьбы за власть, господствомъ Москвы, и страна постепенно получила новую организацію.

Въ концѣ XVI в. вокругъ Свято-Архангельскаго монастыря возникъ цѣлый городъ.

Возникновеніе города на этомъ мѣстѣ было вызвано соображеніями коммерческаго свойства. Правительство того времени, „озабоченное мыслию поставить въ лучшія условія торговыя сношенія“ съ Западною Европою, рѣшило устроить торговый и таможенный пунктъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Бѣлаго моря, „куда бы корабли могли подходить“ безъ тѣхъ препятствій, которыя затрудняли кораблямъ доступъ къ торговому въ то время центру Двинской области — г. Холмогорамъ. Такимъ именно благопріятнымъ для пристанища иностранныхъ судовъ пунктомъ, посланные въ 1584 г. изъ Москвы на Двину, бояре Нащокинъ и Волоховъ и признали окрестность Михаило-Архангельскаго монастыря. Поэтому здѣсь были воздвигнуты въ одинъ годъ разныя казенныя зданія, которыя вмѣстѣ съ монастырскими строеніями — двумя церквами, одною каменною во имя Архангела Михаила, съ придѣломъ мученика Мины, и другою, деревянною въ честь Покрова Богородицы, келіею игумена и братскими келіями—„были обнесены укрѣпленною, деревянною стѣною, окруженною рвомъ“, что и составило новый городъ—Архангельскъ.

Первыми жителями новаго города были стрѣльцы, которые были производителями работъ по постройкѣ казенныхъ учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ защитниками юнаго Архангельска. Они-же первые начали заниматься промыслами и торговлею, по чрезъ три года, въ 1587 г., было разрѣшено селиться въ городъ всякому желающему. Въ этомъ же году окончилась постройка гости-

ныхъ дворовъ и окончательно переведена сюда торговля съ иностранцами.

Городъ быстро разросся и окружилъ отовсюду обитель

Однако, близость къ городу оказалась для монастыря очень неудобною. Братство монастыря не стало уже строго исполнять обѣты шочества, шумная жизнь города была соблазномъ для многихъ.

Старѣйшіе изъ братіи, во главѣ съ тогдашнимъ игуменомъ Павломъ, человѣкомъ высоко нравственной, аскетической жизни, стали хлопотать предъ духовною властью о переселеніи въ другое мѣсто.

Ходатайство игумена было уважено, указано было даже и мѣсто, но,—отмѣчаетъ лѣтописецъ, — „15 іюля 1636 года въ Архангельскомъ городѣ случился большой пожаръ“, уничтожившій большую часть города, а также и монастырь, съ его церквами, кельями и всеми постройками.

Черезъ два года, а именно въ августѣ 1638 года, грамотою царя Михаила Феодоровича повелѣно было приступить къ возобновленію монастыря, но уже на новомъ, гдѣ находится и теперь, мѣстѣ; рѣшено было построить обитель „выше города за версту, надъ Двиною-же“, при чемъ строителемъ былъ назначенъ преемникъ игумена Павла, священноинокъ Матѣей.

Въ монастырѣ были построены: двѣ деревянныя церкви, одна въ честь Покрова Пресвятой Богородицы, другая во имя Михаила Архангела, и деревянная-же колокольня. Въ церкви Михаила Архангела были сдѣланы два придѣла—во имя св. Мины и, нѣсколько позднѣе, во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба.

Матеріальное положеніе монастыря, сначала очень незавидное, постепенно улучшалось. Нѣсколькими грамотами монастырю были даны довольно значительныя преимущества и права. Владѣнія монастыря были во многихъ мѣстахъ Двинскаго края, были даже тони на мурманскомъ берегу.

Въ своихъ владѣнiяхъ Михаило-Архангельскiй монастырь пользовался правомъ суда; несудимая грамота дана была въ монастырь великимъ княземъ Василиемъ Иоанновичемъ.

Монастырь пользовался отъ правительства субсидiею—хлѣбомъ „70 четвертей“ и деньгами „7 алтынъ и 2 деньги на брата“.

Всѣ права монастыря были подтверждены царями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, но послѣ учрежденiя штатовъ при Екатеринѣ II, монастырь значительно обдѣлилъ.

Въ церковной зависимости Михаило-Архангельскiй монастырь находился подъ вѣдѣнiемъ новгородскихъ епископовъ. Съ 1571 г., по волѣ Иоанна IV, монастырь былъ подчиненъ епископамъ вологодскимъ, затѣмъ, по смерти Грознаго, опять новгородскимъ, а съ 1682 г., когда была открыта архіепископія Холмогорская—подъ власть владыкъ холмогорскихъ, теперь—архангельскихъ и холмогорскихъ, „священно-архимандритовъ обители“, такъ какъ монастырь служитъ нынѣ мѣстопробыванiемъ епископовъ Архангельской епархіи.

Въ настоящее время монастырь Архангела Михаила—одинъ изъ лучшихъ по устройству монастырей епархіи, несмотря на то, что не такъ давно вновь пострадалъ отъ пожара.

Пятиглавыи храмъ въ древне-русскомъ стилѣ, высокая каменная колокольня, съ которой можно видѣть почти весь Архангельскъ, архіерейскiй домъ и другія зданiя обители, обнесенныя камешною стѣною, дѣлаютъ его величаво-красивымъ.

Святынею обители является чудотворная Владимiрская икона Богоматери „древняго греческаго письма“, даръ бывшаго епископа Воронежскаго и Задонскаго преосвященнаго Игнатія.

Въ обители Михаило-Архангельской, много послу-

жившей дѣлу просвѣщенія сѣвера, имѣется не-мало древнихъ свитковъ, синодиковъ и другихъ церковныхъ вещей, весьма интересныхъ въ археологическомъ отношеніи.

Число братіи немногочисленно. Жизнь идетъ тихо. Безмолвная, суровая природа дѣлаетъ его поистинѣ „мѣстомъ жизни созерцательной и подвиговъ иноческихъ“.

Крестный монастырь.

Недалеко отъ г. Онеги, среди волнъ непривѣтливаго Онежскаго залива высится мрачный и печальный, какъ бы осужденный природою на безконечную борьбу съ бушующими волнами гранитный небольшой островъ Кіи. Цѣлыя тысячелѣтія не былъ опъ жилищемъ для человѣка, единственными его обитателями были морскія птицы, да иногда занесенный бурей на утломъ суднѣ архангельскій рыболовъ.

Но, наконецъ, настала лучшая пора и для Кіи: на немъ возсіялъ на главахъ воздвигнутой обители Крестъ Христовъ.

Основателемъ монастыря былъ знаменитый патріархъ всероссійскій Никонъ.

Въ 1635 г., Никонъ, будучи тогда іеромонахомъ Анзерскаго Соловецкаго скита, въ небольшой лодкѣ отправился по дѣламъ скита въ монастырь, но надѣ проливомъ, отдѣляющимъ Анзерскій островъ отъ Соловецкаго, внезапно разыгралась буря, и лодка Никона очутилась въ открытомъ морѣ. Всю ночь бурныя волны Бѣлаго моря носили лодку; тщетно боролся Никонъ съ разъяренною стихіею и, не видя спасенія, бросилъ весла и отдался молитвѣ Господу. „Едва не потонюхъ, — писалъ онъ впоследствии въ своемъ сказаніи о Крестномѣ

монастырѣ,—но, уповающе на силу Божественнаго Животворящаго Креста, спасеніе получимъ“.

Подъ утро буря стихла, и Никонъ увидѣлъ себя на берегу пустыннаго острова; этотъ островъ и былъ Кій.

Никонъ принесъ горячую молитву о своемъ спасеніи. „Славу воздохомъ распеншемуся на Крестѣ Господу нашему Иисусу Христу о ономъ избавленіи и тогда же, на томъ островѣ, на воспоминаніе своего спасенія водрузимъ Святыи Животворящій Крестъ“.

Оставляя островъ, Никонъ далъ обѣтъ основать здѣсь монастырь въ честь св. Креста.

Скоро Никонъ, изъ простаго іеромонаха, быстро вышшаясь въ іерархіи, занялъ митрополию Новгородскую, сталъ любимцемъ царя Алексея Михайловича, его ближайшимъ совѣтникомъ и руководителемъ.

Въ 1652 г. митрополитъ Никонъ былъ посланъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Соловецкіи монастырь для перенесенія въ Москву мощей святителя Филиппа.

Перенести мощи страдальца за истину, въ Москву, къ гробамъ его предшественниковъ по первосвятительству престольнаго города, было мыслью Никона и, благодаря его вліянію на кроткаго Алексея Михайловича ему удалось осуществить ее.

Возвращаясь изъ Соловокъ съ мощами св. Филиппа, Никонъ посѣтилъ Кій; сооруженный имъ въ память спасенія крестъ, онъ нашелъ цѣлымъ и невредимымъ и, преклонивъ предъ нимъ колѣна, онъ вторично далъ въ молитвѣ Господу обѣтъ воздвигнуть обитель.

Никонъ сдержалъ свое обѣщаніе и въ 1656 г., будучи уже московскимъ и всея Россіи патриархомъ, обратился къ царю съ просьбою выдать грамоту на построеніе монастыря. Царь не отказалъ своему любимцу, и грамота была дапа.

Въ слѣдующемъ же году начали по плану патриарха строить монастырь. Расходы по первоначальнымъ рабо-

тамъ Никонъ принялъ на себя, остальные покрывались богатыми вкладами и пожертвованіями самаго царя пожаловавшаго изъ собственныхъ средствъ 6,000 р., и вкладами желавшихъ угодить царю и могущественному въ ту пору Никону боярь.

Сверхъ того царь далъ монастырю дарственныя грамоты, по которымъ отписывались къ обители многія села со всѣмъ ихъ имуществомъ, землями и угодьями.

Такимъ образомъ, Крестный монастырь, при самомъ своемъ основаніи, сдѣлался одною изъ богатѣйшихъ обителей; притомъ монастырь этотъ былъ ставропигіальный, т. е. находился въ зависимости не отъ мѣстныхъ епископовъ, но отъ патріарха.

Первымъ настоятелемъ Крестнаго монастыря былъ архимандритъ Іоаннъ. Государь пожаловалъ ему богатою облаченіе: „ризы червленаго турецкаго бархата“, оплечіи которыхъ было вышито „крупнымъ жемчугомъ съ до рогами каменьями и золотыми блесками“. Подража примѣру государя, царица Татіана Михайловна подарила монастырю царевныя облаченія, богослужбныя книги, не забывъ отдѣлить и деньгами.

Постройка монастыря, подъ личнымъ наблюденіемъ патріарха, подвигалась быстро, такъ что въ началѣ сентября 1661 г. состоялось уже освященіе каменной соборной церкви, въ честь Воздвиженія Креста Господня.

Въ 1657 г. въ Крестный монастырь былъ перенесен изъ Москвы, заказанный Никономъ въ Палестинѣ, Жъ вотворящій Крестъ „мѣрою и подобіемъ Креста Господня находящагося въ Іерусалимѣ“.

Перенесеніе креста было особенно торжественно. Отъ самой Москвы, его сопровождали „многочисленный соборъ монашествующаго и бѣлаго духовенства“; кромѣ того по указу государя вслѣдъ за священниками и монахами слѣдовала рота драгунъ при своихъ офицерахъ и „съ орудіями военными, числомъ до ста восьми болшихъ и малыхъ пушекъ“.

Патріаршій крестъ былъ торжественно встрѣченъ братією обители и при громѣ пушекъ и колокольномъ звонѣ водруженъ въ соборной церкви у иконостаса, вблизи праваго клироса, гдѣ находится и теперь.

Крестъ этотъ заключаетъ въ себѣ много частицъ св. мощей и иныхъ священныхъ предметовъ и, являясь историческимъ памятникомъ обители, напоминающимъ о великомъ ея основателѣ, въ то же время есть и святыня монастыря; въ лѣтописяхъ обители записано о нѣсколькихъ случаяхъ чудотворнаго дѣйствія Креста.

При подножій его можно прочесть надпись: „При державѣ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и иныхъ государствъ Государя и Обладателя и при Благовѣрной и Христолюбивой Государынѣ Царицѣ Великой Княгинѣ Маріи Ильиничнѣ и при сынѣ ихъ Благовѣрномъ Государѣ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣ Алексіевичѣ, сотворенъ сей великій Крестъ Божією милостью Никономъ, Архіепископомъ царствующаго великаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Патріархомъ, отъ честнаго древа кипариса и украшенъ серебромъ и золотомъ, въ хвалу и поклоненіе христіаномъ“.

„Христе Боже! помилуй и спаси душу мою силою Честнаго и Животворящаго Креста и Святыхъ ради молитвъ, ихъ же мощи водружены въ семь Крестѣ. Отъ воплощенія Слова Божія 1656 г., а отъ сотворенія міра 7164 г., августа въ первый день“.

Кромѣ упомянутой выше соборной церкви, вскорѣ послѣ нея были воздвигнуты: небольшая каменная же въ честь „Пропсхожденія Честныхъ Древъ Креста“, освященная самимъ патріархомъ въ 1660 г.; построенная при семь же церковь на братскомъ кладбищѣ; а затѣмъ въ 1689 г., храмъ въ честь Рождества Богоматери.

Новгородскій Сырковъ второклассный женскій монастырь.

I.

Новгородскій Сырковъ второклассный женскій монастырь находится въ Новгородской губерніи и уѣздѣ, въ 6 верстахъ отъ Новгорода, къ сѣверу, на лѣвомъ берегу небольшой рѣчки Стипенки, которая ниже монастыря называется уже Веряжею и, пройдя Михайло Клонскій монастырь, впадаетъ въ озеро Ильмень.

Мѣсто, на которомъ устроена эта иноческая обитель и въ настоящее время пустынно и уединенно, а въ XVI вѣкѣ представляло дикую пустыню, въ которой были густые и темные боры лѣсовъ и полное безлюдье. Оттого и монастырь, бывший здѣсь, именовался пустынью, а прозвище свое онъ получилъ отъ возобновителя своего Феодора Димитріевича Сыркова. Я называю его возобновителемъ потому, что до временъ Сыркова, т. е. до XVI вѣка, по преданію, существовала здѣсь не большая иноческая обитель или пустынь; но когда и кѣмъ эта старинная пустынь была основана, неизвѣстно. По преданію и по монастырскимъ недавнимъ запискамъ монастырь этотъ существуетъ уже болѣе 500 лѣтъ. Но записки эти не заслуживаютъ никакого вѣроятія, такъ какъ онѣ извлечены изъ письменнаго лѣтописца, писаннаго въ 1762 году и хранящагося въ Новгородскомъ Николаевскомъ Двориченскомъ соборѣ и приписаны къ Сыркову монастырю неправильно. Такъ, на листѣ 50 сказано: „въ лѣтъ 6737 (1229) прииде Мордва въ Новгородъ ратию, Новгородцы же побѣдѣша ихъ; они-же зажгоша монастырь Пресвятыя Богородицы и отбѣгоша во свояси“ *). Хорошо извѣстно, что Мордва, кромѣ 1103 года, никогда

*) См. выписки изъ лѣтоп. въ журналѣ Мин. Н. Просвѣщенія 1853 г., № 12, стр. 5.

не опустошала область Новгородскую, а между тѣмъ городъ Нижній-Новгородъ и его область были не разь опустошаемы ею. Слѣдовательно, сказаніе это всецѣло относится не къ Новгороду, а къ городу Нижнему-Новгороду и тамошнему Богородицкому монастырю и заимствовано изъ Нижегородскаго лѣтописца *).

Такимъ образомъ остается принять, что Сыркова пустынь, хотя и существовала гораздо прежде устройства ея Сырковымъ въ XVI вѣкѣ, но когда и кѣмъ эта пустынь была разорена—неизвѣстно.

Отъ прежней иноческой обители или пустыни только и осталась одна явленная икона Владимірской Божіей Матери.

Исторически извѣстнымъ Сырковъ монастырь ставится въ царствованіе царя Іоанна IV Васильевича, при святительствѣ Всероссійскаго митрополита Макарія и Новгородскаго архіепископа Θεодосія, съ 1548 года. Какъ уже сказано, возобновителемъ его былъ новгородскій бояринъ, царедворецъ Θεодоръ Дмитріевичъ Сырковъ, который, отличаясь искренней набожностью, устроилъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ 12 монастырей, въ томъ числѣ и Сырковъ, и не малое число церквей и во время послѣдняго пришествія въ Новгородъ царя Іоанна Васильевича въ 1570 году пострадалъ безвинно.

Поводомъ къ возобновленію, или устроенію монастыря было посольство въ Ливонскій городъ Колывань, нынѣшній Ревель. Сырковъ, отправляясь въ Колывань дьякомъ, или секретаремъ, далъ Богу обѣтъ устроить иноческую обитель въ честь Владимірской иконы Божіей Матери, если совершитъ путь свой благополучно, „по чудесному явленію отъ иконы Божіей Матери Владимірскія, оному Θεодору Сыркову“ (какъ это записано въ монастырской запискѣ).

*) Полн. собр. Русск. лѣт., т. I, стр. 129. Нижегородск. лѣт. въ древн. Россійск. Вивлію. ч. XVIII, Ср. Новгород. I лѣт., стр. 3.

Благополучно возвратившись въ Новгородъ изъ п сольства въ г. Колывань, Сырковъ немедленно присту пилъ къ исполненію своего священнаго обѣта. Для чего прежде всего обратился съ просьбою къ царю Іоанн Васильевичу о дозволеніи устроить монастырь и о снятіи копій съ чудотворнаго образа Владимірской Божіе Матери, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Благочестивое желаніе было исполнено: царемъ было дозволено Сыркову устроить монастырь, и просимая икона прислана.

Въ царской жалованной грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, отъ 14 февраля 1694 года, объ этомъ сказано такъ: „въ прошломъ де во 156 году (1548) по указу прародителя нашего Великихъ Государей блаженныя памяти Великаго Государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи поставлена церковь каменная во имя Срѣтеніе пресвятыя Богородицы Владимірскіе въ Сырковѣ пустыни; а у того строенія былъ новгородецъ посадской человекъ Ѳеодоръ Дмитріевъ Сырковъ, и въ тое пустыню прислалъ чудотворной образъ пресвятыя Богородицы Владимірскіе съ Москвы“.

Въ новгородской III лѣтописи мы читаемъ слѣдующее сказаніе, касающееся Сыркова монастыря: „В лѣту 7056 (1548) поставленъ бысть храмъ каменной и монастырь устроенъ пречистыя Богородицы Срѣтеніе Владимірскія, иже нарицается Сыркова пустыня на рѣчкѣ Веряжи, вины ради сицевыя: Ѳеодору Дмитріевичу Сыркову бывшу [съ] послѣмъ въ Колыванѣ дьякомъ, сохранены быша отъ смерти, и того ради обѣщася поставити сѣи храмъ пресвятѣй Богородицы“ *).

Въ новгородской II лѣтописи о Сырковѣ монастырѣ

*) Новгород. III лѣтопись, стр. 328. Сырковъ въ лѣтописяхъ вездѣ называется дьякомъ, въ грамотахъ посадскимъ человекомъ, въ другихъ актахъ—боариномъ.

сказано подъ 7062 (1554) годомъ, 22 іюня, когда заложена Пантелеимоновская церковь надъ гробомъ св. блаженнаго Николая Качанова: „до тогоже дни заложилъ Ѳеодоръ Димитріевъ сынъ Сырковъ, діакъ, в своемъ монастыри, церковь камену Пречистую Владычицу Владимірскую“ *).

Для примиренія этихъ двухъ сказаній лѣтописцевъ въ различіи годовъ, если при томъ все это произошло не по ошибкѣ переписчика, можно сдѣлать два предположенія, а именно: или въ III лѣтописи говорится объ основаніи монастыря, а во II—о построеніи въ немъ каменной церкви, или-же въ III лѣтописи сказано о заложеніи каменнаго храма, а во II лѣтописи, ровно чрезъ 6 лѣтъ, о совершеніи его.

17 августа 1558 года ужасное бѣдствіе постигло Сыркову пустынь; въ этотъ день выгорѣлъ весь монастырь **).

Вскорѣ послѣ построенія каменной величественной церкви, Сыркова пустынь стала процвѣтать. Но страшное бѣдствіе постигло Новгородъ въ ужасную эпоху казней въ царствованіе царя Іоанна Васильевича Грознаго, въ 1570 году. Въ эту ужасную пору погибъ страдальчески и совершенно безвинно и устроитель и возобновитель Сырковой пустыни, боголюбивый Ѳеодоръ Димитріевичъ Сырковъ, и, нѣтъ сомнѣнія, въ числѣ прочихъ новгородскихъ монастырей пострадалъ и самъ Сырковъ монастырь. Приведу рассказъ объ ужасныхъ дняхъ начала 1570 года: Въ январѣ, за нѣкоторое время до приѣзда царя Іоанна IV въ Новгородъ, онъ былъ оцѣпленъ передовымъ полкомъ царскимъ, такъ что не было никакой возможности ни войти въ него, ни выйти ***).

*) Новгород. II лѣтопись, стр. 86.

***) Новгород. лѣтопись, стр. 90.

***) Лѣтописецъ церквамъ Божиимъ, годъ 1570 годомъ, стр. 338—345.

Бояре и дѣти боярскія того передового полка, по повелѣнію царя, разѣхались по монастырямъ окол города и, запечатавъ монастырскую казну, взяли съ собою въ Новгородъ игуменовъ, черныхъ поповъ и діаконовъ и соборныхъ старцевъ, числомъ болѣе 500 и поставили ихъ на правезѣ, заковавъ въ цѣпи, до гсударева приѣзда. Другія дѣти боярскія собрали со всего города всѣхъ поповъ и діаконовъ и отдали каждому пристава по 10 человекъ и велѣли держать ихъ въ желѣзныхъ узахъ крѣпко и на всякій день бить на правезѣ отъ утра и до вечера... Третьи дѣти боярскія запечатали всѣ подцерковья и палаты именитыхъ людей затѣмъ схватили гостей, приказныхъ людей, государевыхъ именитыхъ и торговыхъ людей и передавали ихъ приставамъ для заключенія въ оковы, а женъ и дѣтей несчастныхъ узниковъ приказывали держать за стражею до приѣзда государя.

Вечеромъ 6 января, наконецъ, прибылъ и царь Іоанн Васильевичъ, съ своимъ сыномъ, царевичемъ Іоанномъ Іоанновичемъ и остановился на Городищѣ, близъ Новгорода. Царя окружала многочисленная свита, множество воинскихъ людей и 1,500 московскихъ стрѣльцовъ. 7 января вышло первое повелѣніе всѣхъ игуменовъ, черныхъ священниковъ и діаконовъ и соборныхъ старцевъ избить палицами до смерти, и тѣла ихъ развести по монастырямъ для погребенія. Затѣмъ царь съ царевичемъ, свитой и всѣми полками отправился въ Новгородъ. На Волховскомъ мосту, у Чуднаго Креста, царь встрѣтилъ архіепископъ Пимень, съ крестами и иконами и хотѣлъ благословить его по обычаю крестомъ; но ни царь, ни царевичъ къ кресту не пошли, а сказалъ царь архіепископу съ большимъ гнѣвомъ и яростію: „Ты злочестивый, имѣешь въ рукъ своей не Крестъ Живо-творящій, но вмѣсто креста—оружіе и этимъ оружіемъ зломысліемъ своимъ и единомысленниковъ своихъ, жители этого города хотятъ отчину нашу Великій Новг

родъ передать иноплеменникамъ—королю польскому Жигимонту-Августу. Съ этого времени не называешься болѣе пастыремъ и учителемъ; но волкомъ, хищникомъ и губителемъ назовешься и измѣнникомъ нашей царской багряницы и вѣнца досадитель"... Затѣмъ слушалъ въ соборѣ литургію и по окончаніи ея пошелъ къ архіепископу Пимену въ столовую палату. Здѣсь едва Іоаннъ сѣлъ за столъ, какъ приказалъ немедленно ограбить всю архіерейскую казну, все имущество не только архіепископа, но и владычныхъ бояръ и слугъ. Бояръ и слугъ приказалъ схватить и держать въ узахъ. Архіепископъ Пименъ былъ схваченъ и арестованъ; ему повелѣно было выдавать на содержаніе лишь по двѣ деньги на каждый день. Затѣмъ царь приказалъ взять изъ собора и монастырей всю ризницу, иконы, кресты, драгоценную утварь, казну и даже колокола.

Возвратясь въ Городище царь Іоаннъ приказалъ приводить къ нему владычныхъ бояръ, служилыхъ людей, женъ и дѣтей ихъ и здѣсь въ присутствіи своемъ мучить безчеловѣчно и „телѣса ихъ нѣкоею составною мукою огненною поджигати“. Затѣмъ боярскія дѣти привязывали страдальцевъ кого за голову, кого за ноги, а кого и за руки тонкими „ужи“, по одному къ санямъ и влекли ихъ на Волховскій мостъ и метали ихъ оттуда въ рѣку Волховъ. Женъ и дочерей повелѣлъ государь возводить на нарочито устроенное возвышеніе на мосту и связавше бросать въ рѣку. Дѣтей привязывали къ матерямъ и подвергали той же участи. По рѣкѣ Волхову разъѣзжали воинскіе люди и боярскія дѣти съ рогаatinaми и баграми, и закалывали и убивали всплывавшихъ на поверхность воды несчастныхъ... Болѣе пяти недѣль, изо дня въ день, продолжалось такое ужасное избиеніе!.. Въ иные дни бросали въ рѣку Волховъ по 1,500 человѣкъ, въ другой по 1,000, а самое меньшее по 600 и 500 человѣкъ...

По окончаніи этой ужасной кровавой расправы, Іоаннъ

началъ съ своими воинскими людьми ѣздить около Новгорода и предавать ограбленію монастыри, келліи и дома пемолоченный хлѣбъ по царскому приказу сжигался въ скирдахъ, скоть—лошади и коровы, перебивались поголовно. Въ городѣ всѣ лавки и имущество были разграблены, и приказано было лавки разсѣкать и до основанія разорять.

Въ то же время велѣлъ государь разсылать князей своихъ и бояръ, за исключеніемъ воинскихъ людей около Новгорода на всѣ четыре стороны, во всѣ пятинныя станы, волости и усадьбы боярскія, версть за 200, 300 и болѣе, для того, чтобы грабить дома и убивать скоть.

Наконецъ, Іоаннъ оставилъ разграбленный, опустошенный и совершенно обезлюденный городъ и направился въ г. Псковъ, предуготовляя и этому городу подобную же участь. Архіепископа Пимена, поповъ и діаконовъ, которые не могли откупиться отъ правежа, и прочихъ опальныхъ новгородцевъ, царь приказалъ отправить въ Москву. Возвратившись въ Москву, царь распорядился снять съ архіепископа Пимена санъ и заточить его въ Веновомъ Николаевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ скоро и умеръ; поповъ и діаконовъ и опальныхъ новгородцевъ онъ предалъ жестокой казни и только самую небольшую часть несчастныхъ новгородцевъ пощадилъ и разослалъ на жительство въ другіе города.

Разсказываютъ, что Іоаннъ, будучи въ Новгородѣ и пресытившись убійствомъ, пожелалъ принять благословеніе отъ преподобнаго Арсенія, пребывавшаго въ затворѣ, близъ самага царскаго дворца; на ярославовомъ дворищѣ, въ своей бѣдной обители, устроенной на среднѣ благочестиваго Феодора Димитріевича Сыркова. Царь явился къ нему съ дарами и съ наружнымъ смиреніемъ. Преподобный затворникъ не принялъ отъ него даровъ и сказалъ: „Много невинныхъ послалъ ты въ царство небесное“. Грозный смолчалъ. Собираясь потомъ во Псковъ

онъ опять пришелъ къ святому и просилъ благословенія на путь свой: „Завтра, государь, готовъ и я въ путь свой“,—сказалъ преподобный Арсеній. Іоаннъ обрадовался, мечтая, что затворникъ пойдетъ съ нимъ въ Исковъ. Преподобный на слѣдующее утро пріобщился св. таинъ и мирно преставился въ небесную славу, іюля 12 дня 1570 г. *).

Въ числѣ жертвъ ненасытной жестокости Іоанпа, брошенныхъ по его повелѣнію, послѣ разпыхъ ужасныхъ мукъ, въ рѣку Волховъ, съ Волховскаго моста, находился и боголюбивый Ѳеодоръ Дмитріевичъ Сырковъ, возобновитель и украшитель Сыркова монастыря.

Этотъ любитель благолѣпныхъ обителей и храмовъ и строитель ихъ, любитель молитвъ, щедрый раздаватель милостыни нищимъ и убогимъ, собесѣдникъ и сомолитвенникъ преподобнаго Арсенія Затворника, новгородскаго чудотворца, нашелъ себѣ безвѣстную могилу въ бурномъ и широкомъ Волховѣ, гдѣ погибло и множество другихъ новгородцевъ.

Около 1585 года выдавалось Сыркову монастырю изъ Софійскаго архіерейскаго дома руги 2 рубля игумену съ братією на воскъ, ладонъ и на темьянъ **).

Затѣмъ, въ тяжкіе дни междуцарствія 1611—1617 годахъ, когда шведы подъ начальствомъ Делагардія заняли Новгородъ, Сырковъ монастырь былъ въ числѣ прочихъ монастырей разграбленъ и опустошенъ; по нѣтъ сомнѣнія, что храмы обители остались цѣлыми отъ шведскихъ полчищъ, не щадившихъ ничего святаго. Въ началѣ XVII вѣка въ монастырѣ были: „храмъ каменный пречистая Владимірская; трапеза деревяная, а въ ней

*) Русскіе святые чтимые всею церковію или мѣстно. Соч. архіепископа черниговскаго Филарета, ч. 2, С.-Петербургъ, 1882 г.

**) Роспись Новгор. ружныхъ церкв., въ Софійской бібліотекѣ. Времен. Моск. Истор. Общ. Кн. 24. Отд. III, стр. 37.

храмъ Никола чудотворецъ, да въ роцѣ храмъ древяннѣ Вознесенье Христова“ *).

Неизвѣстно, съ какого именно времени въ Сырковѣ монастырь былъ учрежденъ изъ Новгорода крестный ходъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка онъ ежегодно совершался 26 августа, съ большимъ торжествомъ. 26 августа празднуется Срѣтенію чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери. Въ этотъ день въ Сыркову пустынь совершался изъ Новгорода крестный ходъ. На шестиверстномъ пути духовенство пѣло молебень въ пять статей: 1-ая статья Успенію Божіей Матери и святителю Никитѣ, епископу Новгородскому; 2-ая статья Благовѣщенію и св. Николаю чудотворцу на Разважѣ; отъ Разважи шли за городъ въ Козмодемьянскія ворота по старой дорогѣ; 3-я статья Знаменію и святителю Іоанну, архіепископу Новгородскому противъ церкви Спаса, что въ Калачникахъ; 4-ая статья на Голыневѣ у креста за всяко прошеніе и преподобному Александру Свирскому и 5-ая статья Владимірской Божіей Матери и тремъ святителямъ московскимъ: Петру, Алексію и Іонѣ. Въ Сырковой пустынѣ, вмѣстѣ съ иноками Сырковскими, встрѣчалъ владыку и Вязицкіи игумень, совершавшіи здѣсь по уставу праздничную вечерню и утреню. По приходѣ въ пустынь, владыка освящалъ здѣсь воду предъ церковію, отиралъ губою кресты и иконы Софійскаго собора, а иконы въ церкви приказывалъ отирать архимандриту, благословлялъ крестомъ и окроплялъ святою водою себя самого и народъ и затѣмъ отпускалъ крестный ходъ въ городъ. Послѣ того святитель входилъ въ церковь со служащими и прикладывался къ св. иконамъ, по обычаю того времени такъ: сначала къ иконамъ по одной правой сторонѣ иконостаса, а затѣмъ входилъ въ алтарь и прикладывался у престола и жертвенника. По выходѣ изъ алтаря

*) Истор. разг. о Древ. Вел. Новгородѣ, стр. 81.

прикладывался уже къ иконамъ по лѣвой сторонѣ иконостаса; затѣмъ совершалъ Божественную литургію и, по окончаніи ея, отправлялся домой *). Но въ настоящее время крестнаго хода въ Сырковъ монастырь уже не бываетъ, и съ какого именно времени и къмъ онъ отмѣненъ, неизвѣстно.

Въ концѣ XVII вѣка, въ Сырковой пустынѣ, кромѣ соборной каменной церкви во имя Срѣтенія Владимірской иконы Божіей Матери, была каменная церковь Вознесенія Господня, четырехпрестольная, съ трапезою; но эта церковь въ 1694 г. названа новымъ строеніемъ. Была еще въ роцѣ деревянная церковь во имя преподобнаго Θεодосія, также принадлежащая монастырю.

Къ 1694 году Сыркова пустынь безбѣдно существовала, а явленная и чудотворная икона Владимірской Божіей Матери привлекала въ нее многочисленныхъ поклонниковъ; она была вполнѣ самостоятельна, управляясь строителемъ. Но архимандритъ сосѣдняго Вязицкаго монастыря Боголѣпъ, человекъ съ твердой волей и энергіей, пожелалъ приписать эту пустынь къ своему монастырю, въ то время довольно богатому, обладавшему крестьянами и землями, къ которому уже было приписано нѣсколько бѣдныхъ и безвотчинныхъ монастырей. Исполняя свое желаніе, архимандритъ Боголѣпъ въ своихъ ходатайствахъ предъ властями представлялъ Сыркову пустынь самымъ запущеннымъ и захудалымъ монастыремъ и уже успѣлъ было даже привести свое намѣреніе въ исполненіе; но вскорѣ клеветы архимандрита Боголѣпа открылись. Сначала царскою грамотою царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, отъ 14 февраля 1694 года, а затѣмъ и патріаршеею грамотою патріарха Адріана, отъ 18 іюля того-же года, пустынь была оставлена самостоятельною. Первую изъ этихъ любопытныхъ грамотъ я приведу

*) Письменный уставъ Софійскаго собора, подъ 26 августа.

для любителей древней русской письменности въ оригиналь:

„Отъ Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ богомольцу Нашему Преосвященному Корнилію Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому. Били челомъ Намъ Великимъ Государемъ Великаго Новагорода гостемъ Семенъ Гавриловъ, да пятиконецкіе Старосты Сеньки Жулевъ съ товарищи и всѣ Новгородцы посадскіе люди и вкладчики: въ прошломъ, де, во 156 (7156 или 1548) году по Указу Прародителя Нашего Великихъ Государей блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Всея Россіи поставлена церковь каменная во имя Срѣтеніе Пресвятыя Богородицы Владимірскіе въ Сырковѣ пустыни, а у того строенія былъ Новгородецъ посадской человекъ Ѳеодоръ Дмитріевъ сынъ Сырковъ и въ тое пустыня присланъ чудотворной образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскіе съ Москвы, а на свѣчи Нашего Великихъ Государей денежнаго жалованья дается по два рубль на годъ, а братіи на пропитаніе, дается хлѣбное жалованье по вся годы, и въ тое пустыню изъ Новагорода бываетъ крестное хожденіе Августа въ 26 день, а въ прошлыхъ, де, годѣхъ какъ та Сыркова пустыня отъ Нѣмецкихъ людей была раззорена и послѣ Нѣмецкаго раззоренія по Указу Дѣда Нашего Великихъ Государей Блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи Самодержца и Отца Нашего Великихъ Государей блаженныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и Брата Нашего Великихъ Государей блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича Всея Великія и Малыя Бѣлыя Россіи Самодержца, и по Нашему Великихъ Го

сударей Указу та Сырковская пустыня строена Нашею Великихъ Государей денежною казною и твоимъ богомольца Нашего Преосвященнаго Корнилія Митрополита радѣніемъ и подаяніемъ ихъ и вкладчиковъ и построено въ той пустыни вновь строенія каменнаго церковь Вознесеніе Господне, а въ ней четыре престола, да трапеза, да соборная каменная же церковь во имя Стрѣченіе Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ, да въ той же Сырковской пустыни въ рощѣ построена церковь деревянная во имя Преподобнаго отца Θεодосія и иного, де, строенія въ той пустыни прибываетъ много, а въ той Сырковской пустыни Строитель Іеромонахъ Серапіонъ съ братією, да священники бѣлые и дьячки и пономари есть, а въ церквахъ Святая Литургія и всякая Божественная служба совершается повседневно и за Наніе Великихъ Государей многолѣтнее здравіе Бога молятъ безпрестанно. И въ тое, де, пустыню Новгородцы и иныхъ городовъ и уѣздовъ многіе богомольцы съ женами и дѣтьми и съ ссущими младенцы приходятъ по обѣщанію своему молитца и многое подаяніе даютъ; и нынѣ, де, тѣмъ та пустыня строитца и братія въ пей штаютца, а вотчинныхъ, де, крестьянъ къ той Сырковской пустыни нѣтъ, а только, де, дано къ той пустыни кругомъ ее сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодей малое число и тѣ, де, ихъ сѣнные покосы, съ ихъ градскою выгонною землею смѣжны и о томъ, де, у нихъ градскихъ людей спору никакого нѣтъ, а нынѣ бьютъ челомъ Намъ Великимъ Государемъ о той Сырковской пустыни Новгородскаго жъ уѣзду Николаевскаго Вяжицкаго монастыря Архимандритъ Боголѣпъ съ братією, чтобъ приписать къ Вяжицкому монастырю; а въ челобитьѣ, де, они Архимандритъ съ братією пишутъ ложно, будто въ Сырковской пустыни все заустѣло; а вышеписанное строеніе и многихъ вкладчиковъ и градскихъ всѣхъ людей подаяніе утаили, хотя отъ той пустыни вкладчиковъ и Богомольцевъ и градскихъ людей всѣхъ

отогнать; а тотъ Вяжицкой монастырь отъ Сырковской пустыни верстахъ въ пяти и многіе, де, къ тому монастырю вотчины и крестьяны и иные многіе приписные монастыри есть, а какъ, де, тое Сырковскую пустыню къ Вяжицкому монастырю припишутъ и той, де, пустыни быть въ заустѣннн, а вкладчикомъ имъ градскимъ жителямъ всѣмъ быть отлучнымъ и подаянія и строенія никакова не будетъ, а ихъ, де, градской выгонной земли будетъ же утѣсненіе и животинѣ ходитъ будетъ негдѣ: потому что, де, иные, которые монастыри къ такимъ большимъ многовотчиннымъ монастыремъ отданы въ приписку, и отъ тѣхъ приписныхъ монастырей градскіе земли завлажены и строенія, де, въ тѣхъ приписныхъ монастырехъ вновь нѣтъ, а которое, де, старое строеніе и то, де, все обветчало; и Намъ Великимъ Государемъ пожаловатибъ ихъ для Нашего Государскаго многолѣтнаго здравія той Сырковской пустыни велѣтъ по прежнему быть особъ, а къ Николаевскому Вяжицкому монастырю во припискѣ быть не велѣтъ чтобъ той Сырковской пустыни въ раззореніи и въ копечномъ заустѣннн не быть, и имъ градскимъ людемъ и вкладчикомъ и Богомольцамъ и градской выгонной землѣ въ утѣсненіи не быть. И Мы Великіе Государя пожаловали ихъ градскихъ людей и вкладчиковъ велѣли той Сырковской пустыни быть по прежнему особъ а въ припискѣ Новгородскаго уѣзда къ Николаевскому Вяжицкому монастырю и къ инымъ монастыремъ быть той пустыни не велѣли. На челобитной ихъ о томъ помѣта Думнаго Нашего Дьяка Автамона Иванова. И какъ къ тебѣ ся Наша Великихъ Государей грамота придетъ и тыбъ богомолецъ Нашъ Преосвященный Корнилій Митрополитъ по тому Нашему Великихъ Государей Указу и по заручному челобитью Новагорода жителей и вкладчиковъ велѣлъ той Сырковской пустыни быть по прежнему особо, а въ приписныхъ къ Николаевскому Вяжицкому монастырю и къ инымъ мона-

стыремъ той пустыни быть не велѣлъ а прочеть сю нашихъ Великихъ Государей грамоту, и списавъ съ нее списокъ оставилъ у себя въ домовомъ приказѣ, а сю нашу Великихъ Государей подлинную грамоту отдалъ въ Сырковскую пустыню Строителю, съ роспискою, почему той Сырковской пустыни и впредь быть особо. Писанъ въ Москвѣ лѣта 7338 (7202, или 1694 года), Февраля въ 11 (14) день. У подлинной грамоты припись Дьяка Григорья Посникова. Справа подъячего Феодора Кувшинова“ *).

До XVIII вѣка Сыркова пустынь была мужскимъ монастыремъ, въ которой настоятелями были строители; но въ царствованіе царя Петра I Алексѣевича, въ 1712 году, обитель, по распоряженію подлежащей духовной власти, была переименована въ женскій монастырь, который названъ „Новодѣвичимъ“. Штатъ переведенъ въ него изъ упраздненнаго Росткина Предтеченскаго монастыря, который находился въ городѣ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, на Забавской улицѣ, между нынѣшними церквями Флоровской и Феодоровской **). Крестьянъ было за нимъ 224 души. По штатамъ-же 1764 года положенъ во 2 классъ степенію 4. Настоятельство съ самаго переименованія монастыря въ женскій продолжается до настоящаго времени игуменское.

Въ настоящее время Сырковъ женскій монастырь принадлежитъ къ числу самыхъ благоустроенныхъ жепскихъ обителей Новгородской епархіи.

*) Исторія Россійской Іерархіи, часть VI, Москва, 1815 года.

**) Росткинъ Предтечевъ монастырь сгорѣлъ въ 1390 году (Новгор. I лѣт. подъ 6095 г.), вновь построенъ въ 1406 году (Новг. I лѣт. подъ 6914 г.). Каменная церковь монастыря, въ честь св. пророка и предтечи Іоанна, послѣ упраздненія монастыря была приписана къ церкви св. великомученика Феодора Стратилата и въ 1848 году разобрана. Изъ игуменій Росткина монастыря извѣстны: 1) Христина, въ мартѣ 1650 г.; 2) Марѳа, 1658—75 г.; 3) Домникія, 1675—79 г.; 4) Марѳа, 1679—94 г. и 5) Анна, 1698—1700 г.

Благочестивый паломникъ, усердный поклонникъ святынь древняго Новгорода, иѣкогда славнаго и знаменитаго, именовавшаго себя „Господиномъ“ и „Великимъ Новгородомъ“, пришедшій на поклоненіе святынь Сыркова монастыря, невольно чаруется благолѣпіемъ св. храмовъ, образцовой чистотой и порядкомъ и невозмутимымъ безмятежнымъ покоемъ, царящимъ въ этой древней пустынной святой иноческой обители, находящейся подъ кровомъ Царицы Небесной...

Это уединенное, пустынное мѣсто самимъ Промысломъ предназначено для пребыванія инокинъ, оставившихъ суеты міра и возлюбившихъ, Господа ради, постъ, труды, смиреніе и молитвы...

И рано утромъ и поздно вечеромъ тихій звонъ монастырскаго колокола собираетъ отшельницъ въ храмъ Божій для усердныхъ молитвъ за Царя и Русь Православную...

II.

Приступимъ теперь ко описанію нынѣшнихъ храмовъ св. обители.

Соборный храмъ въ честь Срѣтенія чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери, несмотря на возобновленія, сохранилъ слѣды древности и съ перваго взгляда представляется построеннымъ во времена царя Іоанна IV. Этотъ храмъ былъ воздвигнутъ самимъ Теодоромъ Дмитриевичемъ Сырковымъ въ 1548 году. Онъ двухъ-этажный, пятиглавыи, построенный въ видѣ четырехугольника съ тремя выдавшимися на востокъ полукружіями. Въ послѣдствіи у юго-западнаго угла пристроена къ нему колокольня, а потомъ въ 1820 году у западной стѣны—палерть съ ризницею и крыльцо. Нижній этажъ занимаетъ подцерковьемъ или кладовыми, съ пятью небольшими окнами, а верхій этажъ—самою церковью. Длина храма отъ пристроенной западной части до восточныхъ полукружіи 10 сажень $\frac{1}{2}$ аршина,

а ширина 9 сажень безъ 1 аршина. Длѣна въ паперти, служащей продолженіемъ церкви 2 саж. $2\frac{1}{4}$ арш., а ширина равняется ширинѣ церкви. Высота храма отъ основанія до кровли 7 сажень, а до самой вершины креста 16 сажень. Сводъ церкви поддерживается 4 столбами, изъ коихъ два среди церкви, а 2 въ алтарѣ за иконостасомъ. Алтарь въ церкви съ боковыми придѣлами; въ діаконникѣ устроенъ придѣльный храмъ въ честь святителя Николая чудотво ра.

Колокольня, какъ уже выше сказано, построена въ юго-западномъ углу храма, четверугольная, въ три этажа, вышиною $8\frac{1}{2}$ сажень. Въ двухъ первыхъ этажахъ—по одному небольшому окну; а въ третьемъ шесть пролетовъ съ деревянными перилами. Колоколовъ 10, но древняго изъ нихъ нѣтъ ни одного. Главы на храмѣ и колокольнѣ обиты желѣзомъ.

Храмъ этотъ, построенный Θεодоромъ Дмитріевичемъ Сырковымъ, возобновленъ въ 1820 году на Всемилостивѣйше пожалованную въ 1820 году въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ I Павловичемъ сумму 11,500 рублей.

Иконостасъ въ храмѣ рѣзной вызолоченный.

Въ этомъ соборномъ храмѣ находятся слѣдующія святыни:

1) Явленная чудотворная икона Владимірской Божіей Матери величиною въ вышину 1 аршинъ 7 вершковъ, а въ ширину 1 аршинъ. Икона въ сребропозлащенной ризѣ, съ жемчугомъ, украшенная мѣстами стразами разныхъ цвѣтовъ, какъ на убрусѣ, такъ и на вѣнцѣ Божіей Матери двѣ звѣздочки изъ брилліантовыхъ розъ; на рукавахъ у Богомладенца брилліантовая вставка.

Икона эта находится по лѣвую сторону царскихъ вратъ, мѣстнаго иконостаса. Объ этой святой иконѣ разсказываютъ, что она явилась за соборною церковью Владимірской Божіей Матери между деревьями, до построенія дьякомъ Θεодоромъ Дмитріевичемъ Сырковымъ

монастыря *), и что именно отъ этой самой иконы благоговѣйному строителю и было чудесное явленіе, подвигшее его на устройство обители въ честь Владимірской иконы Божіей Матери. Эта святая икона есть единственная святыня, оставшаяся отъ прежде бывшей до 1548 года убогой Сырковской пустыни, о которой не сохранилось даже и народнаго преданія, кто ее воздвигъ и когда и какимъ врагомъ была разорена.

На этой явленной и чудотворной иконѣ имѣется небольшой серебряновызолоченный крестъ съ частицею мощей св. праведнаго Іакова Боровичскаго чудотворца и въ особой иконѣ св. праведныхъ Богоотцевъ Іоакима и Анна частицы мощей этихъ и праведниковъ.

2) Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ находятся также чудотворная икона Владимірской Божіей Матери, величиною она въ вышину $14\frac{1}{2}$ вершковъ, а въ ширину $12\frac{1}{2}$ вершковъ. На ней изображена Божія Матерь съ Превѣчнымъ Младенцемъ, а на поляхъ: святитель Никита, епископъ Новгородскій, и святитель Моисей, архіепископъ Новгородскій. Риза на иконѣ серебряновызолоченная, съ украшеніями изъ стразъ и простыхъ камней; убрусъ на Богоматери и риза на ней и Предвѣчномъ Младенцѣ вышиты крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ, весьма искусной работы.

На этой иконѣ находится древній сребропозлащенный крестъ съ частицею ризы Господней.

Что касается до времени написанія св. иконы, то оно опредѣляется временемъ построенія пустыни и каменной въ ней церкви 1548 года дьякомъ Θεодоромъ Димитріевичемъ Сырковымъ, бывшимъ при посольствѣ въ городъ Колывани, нынѣшнемъ Ревелѣ. Въ эту-то пустынь

*) Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, сочиненіе архимандрита Макарія (впоследствии архіепископа Донскаго и Новочеркасскаго), часть II, Москва, 1860 г.

по словамъ царской жалованной грамоты, отъ царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича присланъ чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, изъ Москвы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сказаніе Новгородской II лѣтописи о принесеніи Владимірской иконы Божіей Матери въ г. Новгородъ, въ 1571 году, при архіепископѣ новгородскомъ Леонидѣ, въ присутствіи самого царя Іоанна Васильевича и его сына царевича, Іоанна Іоанновича, именно относится къ этой св. чудотворной иконѣ, которой царь и царевичъ воздавали такія почести, идя за св. иконою „чинно, благоговѣнно и со страхомъ“.

Изъ этого лѣтописнаго сказанія видно, что св. икону Владимірской Божіей Матери принесли сначала въ церковь св. Николая и пѣли молебны; затѣмъ торжественно перенесли въ церковь Знаменія Божіей Матери; оттуда также съ большимъ торжествомъ перенесли къ Софійскому собору „к дверемъ к Корсунскимъ, и туто владыко сталъ, и царь, и царевичъ, и князи и бояре: и поставиша столъ, и на столѣ чару серебряну позолочену съ водою и мощи святыхъ многихъ, и нача владыко воду святити, и положи в воду мощи святыхъ, и вода вскипѣ в чарѣ“...

Затѣмъ, послѣ описаннаго происшествія, св. икона была внесена въ Софійскій соборъ, гдѣ архіепископъ Леонидъ *) совершилъ литургію и отсюда, въ сопровожденіи царя и царевича, перенесъ ее въ Никитинскую церковь, на Никитину улицу, гдѣ государь въ то время проживалъ со своимъ дворомъ **).

¹⁵⁾ По Лѣтописцу церквамъ Божиимъ 7078—7079 г., видно, что въ 1571 г. присланъ въ Великій Новгородъ архіепископъ Леонидъ и былъ на паствѣ два года и когда пріѣхалъ въ Москву на соборъ и «повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, удаленъ бысть у Пречистой на площади».

¹⁶⁾ Новгородская II лѣтопись, подъ 1571 годомъ.

По какому именно случаю воздавалось такое чествованіе этой св. иконѣ—неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что все это произошло по державной волѣ царя Іоанна IV Васильевича, быть можетъ вспомнившаго объ усердномъ и вѣрномъ слугѣ своемъ Ѳеодорѣ Димитріевичѣ Сырковѣ, невинно погибшемъ отъ его жестокости въ волнахъ шумнаго Волхова зимою 1570 года...

Въ настоящее время эта св. икона, по просьбѣ крестьянъ сосѣднихъ деревень, въ случаѣ какихъ-либо повальныхъ болѣзней или бѣдствій, износится изъ обители въ ихъ селенія, для совершенія молебныхъ пѣній, и дважды въ годъ св. икона въ торжественномъ крестномъ ходѣ обносится вокругъ обители: 28 августа, въ день празднованія Срѣтенія чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери, и 26 іюня, въ день празднованія явленія Тихвинской иконы Божіей Матери,—въ послѣдній разъ и вокругъ селенія, находяшагося близъ обители Сырковской.

8. Въ ковчегѣ серебряномъ на пьедесталѣ находятся части св. мощей: 1) св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона; 2) св. великомученика Іакова Персіянина; 3) св. великомученика Ѳеодора Тирона; 4) св. первомученика и архидіакона Стефана; 5) св. великомученика Ѳеодора Стратилата; 6) св. священномученика Аениногена; 7) преп. Ильи Муромца Печерскаго; 8) св. преп. Агаѳона Печерскаго; 9) св. преподобно-мученика Евстратія Печерскаго; 10) риза преп. Варлаама Хутынскаго, Новгородскаго чуд., и 11) часть гроба св. великомученицы Варвары.

4. Въ ковчегѣ при иконѣ Успенія Божіей Матери, на лѣвой сторонѣ соборнаго храма, находятся слѣдующія части св. мощей: 1) св. первомученика и архидіакона Стефана; 2) святителя Іоанна Милостиваго; 3) св. Алексія, митрополита Кіевскаго и всея Россіи; 4) св. Филиппа, митрополита Московскаго и всея Россіи; (5 св. Гурія, архіепископа Казанскаго; 6) св. Варсоно-

фія, епископа Тверскаго, Казанскаго чуд.; 7) св. Германа, архіепископа Казанскаго чуд.; 8) св. Нифонта, епископа Новгородскаго; 9) св. великомученика и побѣдоносца Георгія; 10) св. великомученика Θεодора Стратилата; 11) св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона; 12) св. великомученика Θεодора Тирона; 13) св. мученика Андрея Стратилата; 14) св. мученика Адріана; 15) св. великомученика Меркурія; 16) св. мученика Киррика; 17) св. мученика Аникиты; 18) св. великомученика Евстаѳія Плакиды; 19) св. преподобно-мученика Анастасія Персянина; 20) св. великомученика Прокопія; 21) св. мученика Евгенія; 22) св. мученика Мардарія; 23) св. мученика Ореста; 24) св. муч. Константина; 25) преп. Макарія; 26) преп. муч. Евдокіи; 27) св. первомученицы Θεоклы; 28) св. великомученицы Евѳиміи Всехвальной; 29) св. великомученицы Варвары; 30) преподобнаго Сергія Радонежскаго; 31) преподобнаго Нила Столобенскаго; 32) св. священномученика Маркелла; 33) преп. Алексія, челоуѣка Божія; 34) пр. Евѳимія Суздальскаго; 35) преп. Авраамія; 36) блаж. Наума; 37) преп. Іереміи прозорливаго Печерскаго; 38) пр. Ефрема Печерскаго; 39) преп. Или Муромца Печерскаго; 40) пр. Θεодосія; 41) преподобныя Марѳы; 42) св. священномученика Василия, епископа Анкирскаго; 43) св. пророка Даниїла; 44) св. Лазаря четверодневнаго; 45) св. благовѣрнаго князя Владиміра Новгородскаго; 46) св. благовѣрнаго великаго князя Андрея Боголюбскаго, Владимірскаго чуд.; 47) св. царя Константина; 48) св. муч. Николая; 49—50) двѣ части мощей не извѣстныхъ по имени угодниковъ Божіихъ и 51) св. царевича Димитрія Московскаго.

5. Крестъ деревянный на престольный, въ серебряномъ позолоченомъ окладѣ, съ частями св. мощей: 1) преподобнаго Θεодора Молчальника; 2) преп. Иларіона схимника, Печерскаго; 3) предп. Никодима Печерскаго; 4) преподобнаго Лаврентія затворника Печерскаго; 5) препо-

добнаго Іоанна постника и 6) преп. Пимена постника Печерскаго.

6. Въ придѣлѣ св. Николая чудотворца у стѣны находится древній возобновленный образъ Печерской Божіей Матери, съ предстоящими преподобными Антоніемъ и Θεодосіемъ Печерскими, вышиною 1 аршинъ 2 вершка и шириною 13¹/₂ вершковъ, въ серебряномъ окладѣ; вѣнцы серебрянывызолоченные. Риза на Богоматери и Богомладенцѣ вышита крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ, весьма искусной работы.

Икона эта высоко почитается какъ насельницами Сырковой женской обители, такъ и приходящими поклонниками и жителями окрестныхъ селеній. Эта святая икона стала извѣстна съ 1851 года по одному благодатному знаменію, случившемуся надъ женою священника, и въ томъ же году возобновлена и украшена жемчугомъ отщедротъ той же жены священника *).

7. Въ паперти соборнаго храма, на лѣвой сторонѣ у стѣны, благоговѣйнаго поклонника привлекаетъ икона св. великомученицы Варвары, самый точный снимокъ съ иконы великомученицы, находящейся въ городѣ Тулѣ, не сгорѣвшей во время сильнаго пожара, бывшаго въ первой половинѣ настоящаго столѣтія.

Другая монастырская церковь, двухэтажная, одноглавая. Въ верхнемъ этажѣ храмъ во имя Вознесенія Господня, длиною отъ входа до царскихъ вратъ около 6 сажень и шириною 3 сажени 1 аршинъ; въ нижнемъ этажѣ—теплый храмъ въ честь Рождества Іоанна Предтечи, съ придѣломъ въ честь преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ чудотворцевъ.

Церковь Вознесенія Господня, какъ видно по царской жалованной грамотѣ царей Іоанна и Петра Алек-

*) Письмо достопочтенной настоятельницы Сыркова монастыря матери игуменіи Аноисы, отъ 1 августа 1891 года, къ автору этого описанія.

сѣвичей, отъ 14 февраля 1694 года, гдѣ она называется четырехпрестольною, новою, каменною, устроена во второй половинѣ XVII вѣка; возобновлена и украшена она въ 1820 году.

Келліи для монашествующихъ, какъ и настоятельскія келліи,—каменные; но есть и деревянныя постройки; ограда вокругъ всей обители каменная, съ каменными же башнями.

Новгородскій Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

I.

«Коль возлюблена селенія
Твоя, Господи силь!»

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь стоитъ на сѣверо-восточномъ берегу Сиверскаго озера, въ сѣверной части Новгородской губерніи. Онъ основанъ около 1397 года постриженникомъ Симонова монастыря, преподобнымъ Кирилломъ.

Святый Кириллъ родился въ 1337 году въ Москвѣ и происходилъ изъ древняго боярскаго рода. Въ мірѣ носилъ онъ имя Космы. Родители Кирилла были въ родствѣ съ извѣстнымъ въ исторіи окольничимъ, состоявшимъ при великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, Тимофеемъ Васильевичемъ Вельяминовымъ, у котораго Косма былъ управителемъ.

Почувствовавъ съ дѣтскаго возраста влеченіе къ иноческой жизни, Косма, послѣ смерти своихъ родителей, хотѣлъ идти въ монастырь; но этому воспротивился Вельяминовъ,—и Косма долженъ былъ отложить свое намѣреніе до болѣе удобнаго случая. Случай скоро представился.

Въ Москву, по вызову великаго князя, явился игумень Махрищскаго (что подъ Москвою) монастыря, пре-

подобный Стефанъ. Кириллъ началъ просить его о постриженіи. Стефанъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился и, при постриженіи, облекъ Косму въ рясофоръ, назвавъ его Кирилломъ.

Когда Вельяминовъ узналъ объ этомъ, Кирилла уже не было въ Москвѣ. Уступая необходимости, окольникій Тимофѣй долженъ былъ примириться съ этимъ и разрѣшить Кириллу дѣлать, что ему заблагоразсудится. Послѣдній весьма этому обрадовался и, возблагодаривъ Бога, роздалъ свое имѣніе нищимъ и поселился въ Симоновомъ монастырѣ.

Симоновъ общежительный монастырь основанъ однимъ изъ учениковъ преподобнаго Сергія Радонежскаго на берегу р. Москвы. Въ то время игуменомъ въ немъ былъ еще самъ основатель обители, преподобный Теодоръ (до 1888 г.). Онъ далъ Космѣ полное иноческое постриженіе, оставивъ за нимъ данное ему при обличеніи рясофора имя Кирилла.

Первое время св. Кириллъ находился подъ руководствомъ монаха Михаила, посвященнаго потомъ, въ 1383 г., въ санъ епископа смоленскаго. Старецъ Михаилъ отличался строгостію своей жизни, и Кириллъ, видя постоянно предъ собою примѣръ, достойный подражанія, подвизался въ постѣ, молитвѣ и бдѣніи. Нерѣдко они проводили цѣлыя ночи безъ сна, и звонъ къ утрени прерывалъ ихъ молитву. Тогда они шли въ церковь, и Кириллъ спѣшилъ, чтобы быть тамъ ранѣе другихъ.

Черезъ нѣсколько времени игуменъ Теодоръ, видя св. Кирилла утвердившимся въ правилахъ иноческой жизни, назначилъ его для служенія въ хлѣбнѣ и поварнѣ. Святой проходилъ это послушаніе усердно и смиренно. Все свободное время онъ посвящалъ молитвѣ и богомыслию.

Всѣ знающіе св. Кирилла относились къ нему съ уваженіемъ и глубокимъ почетомъ. Далекое разнеслась слава о святой жизни его.

Знаменитые люди того времени, какъ, напр., св. Сергій Радонежскій, великій князь московскій и удѣльные князья, прїѣзжая въ Симоновъ монастырь, бесѣдовали съ св. Кирилломъ. Святой, однако, не гордился этимъ: главное достоинство его—смирение—никогда не оставляло его. И вотъ, чтобы не обращать вниманія другихъ на свою святую жизнь, онъ принялъ на себя подвигъ юродства (онъ представлялся лишившимся ума), чѣмъ навлекъ на себя порицаніе игумена, который наложилъ на него эпитимію и долгодневный постъ. Такимъ образомъ, Кириллъ достигъ наконецъ того, что о немъ не могли уже сказать, что онъ постится по своей волѣ. Но игумень уразумѣлъ, наконецъ, характеръ и цѣль юродства святаго и, къ его огорченію, снялъ съ него эпитимію.

Около 9 мѣсяцевъ пробылъ святой на послушаніи въ поварнѣ.

Видя подвижническую жизнь св. Кирилла, игумень исходатайствовалъ ему санъ священника. Но Кириллъ и послѣ этого не переставалъ трудиться. Въ свободное отъ службъ церковныхъ время онъ усердно занимался переписываніемъ богослужебныхъ книгъ.

Въ 1383 году преп. Θεодоръ получилъ званіе архимандрита, а въ 1388 г. былъ посвященъ въ санъ епископа Ростовскаго. Въмѣсто Θεодора архимандритомъ Симонова монастыря былъ избранъ св. Кириллъ. Ему было тогда уже около 56 лѣтъ.

Не долго Кириллъ настоятельствоваъ: любя уединеніе, онъ удалился въ Старое Симоново (монастырь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, недалеко отъ Симонова монастыря). Въ это время опъ задался мыслью удалиться въ какую-нибудь глухую, необитаемую мѣстность, чтобы въ уединеніи служить Господу. Онъ, непрестанно молясь, просилъ Пресвятую Богородицу указать ему мѣсто спасенія.

Въ одну почъ стоящаго на молитвѣ старца озарилъ

свѣтъ, и онъ услышалъ голосъ: „Иди на Бѣлоозеро—тамъ спасеніе“. Въ окно келіи Кириллъ увидѣлъ свѣтъ на сѣверѣ, падающій какъ бы на извѣстное мѣсто. Онъ заключилъ изъ сего дивнаго видѣнія, что Пречистая Дѣва услышала молитву его, и началъ собираться въ путешествіе.

Не задолго передъ тѣмъ сподвижникъ Кирилла по Симонову монастырю, монахъ Ѳерапонтъ, по порученію настоятеля обители, Сергія, былъ въ предѣлахъ Новгородскихъ и, между прочимъ, вблизи Бѣлаго озера.

Отъ него Кириллъ узналъ, что тамъ есть много удобныхъ для уединенной жизни мѣстъ, и окончательнo рѣшилъ идти на сѣверъ. вмѣстѣ съ Кирилломъ отправился и Ѳерапонтъ. Они взяли съ собою икону Смоленской Божіей Матери, передъ которой св. Кириллъ всегда молился въ Симоновѣ.

Долго и труденъ былъ путь святыхъ странниковъ. Много разныхъ мѣстъ они обошли, но Кириллъ не хотѣлъ нигдѣ остаться: онъ искалъ мѣсто, указанное ему въ видѣніи. Наконецъ, они взошли на самую высокую гору Бѣлоозерья, Мауру *), покрытую и до сего времени дремучимъ боромъ. Здѣсь имъ открылась красивѣйшая въ своемъ родѣ панорама. Вся мѣстность вокругъ на необозримое пространство покрыта лѣсомъ. Прямо противъ горы (на востокѣ) тянется вдаль полоса воды—это озеро Зауломское; въ сторонѣ отъ него—рядъ холмовъ и гора Ципина. На сѣверѣ—расположено нѣсколько небольшихъ озеръ, одно изъ которыхъ—Константиновское—лежитъ у самой подошвы горы. На юго-востокѣ, верстахъ въ трехъ отъ Мауры—громадное озеро Сиверское (около 6 верстъ въ длину и 1½ версты въ ширину). На югѣ и западѣ—красивыми извилинами, то теряясь въ лѣсной чащѣ и скрываясь за обрывистыми берегами, то показываясь и блестя на солнцѣ,

*) Въ 6 верстахъ отъ Кириллова.

катить свои мутныя воды рѣка Шексна. Мѣстность почти пустынна, и лишь нѣсколько поселковъ (2—3) разбросано въ ней среди лѣса.

На этой мѣстности св. Кириллъ остановилъ свое вниманіе. Ему показалось въ ней что-то знакомое, какъ бы видѣнное имъ прежде. И вотъ святой рѣшилъ остаться здѣсь, сказавъ:—„се покой мой, тутъ вселюся“,—и возблагодарилъ Бога и Пречистую Его Матерь, не оставляющую его Своимъ покровомъ.

Это было нѣсколько раньше 1897 года.

II.

Скоро путники избрали на берегу Сиверскаго озера холмъ, гдѣ устроили себѣ шалаши и поставили крестъ. Затѣмъ въ откосѣ этого холма они вырыли пещеру и въ ней поселились вмѣстѣ. Но Оерапонтъ очень недолго, почему-то, жилъ съ св. Кирилломъ и верстахъ въ 18 отъ него, на берегу озера Пасскаго *), построилъ собственную келью. Здѣсь потомъ основался извѣстный Оерапонтовъ монастырь. Преподобный же Кириллъ остался на томъ мѣстѣ, гдѣ они въ первый разъ остановились,— на берегу потока, соединяющаго озеро Сиверское и Долгое.

Существуетъ преданіе, что жители сосѣдняго селенія задолго еще до того, какъ св. Кириллъ поселился тутъ, слышали въ лѣсу пѣніе и звопъ била, хотя лѣсъ былъ необитаемъ...

Нѣкоторые крестьяне иногда навѣщали преп. Кирилла и приносили ему пищу, но много лишеній и трудовъ пришлось перенести преподобному въ борьбѣ съ природой и искушеніями діавола, котораго онъ побѣждалъ силою своей молитвы. Слухъ объ отшельникѣ скоро распространился въ окрестности, и вотъ къ нему на

*) Нынѣ Оерапонтовское озеро.

чали собираться ищущіе спасенія души и здѣсь же стали селиться, устраивая кельи.

Первыми сожителями св. Кирилла на новомъ мѣстѣ были мѣстные крестьяне Авксентій Воронъ и Матеей Кикось. Затѣмъ пришли два послушника изъ Симонова монастыря Заведей и Діонисій и многіе постриженные иноки изъ другихъ монастырей, желающіе подвизаться подъ руководствомъ св. Кирилла.

Такъ положено было основаніе знаменитому впослѣдствіи первоклассному Кирилло-Бѣлозерскому монастырю.

Господь спасалъ обитель Своего угодника отъ многихъ бѣдъ и напастей.

Одинъ поселенецъ, которому не нравилось сосѣдство св. Кирилла, пытался нѣсколько разъ поджечь монашескія кельи, но это ему не удавалось: огонь отъ неизвѣстной причины погасалъ.

Въ другой разъ, какой-то бояринъ, жившій недалеко отъ монастыря и, очевидно, промышлявшій разбоемъ, хотѣлъ ограбить обитель, такъ какъ слышалъ, что Кириллъ принесъ съ собою богатую казну для устройства монастыря. Два раза подходили къ кельямъ посланные боярина, но каждый разъ видѣли около плетня вооруженную стражу. Тогда бояринъ справился въ монастырѣ, зачѣмъ у нихъ воины. Монахи отвѣтили, что у нихъ никого нѣтъ чужаго...

Такъ какъ скоро въ уединеніе Кирилла собралось довольно значительное число братіи, то скоро же явилась настоятельная необходимость построить храмъ. Но средства пустынниковъ были скудны, да и мастеровъ въ окрестности не было. Тѣмъ не менѣе св. Кириллъ твердо надѣясь на помощь Владычицы міра, испросилъ у архіепископа Ростовской епархіи, куда принадлежало тогда Бѣлозерье, разрѣшеніе воздвигнуть храмъ.

Въ 1397 г. явились въ монастырь искусные мастера и построили деревянную церковь, освященную въ честь Успенія Божіей Матери.

Въ новоустроенномъ монастырѣ св. Кириллѣ былъ поставленъ игуменомъ; онъ ввелъ въ обители такъ называемый общежительный уставъ и выработалъ особыя правила относительно жизни иноковъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ.

Богослуженіе должно совершаться очереднымъ священникомъ; вся остальная братія должна присутствовать при каждой службѣ, стоять на указанномъ мѣстѣ, не переходить съ одного мѣста на другое, не разговаривать въ церкви и службу прослушивать до конца. Послѣ литургіи всѣ идутъ въ трапезную. Тамъ очередной инокъ читаетъ что-либо изъ св. Писанія, а братія въ безмолвіи вкушаетъ пищу. Пища самая простая, и ее не позволено уносить съ собою въ кельи. Относительно хмельныхъ напитковъ св. Кириллѣ строго запретилъ даже вносить ихъ въ монастырь. Запрещалось также ходить, безъ особой надобности, другъ къ другу въ кельи, и каждый долженъ заниматься у себя молитвою, чтеніемъ, списываніемъ книгъ и т. п. Ни у кого не можетъ быть личной собственности: все должно быть общее, и необходимое получается изъ общей монастырской казны. Никто изъ братіи не долженъ выходить изъ стѣнъ монастыря, кромѣ одного, послушаніемъ котораго было вѣдать нужды обители. Всѣ жители монастыря безпрекословно должны исполнять волю одного только игумена.

Мало-по-малу монастырь началъ обогащаться вкладами богомольцевъ и подарками удѣльныхъ князей. Князья дарили изъ своихъ богатыхъ вотчинъ даже участки земель. Нѣкоторыя же деревни и пустоши около монастыря св. Кириллѣ покупалъ самъ.

Сохранилась между прочимъ одна изъ купчихъ, совершенныхъ преподобнымъ. Читается она такъ: „Се азъ игумень Кирилъ, доложу Есипа Ивановичъ Тіуна князь Юрьева Васильевича, купилъ есми въ домъ Пречистѣй Богородици, у Нестерки у Мямли деревню и съ иными землицами и съ поженками, которыя землицы и по-

женки доселе тянули къ той деревнѣ, и съ тою поженкою, которую Нестерко вымѣнялъ въ Ондреевѣ навсѣ окѣ; и земляца Пробудово, да Мѣсяцево; а даль есмь три рубля и сорокъ бѣлъ, да овцу пополнка; а серебро платилъ отъ игумена чернецъ Варсапофѣй“.

О княжьихъ и частныхъ дареніяхъ монастырю сохранились до насъ свѣдѣнія изъ грамоты Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича, выписка изъ которой имѣется въ монастырской библиотекѣ. Изъ этой грамоты видно, что бабка князя Михаила, Евдокія (жена Дмитрія Донскаго), подарила монастырю село Сандыревское съ лѣсами и пожнями, а отецъ его, князь Андрей Дмитріевичъ,—наволокъ Шотинъ и село Великое съ деревнями.

Несмотря на то, что св. Кириллъ и самъ старался пріобрѣтать монастырю пустоши и деревни, онъ не бралъ на себя завѣдываніе ими, а ставилъ туда управителей которые и доставляли пропитаніе братіи.

Своей святой, истинно подвижнической жизнью, святой Кириллъ былъ образцомъ для иноковъ монастыря. День онъ посвящалъ нѣкоторымъ монастырскимъ работамъ и, обладая прекраснымъ даромъ слова, поучалъ братію богоугодной жизни; ночи же проводилъ въ молитвѣ; въ церкви онъ стоялъ неподвижно и почти никогда не садился. Святой заботился о твердомъ исполненіи начертанныхъ имъ правилъ и, между прочимъ особенно о постѣ; при недостаткѣ въ пропитаніи онъ никогда не позволялъ инокамъ просить что-либо у мірянъ, но что послѣдніе приносили добровольно, то бралъ съ благодарностью и видѣлъ въ этомъ Промыслъ Божій. Самъ св. Кириллъ нерѣдко помогалъ нуждающимся.

Однажды въ странѣ Бѣлозерской случился голодъ. Народъ осаждалъ монастырь, прося хлѣба. Запасовъ было очень немного, но святой велѣлъ раздавать хлѣбъ всѣмъ голоднымъ,—и, по его молитвѣ, хлѣба для всѣхъ хватило.

Слыша о великомъ подвижникѣ народъ сталъ сте

каться къ нему, чтобы помолиться въ его обители и получить отъ него благословеніе.

Св. старецъ принималъ всѣхъ съ любовью и напутствовалъ поученіями и наставленіями.

Не одни простолюдины, но и знатныя лица бывали между посѣщавшими его богомольцами; они богато одаривали обитель денежными вкладами и принасами, хотя св. Кириллъ, чуждаясь мірской суеты, старался отклонять такія посѣщенія. Такъ, напимѣръ, удѣльный Звенигородскій князь Георгій Дмитріевичъ (братъ Андрея Бѣлозерскаго) увѣдомилъ преподобнаго, что онъ желаетъ посѣтить монастырь. Кириллъ отвѣтилъ ему посланіемъ, гдѣ убѣждалъ его не ѣздить въ обитель, потому что на это всѣ обратятъ вниманіе: „Еще, господине, писалъ преподобный, самъ сего поразсуди: повеже твоя вотчины въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешь съмо, яко вси человѣціе начнутъ глаголати: Кирила дѣля токмо поѣхалъ“.

Святый Кириллъ еще при жизни получилъ отъ Бога даръ прозорливости и чудотворенія. Вотъ нѣкоторыя изъ чудесъ его, повѣствованіе о которыхъ сохранилось въ твореніяхъ святогорскаго монаха Пахомія Логоета.

Вдова Каргопольскаго князя Іоанна потеряла зрѣніе и просила преподобнаго помолиться о ней. Когда Кириллъ, послѣ молебна, окропилъ ее святою водою, княгиня внезапно прозрѣла и, воздавъ славу Богу и чудотворцу Кириллу, одѣлила монастырь богатой милостыней.

Въ другой разъ преподобный исцѣлилъ женщину, слѣпую отъ рожденія.

Однажды привели къ св. Кириллу бѣсноватаго, святый силою молитвы изгналъ бѣса; больной пожелалъ остаться въ обители и былъ постриженъ подъ именемъ Теофана.

Нѣкій бояринъ Романъ заболѣлъ тяжело и готовился уже къ смерти. Въ одну ночь онъ увидѣлъ

во снѣ Пресвятую Богородицу, сопровождаемую старцемъ, и услышалъ голосъ: „на Бѣлоозерѣ есть старецъ Кириллъ; онъ исцѣлитъ тебя“.

Бояринъ послушался и, напившись освященной подобнымъ воды, выздоровѣлъ. Тогда онъ поспѣшилъ въ обитель Бѣлоозерскую и узналъ въ Кириллѣ старца, явившагося ему во снѣ.

Одинъ изъ иноковъ, Далмать, умеръ, не приобщившись св. Таинъ; Кириллъ долго молился надъ усопшимъ, и тотъ воскресъ. Преподобный причастилъ его, и Далмать, простившись съ братією, почилъ уже навсегда.

Въ озерѣ Сиверскомъ были монастырскія ловли. Однажды ловцы выѣхали закинуть сѣть. Поднялась страшная буря. Гибель бѣдняковъ была неизбежна. Преподобный, узнавъ объ этомъ, устремился съ крестомъ въ рукахъ на берегъ. Буря сразу же утихла, лишь только святой осѣнилъ волны животворящимъ крестомъ.

Въ другой разъ по молитвѣ святого умножилось вино церковное.

Около 30 лѣтъ подвизался преподобный Кириллъ въ устроенной имъ обители. Число братіи при немъ возрасло до 60. Наконецъ тѣлесные недуги сломили бодрого духомъ старца. Онъ поставилъ вмѣсто себя новаго игумена, монаха Иннокентія; самъ же затворился въ келіи и тамъ, сидя, молился (стоять онъ уже не могъ). Въ большіе праздники ученики приносили его въ церковь, и онъ иногда совершалъ божественную службу.

Въ Духовъ день 1427 года преподобный совершенно обезсилѣлъ. Братія собралась къ нему въ келью. Видя иноковъ плачущими, святой воспрянулъ духомъ и, обратившись къ нимъ, заповѣдалъ не забывать его правилъ и наставленій, а также просилъ повиноваться новому игумену. Иноки рыдали. Св. Кириллъ, утѣшая ихъ, говорилъ, что помощь Владычицы міра никогда не оста-

вить избраннаго имъ мѣста. „Только имѣйте, просилъ онъ ихъ, любовь и миръ между собою“, и затѣмъ предсказалъ будущее процвѣтаніе обители. Послѣднія слова его были: „Не скорбите, братія и чада, ибо мнѣ уже насталь часъ почить о Господѣ. Предаю васъ Богу и Пречистой Его Матери, да сохранитъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго“. Тутъ же св. Кириллъ приобщился Святыхъ Таинъ и благословилъ учениковъ своихъ.

9 іюня 1427 года (6935) святой подвижникъ окончилъ свое земное существованіе.

Съ великой честію погребли иноки тѣло учителя своего по правую сторону Успенскаго храма.

На гробъ его совершилось много исцѣленій.

Св. Кириллъ передъ кончиною написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначилъ игуменомъ Иннокентія и поручилъ монастырь покровительству Бѣлоозерскаго князя Андрея Дмитріевича.

Вотъ текстъ этого завѣщанія:

„Во имя Святыя Живоначальныя Троицы. Азъ грѣшныи Кирило игумень, смотрихъ, яко постиже мя старость, впадохъ бо въ частыя и различныя болѣзни, ими же нынѣ одержимъ есмь, челоувѣколюбнѣ отъ Бога казимъ, ради моихъ грѣхъ, болѣземъ на мя умножившимся нынѣ, яко же иногда никогда же, и ни что же ми возвѣщающе, развѣ смерть и судъ страшныи Спасовъ будущаго вѣка: и во мнѣ смутися сердце мое исхода ради, и страхъ смертныи нападе на мя, боязнь и трепеть страшнаго судища прииде на мя и покры мя тьма недоумѣнія. Что сотворити не свѣмъ, но възвергу печаль на Господа, да Той сотворитъ, якоже хочетъ: хочетъ бо всѣмъ челоувѣкомъ спастися. Се азъ Кирило игумень, черныище грѣшныи, пишу сію грамоту при своемъ животѣ и въ своемъ смыслѣ. Предаю монастырь, трудъ свой и своее братіи, Богу и Пречистѣй Богородицѣ, Матери Божіей, Царицѣ небесней, и господину князю великому, сыну своему Андрею Дмитріевичу, и

сына своего благословляю въ свое мѣсто, священно инока Иннокентія. И ты, господине, князь великій, Богу ради и Пречистое дѣля Богородици, и своего ради спасенія, и мене ради своего нищего грѣшна человекѣка, какову еси, господине, имѣлъ любовь доселѣ къ Пречистѣй Богородици и къ нашей нищетѣ, при моемъ животѣ, тако бы еси, господине, и по моемъ животѣ имѣлъ любовь крѣпку къ Пречистѣй Богородици и къ сыну моему Иннокентію и къ моей братици, которыи имут по моему житищу жити, а игумена слушати. А что еси, господине, подавалъ свое жалованье, грамоты свои, дому Пречистѣй Богородици, и моей нищетѣ, чтобы то, господине, твое жалованье и грамоты неподвижны были какъ и доселѣ, господине, при моемъ животѣ, такъ бы, господине, и по моемъ животѣ было, занеже, господине, князь великій, памъ твоимъ пицимъ нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и твоимъ, господине, жалованьемъ нашего господина и господаря. А тебѣ господина князь великаго, сына моего, Андрея Дмитриевича, елика исповѣдалъ еси Богу и Пречистой Богородици и мнѣ своему отцу, яко человекѣкъ плоть нос съгрѣшивъ, въ томъ тебе во всѣмъ Богъ проститъ и благословитъ. Такожъ и госпожю мою дщирь княгиню великую Ографену Богъ проститъ и благословитъ, кожъ господина и сына моего, князь Ивана Богъ проститъ и благословитъ; такожъ госпожю и дщирь мою княжну Анастасію Богъ проститъ и благословитъ. А милость Божія и Пречистой Богородици на тебѣ на моемъ господинѣ князь великомъ Андреи Дмитриевичѣ да будетъ, и на твоей княгинѣ великой, госпожѣ нашей Ографенѣ, и на вашемъ сыну, на нашемъ господинѣ князь Иванѣ и на всѣхъ вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва и брати моее, господине и господине, князь великій Андрей Дмитриевичъ. Много молвѣю о семъ и челомъ бью со своею братицею, по Божѣ

и по Пречистой Богородицы, тебѣ своему господарю: однава, господине, игумень ти ся иметь жаловати на которую братню, которые, господине, не имуть его слушати, а по волѣ его не ходять, а мое житище грѣшна чловѣка имуть перечинивати; и азъ господина своего и господаря тебѣ со слезами много молюса о томъ, что бы еси, господине, тому не попустилъ быти, а тѣхъ бы еси, господине, чюнулъ крѣпко. Кто по моему житыщю не ходить, а игумена не иметь слушати, и ты, господине, тѣхъ вели и изъ монастыря выслати“.

III.

Великій чудотворецъ Кирилль оставилъ по себѣ славу не только какъ „первый“ основатель иночества въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи, но и какъ просвѣщеннѣйшій чловѣкъ своего времени, поддерживавшій сношенія съ правителями удѣльной Руси и имѣвшій нѣкоторое вліяніе и на внутреннее устройство государства.

Въ то время надъ Русью тяготѣло еще господство татаръ. Бѣлоозерскимъ княземъ былъ сынъ Дмитрія Донскаго, Андрей Дмитриевичъ, который зналъ преподобнаго еще въ Симоновѣ и глубоко чтилъ его. Онъ прибѣгалъ къ совѣтамъ Кирилла и въ дѣлахъ правленія.

Въ сохранившейся до насъ грамотѣ преподобнаго Кирилла къ этому князю видимъ много наставленій и совѣтовъ о томъ, какъ править государствомъ, чтобы то было угодно Богу.

Святыи Кирилль имѣлъ сношеніе и съ великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Дмитриевичемъ, въ грамотѣ къ которому увѣщавалъ его прекратить преслѣдованіе Суздальскихъ князей.

Св. старецъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы преподать христіанскія наставленія тѣмъ или инымъ князьямъ,—и эти наставленія почти всегда достигали

желаемой цѣли: облегчались налоги, дѣлилась напоми-
нанія творить судъ, строго преслѣдовались злыя дѣла
и между князьями пріостанавливались распри.

Мы уже сказали, что св. Кирилль былъ просвѣщен-
нѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Въ числѣ руко-
писей, оставшихся послѣ его смерти, есть двѣ небольшія
книжки, написанныя сходно съ рукою духовной грамоты
(онѣ написаны самимъ св. Кирилломъ). Въ этихъ книж-
кахъ имѣются пространныя выписки изъ твореній св.
Отцевъ и правилъ православной церкви, сохранившихъ
отъ временъ апостоловъ и первыхъ подвижниковъ хри-
стіанства. Тутъ же помѣщены статьи научнаго содер-
жанія; есть, между прочимъ, статьи о явленіяхъ при-
роды, замѣтки о предузнаніи погоды и проч.; говорится
напр., что „земля устроена устроеніемъ яйцевиднымъ“
что землетрясенія происходятъ отъ особыхъ, имѣющихся
въ землѣ, „жилъ“. Оригинально также объясняется здѣсь
происхожденіе грома и молніи. Вотъ подлинныя слова
рукописи: „Громе же и молнія бываютъ сице. оумно-
шимся вѣтромъ горѣ, и овомоу оубо самоидоуще
овомоу же онамо. инъ оубо вѣтръ иноудѣ инъ облакъ
носитъ. инъ же друугы. и яко-же сряцоутся и створд
съраженіе другъ съ другомъ. грохотъ испущаютъ
огнемъ. и имже образомъ и кремень съразився съ ж-
лѣзомъ. грохотъ испущаетъ съ огнемъ. сице и облакъ
другъ съ другомъ сражаеми грохотъ испущаютъ и огнѣ
грохотъ оубо есть громъ. огнь же есть молнія. сего ради
недруугоици бываютъ громе и молнія но точію егда
облаки бываютъ. тогда и громе бываютъ. бываютъ же
громе оубо прѣвѣе. молнія же послѣжде. мыж прѣвѣе
видимъ молнія и послѣжде слышимъ громъ: и тако
ес. запе зрѣніе чльчское скорѣйшее есть и абіе неко-
снительнѣ зрѣть. еже хочетъ оузрѣти не коснитъ. сего
ради и молнія скоро зрѣть. слышаніе-же косно чювьство
есть, и коспитъ слышати громьныи грохотъ, и слышати

его послѣднѣе молнія. сеже зри да видиши и па сѣ-
коуицахъ дрѣва, аще от далече насъ есть сѣкуи, сѣчиво
оубо видимъ оударяюще дрѣво. грохоть же не абие слы-
шимъ. по мимошедшоу неколикоу часоу тогда и грохот
слышишь“.

Все это даетъ право думать, что св. подвижникъ
былъ человѣкъ начитанный, знавшій древнія пауки и
имѣвшій запасъ не всѣмъ доступныхъ въ то время
свѣдѣній. Эти свѣдѣнія онъ, вѣроятно, распространялъ
и между своими учениками.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ ученикахъ преподобнаго,
сохранившіяся въ монастырѣ.

Игнатій, въ теченіе 30 лѣтъ неложившійся и даже
спавшій стоя; Инокентій, бывшій послѣ преподобнаго
5 мѣсяцевъ игуменомъ обители; Антоній, „великій по
Богѣ житіемъ и искусный въ дѣлахъ духовныхъ и
житейскихъ“; онъ былъ казначеемъ монастыря; Марти-
ніанъ, въ юношескомъ возрастѣ пришедшій къ св. Ки-
риллу и не оставлявшій его до самой кончины. Впо-
слѣдствіи онъ былъ игуменомъ Терапонтова монастыря
и Троице-Сергіевской лавры. Христофоръ—знаменитый
переносчикъ книгъ, почеркъ и виньетки котораго въ
богослужебныхъ книгахъ поражаютъ красотой и пра-
вильностью. Онъ былъ послѣ Инокентія игуменомъ мо-
настыря (1428—1433) и особенно старался соблюсти за-
повѣди своего великаго учителя. Во время междоусоб-
ныхъ войнъ онъ выкупалъ плѣнныхъ и возвращалъ
ихъ на родину. Инокъ Трифонъ—преемникъ Христо-
фора по игуменству; при немъ перестроенъ Успенскій
соборъ и расширенъ нѣскольکو монастырь. Ученикомъ
св. Кирилла можно назвать и преподобнаго Діонисія
Глушицкаго, который хотя недолгое время былъ въ мо-
настырѣ, но оставилъ по себѣ славную память, изобра-
живъ на иконѣ ликъ св. Кирилла.

Сбылось предсмертное слово св. Кирилла: „... Если трудъ мой будетъ угоденъ Богу, не оскудѣетъ обитель моя, но еще болѣе распространится по отшествіи моемъ...“

Убогія кельи отшельниковъ скоро разрослись въ обширный и славный монастырь. Постройки возводились частью на монастырскія средства, частью же на пожертвованія князей и впослѣдствіи царей русскихъ. Монастырь былъ обнесенъ высокою каменною стѣною съ башнями и бойницами и представлялъ собою небольшую крѣпость; онъ имѣлъ обширные хлѣбные склады и во время голода, который на сѣверѣ бываетъ перѣдко, питалъ своими житницами цѣлый округъ.

Монастырь пользовался издавна извѣстностью. Со всѣхъ концовъ обширнаго русскаго царства стекались туда на богомолье именитые люди и массы простаго народа. Бывали тамъ и нѣкоторые изъ русскихъ вѣнценосцевъ: особенно памятно посѣщеніе монастыря въ 1558 году Іоанномъ IV съ пышной и многочисленной свитой.

На Іоанна монастырь произвелъ очень сильное впечатлѣніе, и онъ, какъ говоритъ преданіе, возымѣлъ будто бы, даже намѣреніе окончить тутъ свои дни.

Удаленный отъ центра государства, Кирилловъ монастырь долго служилъ правительству мѣстомъ ссылки опальныхъ бояръ и служилыхъ людей. Многіе изъ нихъ оканчивали тутъ и жизнь свою: одни почти на свободѣ другіе въ темницахъ. Нѣкоторыхъ, впрочемъ, тайно здѣсь даже убивали, или замуровывали ихъ въ башняхъ въ такъ называемые каменные мѣшки. Бояре присылались сюда иногда и съ семействами. Они привозилъ съ собою свои имущества, часть которыхъ, и иногда даже не малую, жертвовали въ монастырь (Воротынскіе, Телятовскіе, Шереметьевы и др.).

Попытаемся припомнить болѣе извѣстныхъ историческихъ дѣятелей, посылаемыхъ сюда вслѣдствіе постигшей ихъ опалы.

Во время возстанія бояръ противъ правленія Бѣльскаго, въ январѣ 1542 г. сосланъ былъ въ Кирилловъ монастырь митрополитъ Іоасафъ. Вслѣдъ за нимъ въ томъ же году заточенъ сюда былъ и самъ князь Иванъ Бѣльскій. Въ темницѣ Кириллова монастыря онъ былъ убитъ тремя злодѣями, подосланными боярами.

Черезъ 10 лѣтъ, именно въ 1552 г., князь Симсонъ Ростовскій, за государственную измѣну, былъ приговоренъ боярскою думою къ смертной казни, но прощенъ государемъ и, „выставленный на позоръ“, былъ заключенъ въ Кирилловѣ...

Одинъ изъ первыхъ военачальниковъ при взятіи Казани, побѣдитель крымскаго хана Девлетъ Гирея, знаменитый „слуга Государевъ“, Михаилъ Воротынскій, около 1560 года посланъ былъ Грознымъ царемъ на житье въ Кирилловъ. Здѣсь онъ прожилъ до 1565 г. и пользовался всѣми правами и преимуществами боярина: ему отпускалась извѣстная сумма изъ казны государственной и была предоставлена полная свобода; онъ имѣлъ до 12 человѣкъ слугъ и вообще жилъ пышно.

Въ 1565 г. онъ былъ возвращенъ ко двору и снова участвовалъ въ битвѣ съ Девлетъ Гиреемъ, который хотѣлъ взять Москву. Царь уѣхалъ въ это время въ Новгородъ. Въ 50 верстахъ отъ столицы 1 августа 1572 г. произошла битва. У нападающихъ было около 120,000 воиновъ, но русскіе выдержали натискъ, — и ханъ обратился въ бѣгство. Воротынскій былъ осыпанъ мнѣстами, но черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ этого, по навету враговъ, его обвинили въ волшебствѣ; 60-лѣтній старецъ былъ подвергнутъ страшнымъ пыткамъ огнемъ. Полуживого, снова повезли его въ заточеніе на Бѣлоозеро, по дорогою въ Кашинѣ снѣ скончался, и въ Кирилловъ привезли только бранные останки его. Монахи съ честію погребли тѣло доблестнаго воина въ церкви св. Владиміра, рядомъ съ гробомъ князя Владиміра Воротынскаго.

Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ (около 1560 года) прибылъ въ Кирилловъ на жительство опальный бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметьевъ съ сыномъ Феодоромъ. Они жили такъ же пышно, имѣли много слугъ собственные склады съѣстныхъ припасовъ и заморскихъ винъ и часто угощали братію. Слухъ объ этомъ дошелъ до Москвы; Іоанна возмутило своеволие Шереметьевыхъ, и онъ написалъ (въ 1578 г.) игумену Козьмѣ:

„... Бояре къ вамъ пришедъ, свои любострастный уставъ ввели... не вы имъ учителя и законоположители а они вамъ... Шереметьеву какъ назвать васъ братією? У него и десятой холопъ, который у него въ кельѣ живетъ, ѣсть лучше братіи, которые въ трапезѣ ѣдятъ“...

Съ этого времени игумень строго слѣдилъ за жизнью бояръ и, повинуваясь велѣнію Грознаго царя, доносилъ обо всемъ въ Москву. По преданію Шереметьевы и умерли въ монастырѣ; могилы ихъ неизвѣстны.

Избѣгая суеты міра и происковъ придворныхъ льстецовъ, извѣстный совѣтникъ Іоанна Грознаго, іерей Сильвестръ, постригся въ Кирилловомъ монастырѣ под именемъ Спиридона. Но злоба людская нашла его и тутъ: обвиненный будто бы въ отравленіи царицы Анастасіи и другихъ, не менѣе важныхъ, винахъ, смиренный инокъ былъ переведенъ отсюда въ Соловецкую обитель (въ 1560 г.).

Болѣе свѣжее преданіе сохранилось въ монастырѣ о позднѣйшемъ изгнанникѣ—патріархѣ всея Росіи Никонѣ.

Никонъ, постановленіемъ собора вселенскихъ патріарховъ 1666 г., былъ лишенъ сана и, какъ простой монахъ, отравленъ въ Терапонтонъ монастырь. Здѣсь монахи и народъ относились къ нему съ величайшимъ почетомъ и именовали его святѣйшимъ патріархомъ. Все это не нравилось врагамъ Никона, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ переведенъ отсюда въ Кирилловъ подъ болѣе суровый и строгій надзоръ. Никону

отвели низкую, темную и дымную келью, такъ что одинъ разъ онъ едва не умеръ отъ угара. Тогда Никонъ обратился къ царю съ ходатайствомъ объ облегченіи заключенія, — и его перевели въ другое помѣщеніе, въ большомъ корпусѣ, рядомъ съ которымъ стояла церковь св. Евѳимія. Въ этой церкви Никону разрѣшено было служить по чину архіерейскому. Въ Кирилловѣ онъ прожилъ около 10 лѣтъ; наконецъ, сталъ просить, чтобы ему позволили переѣхать въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ). Воскресенскіе монахи, хотя не скоро, успѣли выхлопотать это разрѣшеніе.

О послѣднихъ часахъ пребыванія Никона въ Кирилловѣ извѣстно слѣдующее:

Никонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ желаннаго разрѣшенія. Въ одинъ день онъ вдругъ началъ собираться и даже одѣваться въ дорогу. У него спросили, куда онъ собирается. — „За мной ѣдутъ“ — отвѣтилъ Никонъ, и дѣйствительно, скоро прибыли монахи изъ Москвы и Никонъ отправился въ свой любимыи монастырь.

Но ему не суждено было еще разъ увидѣть устроенный имъ Воскресенскій монастырь: около Ярославля онъ умеръ, и въ Москвѣ встрѣтили только его тѣло. Никонъ умеръ въ 1681 г. и погребенъ въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Просматривая монастырскія лѣтописи, находимъ здѣсь замѣтку, между прочимъ, о ратныхъ подвигахъ Кириллова монастыря въ смутное время. Тяжелая година бѣдствія Руси и для него не прошла безслѣдно.

Современникъ говоритъ: „Въ 7129 (1612) г. сентября въ 22 день Литва Вологду выжгли и высѣкли. Того-жь году декабря въ 5, ночи, приступали Литва къ Кириллову монастырю панъ Бобовскій съ Черкасы... Того же мѣсяца въ 11, въ ночи, приступала Литва къ Кириллову монастырю съ лѣствицами панъ Песоцкой съ братомъ и съ черкасы“... Но оба раза непріатели были отбиты. Въ первый разъ (5 декабря) непріатель расположился

въ 2-хъ верстахъ отъ монастыря на берегу Сиверскаго озера.

Артиллерія непріятельская съ кургана „Золотуха“ начала громить монастырь и произвела пожаръ. Монахи уснѣнно отстрѣливались. Вдругъ въ Литовскомъ станѣ произошло смятеніе, и непріятель началъ отступать. Какъ оказалось потомъ, монастырскимъ ядромъ былъ убитъ воевода Бобовскій; это-то и послужило причиною отступленія.

Монастырь имѣлъ къ этому времени около 30 пушекъ, склады пороха, ядеръ, мушкетовъ, пицалей, карабины, пистолеты, сабли, бердыши, кинжалы, кольчуги и проч.; ратные люди, числомъ до 300, жили постоянно въ монастырѣ.

Изъ этого видно, что Кирилловъ монастырь могъ вынести довольно продолжительную осаду и былъ одной изъ важныхъ крѣпостей сѣверной Россіи.

Въ послѣднее время монастырь, конечно, утратилъ это значеніе, но стѣны и башни его продолжаютъ поражать вниманіе путника своей массивностью.

Оружіе, доспѣхи и снаряды вывезены въ разное время изъ монастыря; около 10—12 лѣтъ назадъ Кирилловъ простился съ послѣдними шестью небольшими пушками, которыя стояли въ первомъ дворѣ монастыря.

Обитель св. Кирилла—одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Русской Земли; отсюда вышли преп. Савватій Соловецкій, Нилъ Сорскій, Корнилій Комельскій и др. Это—столпъ православія, проливающій на весь сѣверъ Россіи свѣтъ истиннаго благочестія и христіанской любви; онъ выкушалъ плѣнныхъ, кормилъ голодныхъ, цѣлилъ недужныхъ (многіе иноки были искусными врачами), служилъ духовнымъ оплотомъ противъ язычества и печестія, помогаль окрестнымъ монастырямъ когда казна послѣднихъ оскудѣвала.

Настоятели монастыря всегда отличались дѣятельностью и усердіемъ къ распространенію славы Божіей.

Особенно замѣчательнѣ въ этомъ отношеніи архимандритъ *) Ирнархъ, при которомъ обновленъ былъ Валаамскій монастырь.

Валаамскій монастырь въ началѣ XVII вѣка былъ разоренъ шведами и оставленъ братіей, которая укрылась въ другихъ монастыряхъ. Около 100 лѣтъ продолжалось запустѣніе обители. Наконецъ, въ 1715 г. архимандритъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Ирнархъ пеходатайствовалъ передъ императоромъ Петромъ Великимъ разрѣшеніе на возстановленіе Валаамскаго монастыря. Онъ разослалъ грамоты, въ которыхъ призывалъ вѣрующихъ къ пожертвованіямъ на обновленіе обители и самъ на десяти подводяхъ отправилъ на Валаамъ изъ Кириллова монастыря церковную утварь, серебряный крестъ, ризы, хлѣбныя припасы и разныя хозяйственныя принадлежности. Скоро здѣсь была построена деревянная церковь, и 13 марта 1719 года Ирнархъ освятилъ ее. Такъ возстановленъ былъ Валаамскій монастырь.

Глубоко чтить русскій народъ обитель чудотворца Кирилла. Ежегодно тысячи богомольцевъ приходятъ сюда и всѣ получаютъ бесплатный столъ и ночлегъ: монастырь имѣетъ для этого въ своихъ стѣнахъ нѣсколько гостинницъ. Число богомольцевъ увеличивается еще отъ того, что Кирилловъ монастырь стоитъ на пути къ Соловкамъ. Ни одинъ богомольецъ не пройдетъ туда или обратно, не поклонившись мощамъ преподобнаго Кирилла и иконѣ Смоленской Божіей Матери Одигитрии, отъ которой св. Кириллу былъ гласъ въ Симоновѣ монастырѣ, повелѣвающій итти на Бѣлозеро.

Особенное торжество бываетъ въ Кирилловомъ монастырѣ 9 іюня, въ день преставленія св. угодника.

*) Архимандрія въ монастырѣ установлена съ 1649 года.

IV.

Послѣдуемъ же за благочестивыми паломниками въ обитель св. Кирилла.

Передъ нами высятся монастырскія башни и стѣны, когда-то почти неприступныя, а теперь начинающія уже обвѣтриваться.

Въ монастырь ведутъ двое воротъ: одни со стороны города—Казанскія, другія въ противоположной западной стѣнѣ—Преображенскія. Послѣдними входятъ въ монастырь только приѣзжающіе въ лодкахъ по Сиверскому озеру. Стѣны достигаютъ высоты 18 аршинъ и въ толщину имѣютъ 10 аршинъ; опѣ имѣютъ 5 большихъ и 4 малыхъ башни. Съ трехъ сторонъ по стѣнамъ (за исключеніемъ стѣны отъ озера, которая значителъ ниже) идутъ два яруса открытыхъ внутрь монастыря галлерей (городковъ). Нижній ярусъ этихъ галлерей сообщается непосредственно съ башнями. Въ нижней части стѣнъ видны слѣды бывшихъ прежде жилыхъ помѣщеній, которыхъ насчитывается болѣе 300. По преданію тутъ жили ратные и служилые монастырскіе люди. Теперь эти помѣщенія частью обращены въ кладовыя, частью же совершенно пусты; они имѣютъ земляной и каменный полы и закончены дымомъ, вслѣдствіе, вѣроятно, отошленія „по черному“ (безъ трубъ).

Въ стѣнахъ устроены двѣ гостинницы, одна изъ которыхъ, что у Казанскихъ воротъ, имѣетъ входъ извнѣ монастыря. Гостинницы содержатся довольно опрятно. По другую сторону воротъ (по лѣвую, если входите въ монастырь) устроено помѣщеніе для церковно-приходской школы-пріюта для бѣднѣйшихъ дѣтей. Ранѣе тутъ была городская тюрьма, а лѣтъ 12—14 назадъ помѣщались плѣнные кавказскіе горцы.

По ветхой, полуобрушившейся лѣстницѣ взбираемся на нижній ярусъ „городковъ“. Городки въ 2—3 мѣстахъ обрушились; но обвалы обыкновенно спѣшатъ исправитьъ.

такъ что вообще прогулки по стѣнамъ не представляютъ никакой опасности. Башни всѣ одного типа: правильная 16—18 гранная призма съ пирамидальной крышей, увѣнчанной небольшимъ куполомъ. Судя по остаткамъ лѣстницъ и площадокъ, когда-то можно было взбираться въ нихъ на самый верхъ. Лучше всего въ этомъ отношеніи сохранилась сѣверо-западная башня „Золотой Шпиль“. Въ нее можно, хотя съ большой опасностью, взойти на самый верхъ; но неудобство восхожденія вознаграждается красивымъ видомъ на окрестность.

Главная башня монастыря, „Московская“, имѣетъ въ высоту 28 сажень. Остальныя немного ниже (10—25 с.).

Нужно опуститься въ башню нѣсколько ниже перваго яруса „городковъ“, чтобы вблизи увидѣть тѣ страшныя „каменные мѣшки“, гдѣ въ ужасныхъ мукахъ окончило свою жизнь много-много страдальцевъ, порою даже безвинныхъ...

Передъ нами шестнадцатигранный пустой внутри столбъ, немного болѣе 2 сажень въ діаметрѣ. Опъ вышается до самаго купола и раздѣленъ на отдѣленія, которыхъ насчитывается болѣе 10. Въ каждое изъ этихъ отдѣленій ведетъ по одному узкому отверстію, служившему дверью.

Мирно смотрятъ теперь эти мрачныя темницы; ими завладѣли крикливыя галки и веселые голуби; ничто не напоминаетъ теперь о томъ, что происходило здѣсь три-четыре вѣка назадъ.

Такія каменныя тюрьмы имѣются въ 4 большихъ башняхъ.

Но сойдемъ внизъ у Казанской башни.

Мы въ первомъ дворѣ, который занимаетъ почти половину монастыря. Здѣсь протекающая черезъ него рѣчка Свѣяга достигаетъ крайней своей ширины. Первый дворъ монастыря отъ второго, гдѣ св. храмы, отдѣляется стѣной съ святыми воротами. Отъ Казанскихъ до святыихъ воротъ ведетъ березовая аллея, обнесенная камен-

ной оградой высотой аршина в 4. Эта аллея дѣлит первый дворъ на двѣ, почти равныя, части. По сторонамъ аллеи тянутся посѣвы и огороды; кое-гдѣ видны группы березъ и столѣтнихъ липъ. Въ стѣнѣ отъ святыхъ воротъ, по обѣ стороны, устроены въ два этажа кельи, часть которыхъ обращена въ кладовыя. Надъ святыми воротами помѣщается церковь во имя св. Теодора Стратилата и Юанна Лѣтвичника, построенная великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ.

Два прохода въ святыхъ воротахъ покрыты по стѣнамъ и потолку изображеніями святыхъ и событіи изъ жизни преподобнаго Кирилла. Отсюда открывается видъ на группу монастырскихъ церквей. Прямо возвышается колокольня; рядомъ съ ней, правѣе, — Введенскій соборъ, ближе, налѣво — соборъ Успенія Божіей Матери и, нераздѣльно съ нимъ, церкви: во имя св. Кирилла, великаго князя Владиміра и св. Епифанія за церковью св. Кирилла, немного далѣе — церковь во имя св. Равноапостольныхъ царей Константина и Елены — рядомъ съ колокольней и Введенскимъ соборомъ; эти три зданія составляютъ какъ-бы одну сплошную стѣну.

Противъ Успенскаго собора, саженьяхъ въ 18 отъ него стоитъ архимандричій двухъ-этажный корпусъ, обнесенный деревянною оградой. Въ этой оградѣ разбитъ небольшой садъ, главная красота котораго, четыре въ ковыхъ кедра, соперничаютъ въ высотѣ съ куполомъ церкви св. Владиміра.

Архимандричій корпусъ отдѣляетъ отъ втораго двора „рабочій“ дворъ, гдѣ помѣщаются кухни, копящій скотный дворъ и др. хозяйственныя постройки.

Обозрѣніе храмовъ слѣдуетъ начать съ Успенскаго собора, какъ древнѣйшаго.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ соборъ, самимъ преподобнымъ въ 1397 году былъ построенъ храмъ во имя Успенія Божіей Матери. При игуменѣ Трифонѣ онъ

былъ перестроенъ и, съ небольшими передѣлками, сохранился до нашего времени.

Съ виду—это очень древняя церковь, что называется, начавшая вростать въ землю; имѣетъ она одну главу (да и всѣ церкви въ монастырѣ одноглавыя); высота ея до креста—около 20 сажень.

Въ соборъ ведетъ небольшой притворъ позднѣйшей постройки.

При входѣ первымъ долгомъ бросается въ глаза старинный драгоценный иконостасъ, увѣчаный рѣзнымъ распятіемъ, по сторонамъ котораго находятся два изображенія ангеловъ.

Соборъ построенъ въ видѣ креста и поддерживается двумя массивными каменными столбами. Стѣны покрыты древней живописью. Здѣсь изображены чудеса преподобнаго и событія изъ ветхозавѣтной исторіи; изъ нихъ замѣчательны: „Видѣніе Іаковомъ лѣствицы“, „Взятіе Иліи на небо“ и др. Живопись реставрирована въ царствованіе императора Николая I. Иконостасъ устроенъ въ нѣсколько ярусовъ, уставленныхъ иконами древняго письма въ золоченыхъ ризахъ съ камнями. Въ первомъ ярусѣ у царскихъ вратъ сіяетъ драгоценностями та чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, которую св. Кириллъ принесъ изъ Симонова монастыря. Надъ нею сооружена сѣнь изъ малиноваго бархата.

Вѣрующіе глубоко чтятъ икону Божіей Матери; тысячи народа припадаютъ къ ней съ слезною мольбою о дарованіи имъ небесной помощи, и въ большинствѣ случаевъ эта помощь приходитъ къ нимъ,—приходитъ въ видѣ то скорого излеченія отъ тяжкаго недуга, то исполненія какого-либо благочестиваго желанія, то разныхъ другихъ проявленій божественной благодати.

Зимою ежедневная церковная служба совершается въ тепломъ Введенскомъ соборѣ, куда перепосится и св. образъ Богоматери.

Икону почти ежедневно носятъ по городу и служатъ

молобны. Въ лѣтнее и осеннее время ея не бываетъ въ городѣ по нѣскольکو мѣсяцевъ, такъ какъ ее уносятъ въ уѣздъ верстъ за 100 и болѣе. Особенное торжество въ честь ея бываетъ ежегодно 28 іюля, когда совершается крестный ходъ вокругъ всего города.

Икона Одигитріи украшена частію на монастырскія средства, частію-же па средства царя Іоанна IV и его супруги Анастасіи Романовны.

Въ томъ-же ряду иконостаса стоитъ также древній храмовой образъ Успенія Божіей Матери, писанный, по преданію, извѣстнымъ иконописцемъ Рублевымъ (при великомъ князѣ Димитріи Донскомъ).

Во второмъ ярусѣ помѣщены иконы святыхъ, изображенныхъ „на поклонѣ“.

Среброкованная вызолоченная царскія врата Успенскаго собора пожертвованы царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ, который не мало заботился объ украшеніи монастыря.

Какъ на одну изъ достопримѣчательностей собора слѣдуетъ указать па два хранящіеся здѣсь синодика. Они писаны на бумагѣ, разными почерками и крупно.

Здѣсь, въ началѣ, записаны игумены Кириллова монастыря и монастырей окрестныхъ: Кириллъ Бѣлозерскій, Ѳерапонтъ, Мартиніанъ, Александръ Ошевелскій, Кириллъ Новозерскій, Иннокентій, Христофоръ, Нилъ Сорскій и др. За ними слѣдуютъ вселенскіе патріархи, кіевскіе и московскіе митрополиты и, наконецъ, великіе князья русскіе; первымъ стоитъ св. Владиміръ; затѣмъ идутъ удѣльные князья, цари и вотчинные владѣтели: князь Андрей Дмитриевичъ Бѣлозерскій, князья Іценятевы, Кубенскіе, Палецкіе, Волотскій и др. Особенное вниманіе привлекаетъ одна изъ страницъ I-ой части синодика, гдѣ записанъ родъ св. Кирилла, вѣроятно, съ его словъ: „Михайла, каллиніка, тарасіа, сумеопа, александра, петра, іова, петра, іоанна, ісаакія, гаврііла, маріи, паштелеймона, оуліаніи, ірішы, матроны, Іоанна,

Евдокіи, Евдокіи, Евдокіи, уліаніи, маріи, маріи, матроны, мартініана, сусмеона, николаы“.

Въ этомъ списокѣ не встрѣчается имени окольникчаго Тимофея Вельяминова; имя-же его супруги, Ирины, внесено. Есть предположеніе, хотя ни на чемъ не основанное, что Вельяминовъ впослѣдствіи постригся и носилъ другое имя. Но это не подтверждается синодикомъ, въ которомъ надъ именами многихъ иноковъ стоятъ ихъ прежнія, мірскія, имена и даже обозначается иногда ихъ званіе, напр., надъ Игнатіемъ надписано: „Волоцкой крестьянинъ“, надъ Іоною—„Воротынскій“, надъ Арсеіемъ — „глухой“, надъ Θεодосіемъ — „Шереметьевъ“, надъ священно-діакономъ Аврааміемъ—„быль въ Казани митрополитъ“, надъ священно-инокомъ Спиридономъ—„попъ Сильвестръ“ (знаменитый совѣтникъ Грознаго, авторъ „Домостроя“), рядомъ съ которымъ записанъ и сынъ его Анфимъ и т. д.

Въ этомъ синодикѣ встрѣчается много именъ знатныхъ русскихъ людей, почившихъ подъ мирнымъ кровомъ Кириллова монастыря.

По правую сторону собора находится придѣлъ во имя св. Кирилла. Подъ аркой, соединяющей соборъ съ придѣломъ, покоятся подъ спудомъ мощи великаго основателя обители. Среброкованная рака надъ мощами устроена царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ. На ракъ помѣщено рельефное вызолоченное изображеніе св. угодника. Позднѣ княгиней Шереметьевой пожертвована сѣнь, увѣчанная крестомъ и митрою и украшенная эмалевыми иконами. Церковь-придѣлъ во имя св. Кирилла построена въ концѣ XVI вѣка и была сначала деревянной. Черезъ 200 лѣтъ, именно въ 1780 году, вмѣсто нея, воздвигли каменную церковь. Въ этомъ видѣ она стоитъ и по настоящее время. Своды церкви украшены изображеніемъ коронованія Владычицы міра.

На стѣнѣ передъ ракою виситъ серебряный складень, въ которомъ помѣщена икона, изображающая св. угод-

ника и писанная въ 1424 г. прендобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ. Она украшена драгоцѣнной ризою съ яхонтами и жемчугомъ.

Прендобный Кирилль изображенъ старцемъ, стоящимъ въ маптїи, съ непокрытой главою. На его лицѣ лежитъ печать задумчивости, такъ свойственной святому, отрѣшившемуся отъ всего земнаго. Руки сложены у него на груди. Эта икона-портретъ, современная св. Кириллу, по всей вѣроятности, имѣетъ большее сходство съ св. угодникомъ.

Туть-же около раки висятъ желѣзныя вериги прендобнаго, вѣсомъ до 8 фунтовъ.

Въ церкви св. Кирилла круглый годъ ежедневно совершаются раннія обѣдни.

По другую сторону Успенскаго собора помѣщается церковь св. Благовѣрнаго князя Владиміра, а рядомъ съ ней—церковь прендобнаго Епифанія.

Владимірская церковь соединена дверями съ соборомъ. Она была построена въ 1555 году на средства княгини Воротынской, и въ ней устроена усыпальница Воротынскихъ. Позднѣе церковь перестроена (кажется, не вся).

При входѣ невольно обращается вниманіе на древнюю живопись, покрывающую стѣну и низкія своды церкви Стѣной, въ которой устроены рѣшетчатыя желѣзныя двери, она раздѣляется на двѣ части. Въ первой половинѣ церкви имѣются въ полу каменныя плиты съ надписями. Здѣсь погребены нѣкоторые архимандриты Кириллова монастыря. Вторая половина, въ которой находится и алтарь, нѣсколько выше предыдущей.

Туть получили вѣчное упокоеніе знаменитые потомки св. Михайла Черниговскаго—князья Воротынскіе.

Надгробные камни вставлены лѣтъ 50 тому назадъ въ стѣны (ранѣе они были въ полу). Въ стѣнѣ, раздѣляющей церковь, номѣщенъ самый большой камень. Здѣсь читаемъ: „Лѣта 7062 (1554) сентября 27, преста-

вися рабъ Божіи Благовѣрный князь Владимиръ Ивановичъ Воротынскій“. Это одинъ изъ истинно русскихъ людей, славный участникъ казанскаго похода, вождь царской дружины, который во время болѣзни Іоанна IV такъ твердо стоялъ за права Грознаго и его сына противъ партіи Владиміра Андреевича.

По всей вѣроятности, князь В. И. Воротынскій пріѣхалъ въ монастырь въ 1553 г., сопровождая Іоанна Грознаго въ знаменитомъ кирилловскомъ путешествіи.

Внизу другая надпись:

„Лѣта 7072 (1664) преставися рабъ Божіи благовѣрный князь Александръ Ивановичъ Воротынскій“; изъ надписи посрединѣ узнаемъ, что въ 7114 (1606) году, января 21 перенесены были изъ Кашина въ Кирилловъ монастырь князь Михайло Воротынскій и сынъ его Логинъ; погребены они были въ Кашицѣ: Михайлъ въ 7081 (1573) году и Логинъ въ 7092 (1584) году.

Это прахъ знаменитаго „слуги Государева“, замученнаго по оговору въ волшебствѣ. Скромно пріютилось громкое имя Михайла Воротынскаго между другими надписями, покрывающими камень: ничто съ виду не напоминаетъ погребеннаго здѣсь русскаго вельможи!

Въ этой-же церкви погребены князя Иванъ Михайловичъ и Михайлъ Ивановичъ Воротынскіе: первый въ 1627, второй въ 1679 г.

Церковь св. Владиміра, какъ выше сказано, устроена въ 1555 году, когда надъ мощами преподобнаго Кирилла была только деревянная часовня.

Іоаннъ Грозный былъ возмущенъ такимъ отношеніемъ къ памяти преподобнаго и вотъ что между прочимъ писалъ по этому поводу игумену Козьмѣ:

„...А во се надъ Воротынскимъ церковь есть поставили. Ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ. Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковию. Иѣна страшномъ Спасовѣ судници Воротынскій да Шереметевъ выше стануть, потому Воро-

тынской церковью, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кириллова крѣпчае. Слышалъ отъ брата нѣкоего, глаголюща, яко добрѣ се сотворила княгиня Воротынского, азъ же глаголю—не добрѣ. Посему, первое, яко гордыни есть и величанія образъ, еже подобно царстѣи власти, церковію и гробницею и покровомъ почитатися, и не токмо души не пособъ, но и пагуба; души бо пособіе бываетъ отъ всякаго смиренія. Второе, и сіе зазоръ не малъ, что мимо чудотворца надъ нимъ церковъ“.

Эта грамота произвела желаемое дѣйствіе,—и надъ мощами св. Кирилла скоро была воздвигнута церковъ.

Церковъ св. Еуифанія не представляетъ особаго интереса.

Перейдемъ отсюда въ теплый Введенскій соборъ.

Введенскій соборъ устроенъ въ зданіи, гдѣ была прежде (въ 1497 г.) трапезная. Онъ подвергался частымъ передѣлкамъ, такъ что почти потерялъ свой первоначальный видъ. Своды его поддерживаютъ 4 каменные колонны. Въ иконостасѣ помѣщены иконы стараго письма; по стѣнамъ же и потолку—живопись повѣйшая. Соборъ имѣетъ сообщеніе съ архимандричьимъ корпусомъ и трапезной. Изъ паперти—входъ въ ризницу.

Ризница состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ. Богатыя церковныя облаченія и принадлежности богослуженія размѣщены здѣсь въ громадныхъ шкафахъ.

При осмотрѣ первоначально показываютъ узкій стеклянный шкафъ, гдѣ хранятся вещи преподобнаго: 1) ветхая риза изъ розовой ткани съ нашитыми шерстяными четырехугольниками; 2) нагольничъ тулунъ, мѣстами порвавшійся; 3) шерстяная, грубой вязки, шапочка; 4) желѣзные вериги преподобнаго; 5) двѣ мѣдные чаши въ кожаныхъ чахлахъ и деревянный ковчѣ; 6) сумочка съ ремнемъ черезъ плечо; 7) красный деревянный потиръ съ изображеніемъ Іисуса Христа. Тутъ же стоитъ черемховый искривленный посохъ преподобнаго Кирилла.

Рядомъ съ этимъ шкафомъ въ золоченой рамкѣ за стекломъ помѣщено духовное завѣщаніе чудотворца Кирилла. Рукопись написана почеркомъ близкимъ къ полууставу и мелко.

Въ этой же комнатѣ виситъ россійскій государственный гербъ, устроенный въ память посѣщенія монастыря императоромъ Петромъ I.

Во второй комнатѣ хранятся разныя драгоценности и древнія вещи, изъ которыхъ болѣе замѣчательны:

1) Манагія полоцкаго архіепископа Леонасія и его же золотые церковные сосуды; 2) напорфирный драгоценный крестъ Іоанна Грознаго; 3) древній напрестольный, повидимому, кипарисовый крестъ въ драгоценной оправѣ, пожертвованный кн. Воротынскими; 4) два массивныхъ золотыхъ креста князей Воротынскихъ; 5) массивные золотые сосуды, пожертвованные царемъ Іоанномъ IV; 6) серебряный кованый ковшъ, его же, вершковъ 7 въ діаметрѣ, низкій; 7) древнее кадило, какъ видно изъ надписи, пожертвованное княземъ Дмитриемъ Федоровичемъ Палецкимъ; 8) кубокъ литой серебряный вызолоченный, въ формѣ бокала, около 11 вершковъ вышины, съ изображеніями нимфъ; пожертвованъ дякомъ патріарха Филарета, Никифоромъ Шинулинымъ; 9) серебряная чаша, служащая при водоосвященіи, пожертвованная Воротынскими; 10) Икона Божіей Матери „Умиленіе“, пожертвованная въ 1686 году Воротынскими же и богато украшенная изумрудами, сапфирами, рубинами и жемчугомъ, въ золотомъ окладѣ.

Вмѣстѣ съ этими вещами помѣщаются двѣ вызолоченныя дарохранительницы и большое кадило, сдѣланныя слугой Воротынскихъ, Никитой Осиповымъ Педьликоповымъ, какъ гласятъ о томъ вырѣзанныя на нихъ надписи.

Въ той же комнатѣ виситъ стеклянный футляръ, заключающій въ себѣ бѣлый клубокъ нижегородскаго

митрополита Псаин, посланнаго въ Кирилловъ монастырь „на смиреніе“.

Недалеко отъ шкафа съ драгоценностями стоитъ старое кресло изъ простаго дерева. На ручкахъ этого кресла есть надпись: „7176 (1668) г. марта 12 дня, сійи стуль здѣлапъ смиреннымъ Никопомъ патріархомъ, въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь, въ Ферапонтовѣ монастырѣ, въ тюръмѣ“. Гордый Никонъ старался въ каждой мелочи оставить по себѣ память. Тутъ же, на стѣнѣ, виситъ и его портретъ, писанный масляными красками.

Въ ризницѣ въ особомъ шкафѣ хранятся древнія рукописныя книги. Особенное вниманіе заслуживаютъ изъ нихъ 17 книгъ съ надписью „книги преиодобнаго чудотворца Куріла“: 7 евангелій, 1 апостоль, 1 псалтирь, 3 правилъ, 1 лѣствица и 4 канонника. На всѣхъ этихъ книгахъ стоитъ имя Кирилла.

Одно изъ евангелій—на пергаментѣ и написано ученикомъ св. Кирилла, Христофоромъ (въ 1416—1417 гг.); оно заключено въ драгоценный переплетъ.

На оборотѣ перваго листа надпись: „Господи Иисусе Христе Сыне едиnorodныи и безначальнаго ти отца, реки пречистыми оусты яко без мене не можете творите ни что же, Господи мои Господи, вѣрою объемъ въ души моеи и сердци тобою реченная, припадаю твоеи благости, помози ми грѣшному сне желанное мною паченъ о тебѣ самомъ и навершннті“.

Остальныя книги въ простыхъ переплетахъ, кромѣ одной псалтири на пергаментѣ, письма того же Христофора, на переплетѣ которой есть серебряныя украшенія. Псалтирь эта начинается молитвою къ Пресвятой Троицѣ. Въ ней имѣются четыре картины, изображающія апостоловъ: Іакова, Павла, Іуду и Луку. Они сдѣланы красками и золотомъ.

Въ шкафѣ есть книги, писанныя Корнилиемъ Ко-

мельскимъ, Сильвестромъ, много книгъ Гурія, Іоасафа, Флавіана. На нѣсколькихъ книгахъ стоитъ греческая подпись, по-русски—„Грѣшный Ниль“. Полагають, что ихъ писалъ прендобный Ниль Сорскій, до своего путешествія по Греціи.

Особой библіотеки въ настоящее время въ монастырѣ не существуетъ, такъ какъ большинство книгъ вывезено изъ Кириллова въ разное время. Напримѣръ, въ 1639 г., по приказу царя Михаила Феодоровича, взяты книги, которыя были въ двухъ экземплярахъ, съ остальныхъ же сняты копии и отправлены въ Приказъ Большого Двора. Позднѣе много книгъ поступило въ Новгородскую Софійскую библіотеку, въ библіотеки—св. Синода, С.-Петербуржской духовной академіи и Правительствующаго Сената.

Изъ паперти Введенскаго собора ведетъ лѣстница на колокольню. Колокольня обширная; самый большой колоколъ „Матора“ вѣситъ до 1,200 пудовъ.

Рядомъ съ колокольней стоитъ церковь Архангела Гавріила и св. Константина и Елены; она построена въ 1531 г. отцемъ Іоанна IV, Василюемъ Ивановичемъ. Подъ колокольней сдѣланъ проходъ къ озеру; нѣсколько чугунныхъ ступеней ведутъ къ Преображенскимъ воротамъ (въ западной стѣнѣ). Надъ ними устроена церковь во имя Преображенія Господня. Церковь эта очень древняя и сохранилась почти безъ передѣлокъ. Служать въ ней одинъ разъ въ годъ, именно 6 августа.

Недалеко отъ Преображенскихъ воротъ находится ветхое зданіе, гдѣ, по преданію, жилъ сначала Никонъ, перемѣщенный сюда изъ Терапонтова монастыря.

Въ юго-западномъ углу второго двора стоитъ церковь св. Евѣмїя и при ней корпусъ келій. Эти кельи устроены изъ прежнихъ больничныхъ палатъ, при которыхъ и состояла церковь св. Евѣмїя. Здѣсь проводилъ послѣднее время своего пребыванія въ Кирилловѣ патріархъ Никонъ. Съ того времени церковь была оста-

влена, и службъ въ ней не совершалось; лѣтъ 6—8 назадъ ее исправили и подновили, и теперь еженедѣльно происходятъ божественныя службы для учениковъ мѣстнаго духовнаго училища.

Духовное училище находится тутъ же въ монастырѣ; оно занимаетъ часть келій, отдѣляющихся съ южной стороны второй дворъ отъ Ивановскаго монастыря.

Ивановскій монастырь находится въ общихъ стѣнахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и расположенъ на той самой горѣ, гдѣ была земляная келія св. Кирилла.

У подошвы горы протекаетъ рѣчка Свѣяга, по берегамъ которой растутъ громадныя липы и березы.

Въ Ивановскомъ монастырѣ двѣ церкви: одна во имя Іоанна Предтечи, устроенная великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ въ 1532 году; другая—въ честь Сергія Радонежскаго съ придѣломъ Діонисія Глушицкаго. Последняя сохранила свой древній видъ во всей неприкосновенности; церковь же Іоанна Предтечи совершенно перестроена внутри.

Главную достопримѣчательностью Иванова монастыря служатъ двѣ часовни.

Одна изъ нихъ, деревянная, подъ навѣсомъ на каменныхъ столбахъ, построена около 1700 года на томъ мѣстѣ, гдѣ была въ землѣ келія св. Кирилла. Въ ней стоитъ распятіе.

Противъ нея другая ветхая часовня. Эта часовня по преданію, устроена собственноручно св. Кирилломъ и покрыта древесной корою. Въ виду предохраненія ея отъ вліянія атмосферы она заключена въ другую обширѣйшую часовню, какъ бы въ стеклянный футляръ.

Въ часовнѣ находятся два деревянные креста, сооруженные св. Кирилломъ, а за ними на стѣнѣ виситъ его изображеніе. Передъ крестами помѣщенъ древній висячій подсвѣчникъ, сдѣланный тоже св. Кирилломъ.

Кресты въ часовнѣ восьмиконечныя (нижняя поперечная часть одного изъ нихъ утрачена и замѣнен

новою); они сильно испорчены и кажутся какъ бы изрѣзанными и обгрызенными.

Это на самомъ дѣлѣ такъ и есть: кресты испорчены богомольцами, которые получаютъ отъ нихъ исцѣленіе отъ зубной боли. Теперь прекращено это уничтоженіе святыни, и кресты заключены въ стеклянные футляры. Въ этой часовнѣ св. Кирилль совершалъ и общественную молитву до устройства Успенскаго храма.

Ивановскій монастырь служитъ съ давнихъ поръ общимъ кладбищемъ, какъ самая удобная для этой цѣли часть обители.

По своей живописной мѣстности онъ справедливо можетъ назваться красивѣйшимъ уголкомъ Кириллова монастыря.

Кругомъ Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря расположенъ уѣздный городъ Кирилловъ, основанный въ 1775 г. по распоряженію новгородскаго намѣстника Я. Е. Сиверса. Именемъ его названо и озеро Сиверское. Въ настоящее время въ Кирилловѣ считается до 5¹/₂ тысячъ жителей. Главная промышленность города—торговля и отхожіе промыслы.

Въ Кирилловѣ имѣется соборъ, 3 приходскихъ и 1 домовая церковь.

Кирилловъ — городъ еще сравнительно молодой, и ничего особенно заслуживающаго въ немъ вниманія нѣтъ.

Въ шести верстахъ отъ города, на берегу р. Шексны, стоитъ гора Маура, съ которой св. Кирилль выбралъ мѣсто для своей обители. На восточномъ склонѣ горы (къ городу) недавно построена деревянная часовня. Въ полѣ ея вложенъ камень неправильной формы, имѣющій нѣсколько углубленій. Одно изъ этихъ углубленій имѣетъ сходство съ оттискомъ человѣческой ноги. Этотъ оттискъ, по преданію, получился отъ ноги чудотворца Кирилла, когда онъ проходилъ здѣсь.

Такъ это на самомъ дѣлѣ или пѣть, навѣрно неизвѣстно, но устройство монастыремъ часовни падѣ камнемъ—подтверждаетъ и увѣковѣчиваетъ это преданіе.

Св.-Троицкій Александро-Свирскій монастырь.

Монастыри изстари служили для нашей родины оплотомъ въ години бѣдъ, междоусобныхъ распрей и нашествія вражьяго; они жили одною жизнію съ государствомъ, раздѣляя его невзгоды, его нужды, его радости; исторія того или другого монастыря есть въ то же время и исторія мѣстности, гдѣ онъ существовалъ. Какъ въ Греціи, такъ и въ Россіи монастыри были училищами благочестія, центрами православія и разсадниками наукъ и знаній. Край погруженный во мракъ невѣжественныхъ вѣрованій, какъ будто забытый, обездоленный, съ устройствомъ въ немъ монастыря, быстро шелъ по пути просвѣщенія и, вмѣстѣ съ симъ, благоустройства вообще; обитель, питая его пищею духовною, въ то же время наставляла, возвышала его и въ жизни общественной.

Одною изъ такихъ обителей является для сѣвера Россіи, именно для Олонецкаго края, Свято-Троицкій Свирскій монастырь, основанный однимъ изъ великихъ подвижниковъ благочестія, препод. Александромъ Свирскимъ. Преподобный Александръ родился въ 1448 г., въ предѣлахъ Великаго Новгорода, въ небольшомъ мѣстечкѣ Обонежской пятины—Мандерахъ, въ семьѣ скромныхъ тружениковъ, отличавшихся истинно христіанскою жизнію.

О первыхъ отроческихъ годахъ жизни преподобнаго мало извѣстно: „отрокъ растяше и исполняшеся Духа Святаго о Господѣ“,—говоритъ писатель житія, игу-

мень Продионъ, но и эти немногія слова поясняютъ, что будущій свѣтильникъ Олопецкаго края и въ раннемъ отрочествѣ былъ далеко уже всего мірскаго.

Юность ничѣмъ не отличалась отъ строго проведеннаго отрочества; пылая желаніемъ удалиться отъ суетнаго міра, онъ былъ чуждъ удовольствіи и наслажденіи, чуждъ праздности и житейскихъ тревоженій. Посѣщеніе храма Божія, чтеніе божественнаго писанія, молитва при изнурительномъ постѣ—вотъ чѣмъ жилъ скромный юноша.

Достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, когда родители приготавливали ему уже певѣсту, онъ рѣшилъ совсѣмъ покинуть міръ и всецѣло посвятить себя жизни иноческой. „Восхотѣша родители его сочетати законному браку, божественный же юноша небрежаше о семъ, но присно желаше и помышляше како-бы міра бѣжати“.

Послѣ усердной молитвы, желаніе свое юный Александръ приводитъ въ исполненіе. Тайно покинулъ онъ домъ родительскій, и, прибывъ на Валаамъ, принялъ здѣсь постриженіе.

Однако, недолго видѣли иноки Валаамскіе въ стѣнахъ своей обители молодого подвижника: избѣгая уваженія со стороны братіи, одобреній и похвалъ игумена, вызванныхъ его истинно высокою жизнію, онъ удаляется на берега р. Свири.

Здѣсь выбравъ болѣе уединенное мѣсто среди вѣкового лѣса, вблизи двухъ небольшихъ озеръ, онъ построилъ небольшую хижину и поселился въ ней для безмолвія и суровой жизни одинокаго отшельника.

Почти семь лѣтъ прожилъ преподобный Александръ, „Единому Богу присно внимаше и псаломскія пѣсни поаше“, думая и дни свои окончить „вѣдомымъ только Господу“, но Промыслъ Божій судилъ иначе.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста, гдѣ поселился преподобный Александръ, жилъ въ своемъ помѣстьѣ нѣкто бояринъ Завалишнинъ. Заблудившись разъ на

охотѣ, онъ случайно открылъ убѣжище преподобнаго, зашелъ къ нему, вступилъ въ бесѣду и, узнавъ о полной лишенія жизни подвижника, не могъ утаить, по возвращеніи домой, о „дивномъ Свирскомъ пустынножителѣ“.

Вѣсть не замедлила распространиться, и къ преподобному Александру начали приходить многіе ищущіе „житія монашескаго“.

Преподобный хотя и не возбранялъ посѣщавшимъ его селиться вблизи хижины своей и съ радостью руководилъ ихъ жизнью, наставляя въ подвижничествѣ, по все-таки тяготился этимъ, ибо уединеніе его было нарушено; бѣжавшій міра, онъ былъ теперь прославляемъ имъ. Слава объ его святой жизни влекла къ нему не только міряны, но и искусившихся въ жизни иноческой монаховъ.

Вскорѣ число жаждущихъ молитвенныхъ утѣшеній преподобнаго увеличилось настолько, что явилась необходимость приступить къ устройству храма, а вмѣстѣ съ симъ и обители, по смиренный подвижникъ медлилъ думая искать новаго уединенія, новаго мѣста для безмолвствія и молитвъ, хотя въ душѣ и желалъ основать жизнь иноческую въ излюбленной имъ пустыни Свирской. Съ болью въ сердцѣ онъ уже готовъ былъ покинуть пустыню, но, какъ говоритъ преданіе, дивное видѣніе измѣнило его намѣреніе и укрѣпило въ немъ желаніе немедленно устроить монастырь и онъ приступилъ къ сооруженію небольшого храма во имя Св. Троицы, а затѣмъ и братскихъ келій, полагая этимъ начало обители Свирской. Постройки начались въ концѣ 1509 г.

И храмъ во имя Св. Троицы въ началѣ 1510 г. былъ оконченъ. Преподобный Александръ послалъ къ новгородскому архіепископу Серапіону двухъ учениковъ своихъ просить благословенія на освященіе храма.

Архіепископъ Серапіонъ былъ тогда вызванъ великимъ княземъ Василіемъ III въ Москву, а новгородскою

паствою временно управлялъ епископъ коломенскій Митрофалъ, который и принялъ учениковъ преподобнаго и послалъ съ ними благословеніе и антимисъ на освященіе перваго храма въ обители Свирскої.

По освященіи церкви, препод. Александръ велѣлъ приступить къ постройкѣ братскихъ келій и необходимыхъ монастырскихъ службъ, указавъ для этого мѣсто вблизи только что воздвигнутаго храма; самъ же остался въ своей хижинѣ-келіи.

Несмотря на просьбы братіи, желавшей видѣть въ преподобномъ не только духовнаго руководителя, но и начальника, преподобный Александръ долго отказывался отъ принятія сана священническаго, смиренно считал себя недостойнымъ его, избѣгая властвовать и старшинство, помышляя только объ уединеніи, но, наконецъ, уступилъ мольбамъ братіи и „принужденъ бысть священство пріяти“, а затѣмъ по волѣ архіепископа Серапіона—самъ игумена.

Возведенный въ игуменскій санъ, кроткій подвижникъ пустыни Свирскої, остался вѣренъ себѣ, и по прежнему старался быть „последнимъ среди братій“.

Подъ мудрымъ руководствомъ препод. Александра, основанная имъ обитель скоро заняла не послѣднее мѣсто среди монастырей сѣвернаго края.

Слава объ „обители на Свирѣ“ и о высокой жизни ея игумена, привлекала многочисленныхъ паломниковъ. Сюда стремились и знатные и незнатные, и ученые и простецы, и вельможи и полные нужды бѣдняки; всѣ они шли для молитвы, для бесѣдъ съ преподобнымъ.

Многіе изъ посѣтившихъ обитель принимали здѣсь постригъ и оставались для жизни иноческой.

Увеличившееся число братіи и средства обители дали возможность на мѣстѣ тѣсной деревянной Троицкой церкви воздвигнуть новый обширный, каменный храмъ, который вскорѣ и былъ освященъ преподобнымъ по благословенію архіепископа новгородскаго Макарія.

Вел. кн. Василій III, уважая игумена свирскаго за его истинно благочестивую жизнь, принялъ дѣятельное участие въ созиданіи новаго храма, приславши „щедрые дары“, утварь церковную, опытныхъ мастеровъ-строителей и даже необходимые для постройки матеріалы.

Храмъ былъ освященъ также во имя св. Троицы и былъ первою каменною постройкою „не только въ обители, но и во всемъ сѣверномъ краѣ нашего отечества того времени“.

Благодаря трудамъ и заботамъ преподобнаго, обитель обстраивалась быстро: вслѣдъ за новымъ каменнымъ Троицкимъ храмомъ, на мѣстѣ, предназначенномъ преподобнымъ для могилъ братіи, вблизи его келіи, вскорѣ построены были двѣ небольшія церкви въ честь Преображенія и во имя святителя Николая.

„Трудно описать,—говоритъ одинъ изъ старинныхъ составителей исторіи Свирскаго монастыря,—и исчислить все то, что совершено блаженнымъ Александромъ для пользы и славы созданной имъ обители“.

Но не долго жилъ основатель монастыря: „разумѣвъ къ Богу свое отшествіе“, онъ собралъ братію и „заповѣда о любви, о покореніи другъ другу, и о иныхъ добродѣтеляхъ“, и скоро мирно почилъ о Господѣ, въ 30 день августа 1533 года, „достиже старости честныя и многолѣтны, и сѣдины мастисты и благоукрашены постническими добродѣтелями“.

Обѣщая ученикамъ своимъ и всей братіи молиться о нихъ и объ обители, по кончинѣ своей, предъ Всевышнимъ, преподобный не переставалъ, даже на смертномъ одрѣ, заботиться и предъ земными властями о судьбѣ созданнаго имъ монастыря и живущихъ въ немъ.

„Обители Живоначальныя Троицы,—писалъ онъ за нѣсколько дней до кончины архіепископу Макарію,—священноиноки и всю братію, Бога ради и Пречистой Его Матери, побереги и оборони отъ сильныхъ людей послѣ моего живота“.

„Съ плачемъ велимъ“ проводила братія до могилы своего много потрудившагося игумена.

Кто былъ преемникомъ преподобнаго въ обители Свирской—неизвѣстно; но, по всей вѣроятности, преемникомъ преподобнаго былъ его духовникъ Исаія.

Обитель Свирская строго исполняла завѣщанный ей преподобнымъ уставъ о истинной жизни иноческой и это возвышало ее и дѣлало извѣстною.

Такъ, Іоаннъ Грозный не разъ указывалъ боярамъ московскимъ на Свирскую обитель, какъ на образецъ подвижнической жизни, и нерѣдко, подобно отцу своему великому князю Василию III, посылалъ въ монастырь богатые дары.

Федоръ Іоанновичъ, Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій не оставляли обитель цѣнными приношеніями, и монастырь препод. Александра Свирскаго къ началу XVII столѣтія сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей сѣвера Россіи.

Но настало смутное время,—и обитель Свирская была разорена набѣгами поляковъ, литовцевъ и шведовъ. „Около 1618 г.,—отмѣчаетъ одинъ изъ историковъ,—совершенно разореніе обители сея отъ литовцевъ, при чемъ убито монашествующихъ 27 и служителей 32 челоуѣка...“.

Время это монастырскій лѣтописецъ называетъ „литовскимъ разореньемъ“. Сожженная и разоренная обитель Свирская обстроилась только въ концѣ царствованія Михаила Феодоровича, благодаря щедрымъ дарамъ царскимъ, богатымъ пожертвованіямъ именитыхъ людей русскихъ и заботливой дѣятельности двухъ выдающихся игуменовъ своихъ, Феодорита и Аврамія.

Въ царствованіе же Михаила Феодоровича совершилось и обрѣтеніе мощей препод. Александра, что еще болѣе возвысило обитель.

Слишкомъ столѣтіе пребывало тѣло преподобнаго сокрытымъ въ землѣ; но Господу Богу угодно было

прославить петлѣніемъ своего вѣрнаго раба и явити его міру.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1641 г. въ Свирской обители при игуменѣ Авраміи, пристулено было къ постройкѣ каменнаго храма Преображенія надъ могилою преподобнаго. Разобравъ старую, почти разрушенную деревянную церковь, начали копать для фундамента ровъ и „обрѣли въблизи мѣста, занимаемаго алтаремъ, гробъ“.

Наблюдавшій за работами іеромонахъ, „открывъ мало верхнія доски гроба, видѣ во гробѣ тѣло цѣло ничимъ же ружимо и ризы цѣлы и нетлѣнны“. Изумленный онъ тотчасъ-же увѣдомилъ игумена и братію, которые и незамедлили собраться у гроба. Съ молитвою снялъ игумень гробовую крышку, и „исполнишасъ страха и благоговѣнія всѣ присутствовавшии, когда узрѣли въ почившемъ своего первоигумена блаженнаго Александра“.

Облекшись въ священныя одежды, игумень и старѣйшіе иноки обители внесли гробъ въ соборный храмъ.

Къ тогдашнему митрополиту новгородскому Аѳеонію съ вѣстью объ обрѣтеніи мощей немедленно послали одного изъ старцевъ обители. Митрополитъ донесъ государю.

Мощи повелѣно было освидѣтельствовать, и митрополитъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовнаго собора прибылъ въ монастырь.

Послѣ литургіи въ храмѣ, гдѣ находился гробъ съ мощами преподобнаго, митрополитъ съ архимандритомъ Хутыпскаго монастыря Нахоміемъ и игуменомъ Духова монастыря Евѣміемъ осмотрѣли петлѣнное тѣло угодника Божія.

Михаилъ Теодоровичъ радостно принялъ извѣстіе, что „дни его царствованія Господь прославилъ явленіемъ святыхъ мощей“, и „повелѣлъ сдѣлать для нихъ драгоцѣнную раку“.

Въ концѣ 1644 г. рака была изготовлена и отправ

дена изъ Москвы, со стольникомъ Петромъ Волконскимъ, въ Свирскій монастырь.

Переложеніе мощей въ присланную государемъ раку было совершено митрополитомъ Аѳеоніемъ при участіи почти всѣхъ архимандритовъ и игуменовъ новгородскихъ.

Въ 1645 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался. „Кончина царя,—говоритъ одинъ изъ историковъ монастырскихъ,—оказавшаго Свирской обители многія благодѣянія, была встрѣчена въ монастырѣ съ глубокою скорбью. Вскорѣ, къ этому печальному событію присоединилась еще другая скорбь,—кончина игумена Аврамія. Русская земля, отмѣчаетъ лѣтописецъ, печалилась о кончинѣ царя, а Свирская обитель—и по царѣ, благодаритъ обители, и по игуменѣ“.

Дѣйствительно, дѣятельность игумена Аврамія, его ходатайства предъ царемъ много способствовали возвышенію обители.

Въ 1647 г. положено было начало городу Олонцу; громадныя работы, начавшіяся по устройству города, частью пришлись и на обитель Свирскую, и монастырь долженъ былъ войти въ соприкосновеніе съ общею государственною жизнью края.

Монастырь поставлялъ на свои средства строительные матеріалы, продовольственные припасы для рабочихъ и жертвовалъ крупныя суммы на нужды государственныхныя; тѣмъ не менѣе средства монастыря не уменьшались; такъ, напримѣръ, въ 1677 г., при игуменѣ Гермогенѣ было приступлено къ устройству каменной ограды вокругъ монастыря и нѣкоторыхъ другихъ каменныхъ-же зданій.

Въ 1693 г. игуменъ Гермогенъ, возведенный уже въ санъ архимандрита, „билъ челомъ митрополиту Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ о постройкѣ новой церкви во имя Пресвятой Троицы, взамѣнъ обветшавшей старой“.

Храмъ, изумлявшій современниковъ своимъ богатствомъ и красотою постройки, былъ оконченъ въ 3 года и торжественно освященъ митрополитомъ Новгородскимъ Ювомъ.

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. Свирскій монастырь становится во главѣ церковнаго управленія краемъ, дѣлается „училищемъ благочестія“, по выраженію монастырскаго лѣтописца, центромъ религіозно-правственнаго просвѣщенія и борцомъ за православіе противъ начавшагося уже тогда раскола. Денежныя средства обители и земельныя владѣнія увеличились до весьма крушыхъ размѣровъ.

Въ 1700 г. началась великая сѣверная война Россіи со Швеціею. Обитель, опасаясь нашествія враговъ, по возможности укрѣпилась; святыни, утварь и драгоценныя вещи предпологалось отпрavitъ въ какой-либо болѣе отдаленный отъ олонецкихъ предѣловъ монастырь по шведы подъ монастыремъ не были.

Опасность миновала, и все-таки обители Свирской, пришлось пережить тяжелое время... Громадные государственные расходы требовали усиленныхъ средствъ, а монастыри, въ томъ числѣ и Свирскій, большую часть доходовъ иногда жертвовали „на государево дѣло“, сами оставаясь въ нуждѣ.

Въ 1709 г. монастырь былъ вынужденъ испрашивать благословенія у новгородскаго митрополита на сборъ пожертвованій, на что и было дано разрѣшеніе, и, только благодаря этому сбору, обитель могла возобновить свои храмы и исправить свои нужды.

Въ январѣ 1719 г. императоръ Петръ I, путешествуя по олонецкому краю, съ супругою своею императрицею Екатериною Алексѣевною, съ супругою покойнаго своего брата Іоанна Алексѣевича и многочисленною свитою, прибылъ въ монастырь; въ февралѣ 1720 г. посѣтилъ его вторично. Какъ въ первое, такъ и во

второе посѣщеніе императора обитель получила щедрыя царскіе дары и другія милости.

Въ половинѣ XVIII столѣтія монастырь Свирскій вновь могъ сравняться благолѣніемъ своихъ храмовъ и богатствомъ со многими обителями отечества. Къ нему было приписано 27 монастырей какъ олопецкой, такъ и другихъ сосѣднихъ областей.

Въ 1763 г. въ олонецкомъ краѣ учреждено было викаріатство С.-Петербургской митрополіи, и монастырь Свирскій былъ назначенъ для жительства архіереевъ. Съ этихъ поръ для обители началась новая церковно-административная жизнь: при монастырѣ была открыта духовная консисторія, а затѣмъ и семинарія.

Въ 1785 г. монастырь жестоко пострадалъ отъ страшнаго пожара; но щедрыя жертвованія ревнителей благочестія и крупная денежная сумма, пожертвованная императрицею Екатериною II, помогли монастырю, обстроиться вновь, даже въ лучшемъ видѣ.

Однако, олонецкое викаріатство было вскорѣ закрыто, монастырскія земли отписаны въ казну, права значительно ограничены и средства къ содержанію обители явились уже, вслѣдствіе этого, болѣе чѣмъ недостаточными.

Наступилъ 1812 г., эпоха борьбы Россіи съ полчищами Наполеона I. Монастыри дѣлились своими средствами на нужды государственныя, и Свирскій монастырь откликнулся на дѣло жертвованія почти первыи, удѣливъ большую часть своего имущества и жертвуя не только деньгами, но и цѣнными вещами.

Въ половинѣ текущаго столѣтія Свирскій монастырь, по выраженію историка, „представлялъ видъ развалинъ, и матеріальное положеніе его было въ полномъ разстройствѣ“.

Въ 1855 г. настоятелемъ монастыря назначенъ былъ архимандритъ Павелъ. Благодаря его заботамъ и энергической дѣятельности, монастырь началъ возобнов-

ляться; щедрые дары доброхотныхъ жертвователей, драгоценныя подарки особъ императорской фамилія, пакопецъ, посѣщеніе монастыря въ 1858 г. императоромъ Александромъ II, подняли значеніе монастыря, и обитель обстроилась.

Въ 1873 г., по ходатайству епископа олонецкаго Іоаннана, настоятельство Свирской обители предоставлено епископамъ олонецкимъ и петрозаводскимъ, ближайшій-же пазворъ за монастыремъ порученъ намѣстникамъ, что еще болѣе способствовало возвышенію обители.

Въ 1878 г., при настоятелѣ монастыря епископѣ Палладіи, была устроена новая серебряная рака для мощей препод. Александра, такъ какъ старая пришла въ ветхость.

Въ 1892 г. рѣшено было возобновить раку, пожертвованную царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, въ виду ея историческаго значенія; рака была возобновлена и переложеніе мощей въ возобновленную раку состоялось въ день св. Троицы въ 1894 г.

Въ настоящее время Свирская обитель является однимъ изъ лучшихъ монастырей олонецкаго края. Хотя она и не блещетъ богатствомъ, но дорога какъ святыня, какъ историческій памятникъ прошлаго, какъ много послужившая на пользу и славу родины.

Ежегодно, съ 1820 г., въ праздникъ св. Троицы, совершается въ обители особенное духовное торжество—перенесеніе мощей преп. Александра изъ Преображенскаго въ Троицкій соборъ, гдѣ онѣ остаются до понедѣльника—дня Св. Духа, а затѣмъ съ крестнымъ ходомъ возвращаются обратно.

На торжество всегда стекается по одна тысяча богомольцевъ.

Сяндемская пустынь.

Сяндемская Успенская пустынь находится въ Олопецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, въ 26 верстахъ отъ г. Олонца и 152 вер. отъ г. Петрозаводска.

Расположена она въ очень живописной мѣстности на возвышенномъ перешейкѣ озеръ Сяндемскаго и Роцинскаго по срединѣ кругообразной поляны.

До нашествія литвы и шведовъ въ XVII в., Сяндемская пустынь, какъ говоритъ преданіе, была обширна, многолюдна и изобиловала всѣмъ. Храмы Божіи были украшены и удивляли своимъ благолѣпіемъ. Объ обширности пустыни и многолюдствѣ ея обитателей свидѣлствуютъ слѣды жилья, видимые и доселѣ вокругъ монастыря, а заросшія лѣсомъ пожни и поля свидѣлствуютъ объ изобиліи хозяйства и трудолюбіи братства.

До начала XVIII вѣка въ пустынь существовали два храма—во имя Живоначальныя Троицы и святителей Аѳанасія и Кирилла, патріарховъ Александрійскихъ.

Въ началѣ XVIII вѣка Сяндемская пустынь сгорѣла до тла и, какъ видно изъ надписи закладнаго креста, въ 1720 году церковь святителей Аѳанасія и Кирилла выстроена вновь.

Черезъ нѣсколько времени была сооружена и церковь Успенія Божіей Матери, но о храмѣ Живоначальныя Троицы нигдѣ уже не упоминается, однако окрестные жители сохранили обычай собираться для богомоленія въ пустынь на Троицынъ день.

Церковь Успенія Божіей Матери стоитъ по срединѣ монастыря, на возвышенномъ перешейкѣ между озеръ Сяндемскаго и Роцинскаго. Паперть ея украшена большими иконами древней живописи, а надъ папертью довольно высокая стрѣльчатая колокольня, изъ которой прекрасный видъ на окрестности.

Всѣ зданія пустыни находятся кругомъ церкви Успе-

пія Божіей Матери и ограждены съ западною, южною и частію восточною стороны бревенчатою невысокою оградю, покрытою тесовою крышею съ 3-мя небольшими башенками, которыя весьма ветхи.

Входъ въ монастырь—съ западной стороны, прямо противъ паперти церкви, у дороги, ведущей изъ ближайшихъ селеній.

Святые ворота трехстворныя, подъ аркою, а надъ ними крестъ.

При входѣ въ Святые ворота, у сѣверо-западной стѣны ограды находится корпусъ весьма ветхій, въ которомъ помѣщается трапеза, кухня и хлѣбня, а у юго-западной стѣны корпусъ для помѣщенія настоятеля и нѣсколько братскихъ келій. На южной сторонѣ церкви въ корпусѣ весьма ветхомъ помѣщается гостинница для приѣма богомольцевъ и странниковъ и нѣсколько братскихъ келій. На юго-восточной сторонѣ церкви находится корпусъ съ братскими келіями и на сѣверной сторонѣ церкви небольшой братскій корпусъ и хлѣбный амбаръ.

Всѣ зданія—деревянныя, обшиты тесомъ и весьма удобны для помѣщенія, но довольно ветхи.

Противъ Святыхъ воротъ чрезъ дорогу находится маленькая досчатая часовня, подлѣ которой желѣзныя рѣшетчатые ворота для входа на пѣшеходный мостъ, устроенный на сваяхъ чрезъ оврагъ въ 50 сажень, къ церкви святителей Аѳанасія и Кирилла патріарховъ Александрійскихъ. По обѣимъ сторонамъ моста растетъ толстый ольшаникъ, который въ лѣтнее время своими листьями составляетъ листовенную арку чрезъ весь мостъ.

Церковь во имя Аѳанасія и Кирилла небольшая, каменная, съ 5-ю главами, построена въ 1865 году на мѣстѣ существовавшей съ 1720 года. Она построена на небольшомъ мыскѣ у самого берега Роцинскаго озера, и алтарь ея какъ-бы виситъ надъ водою, отражаясь величественно въ водахъ озера.

Икопостась въ ней живописной работы. За правымъ клиросомъ у южной стѣны почіють подъ спудомъ мощи первоначальника пустыни преподобнаго Аѳанасія.

На западѣ отъ церкви растетъ еловая роща, подъ тѣнію которой расположено кладбище.

Несмотря на всѣ удобства иноческаго здѣсь житія и всѣ старанія сдѣлать пустынь самостоятельной, она и теперь еще мало обитаема.

Въ настоящее время въ пустынь находится три іеромонаха, два монаха и другой братіи до 10 человекъ. Между тѣмъ есть старики—сосѣди, которые слышали отъ своихъ отцовъ, что братіи здѣсь считалось до 110 человекъ.

Палеостровскій монастырь.

Основателемъ Палеостровскаго монастыря въ Олонецкомъ краѣ былъ пр. Корнилій. Преподобный Корнилій родился во Псковѣ, въ половинѣ XIV столѣтія. Рано покинувъ міръ, онъ удалился въ Новгородскій Вяжицкій монастырь, гдѣ и принялъ постриженіе; но жизнь въ обители, расположенной вблизи шумнаго и богатаго тогда Новгорода, не долго привлекала подвижника: онъ жаждалъ болѣе строгой иноческой жизни, болѣе суровыхъ подвиговъ, и скоро покинулъ родные ему предѣлы повгородскіе.

Съ посохомъ странника явился преподобный Корнилій въ знаменитый тогда аскетическою жизнью своихъ иноковъ Валаамскій монастырь и думалъ навсегда остаться здѣсь, но скоро онъ оставилъ Валаамскую обитель и чрезъ Финляндію достигъ береговъ Бѣлаго моря.

Страна, куда прибылъ преподобный, была населена почти полудикими племенами финновъ и кореловъ, не имѣвшихъ и понятія объ истинномъ Богѣ. Влекомый

ревностью къ проповѣдыванію Евангелія, преподобный Корнилій много потрудился, странствуя среди дремучихъ лѣсовъ изъ селенія въ селеніе, нерѣдко подвергаясь опасности погибнуть отъ нападенія дикихъ звѣрей, или быть убитому послѣдователями язычества, но Господь хранилъ праведника и его апостольская дѣятельность была плодотворна.

„Жестокій путь прешедъ“, — повѣствуетъ писатель житія преподобнаго, посѣвая на пути своемъ сѣмя слова Божія, онъ достигъ Онежскаго озера, сѣверо-западной его части, и здѣсь—небольшого острова Палія (по старинному Вспальего), гдѣ и рѣшилъ поселиться для уединенныхъ подвиговъ и жизни созерцательной. Красота мѣстности не могла не плѣнить его: окрестныя горы, покрытыя вѣковыми деревьями, дремучіе лѣса, тихая ширь озера, дѣлали по истинѣ прекраснымъ этотъ уголокъ суроваго онежскаго края.

Построивъ на островѣ небольшую хижину, онъ весь отдался жизни отшельнической; но не долго суждено было человѣку Божию оставаться въ уединеніи. Подвиги преподобнаго не остались тайною: его праведная жизнь влекла къ нему многихъ жаждающихъ помощи и укрѣпленія душевнаго, и многіе изъ посѣтившихъ хижину подвижника не покидали уже болѣе Паліи островъ, но оставались раздѣлять съ преподобнымъ его молитвенные труды. Преподобный Корнилій не препятствовалъ ихъ благочестивому желанію поработать Господу. Построивъ для пришельцевъ вблизи своей хижины келліи и затѣмъ небольшой храмъ въ честь и славу Рождества Богоматери, онъ положилъ этимъ начало Палеостровской обители, ставъ ея первымъ игуменомъ. Скоро число братій увеличилось желавшими вкусить жизнь иноческую подъ мудрымъ руководствомъ прославленнаго игумена, и монастырь украсился новымъ храмомъ во имя св. Пророка Іліи.

Управление монастыремъ неволью отвлекало препо-

добаго Корнилія отъ молитвенныхъ правилъ и подвиговъ, и онъ часто, по словамъ писателя его житія, „для соблюденія правилъ своихъ отходилъ въ устроешую природою при подошвѣ одной изъ утесистыхъ горъ пещеру и тамъ подвизался постомъ и молитвою, нося на себѣ желѣзныя тяжкія вериги“. Пр. Корниліи скончался въ 1723 г.

Преемникомъ преподобнаго Корнилія былъ ученикъ и усердный послѣдователь его подвижнической жизни, преподобный Аврамій, пришедшій на Паліи островъ еще въ первые дни устроенія на немъ обители и не мало потрудившійся вмѣстѣ съ учителемъ своимъ и другомъ, для пользы монастыря.

Во время его игуменства были открыты мощи пр. Корнилія и торжественно были перенесены въ соборный монастырскій храмъ.

При преподобномъ Авраміи, около 1438 года, въ Палеостровскомъ монастырѣ принялъ постриженіе одинъ изъ основателей знаменитаго монастыря Соловецкаго преподобный Зосима. Изучивши здѣсь жизнь иноческую, онъ удалился на уединенный и холодный островъ Бѣлаго моря—Соловецкій и вмѣстѣ съ преподобнымъ Савватіемъ сталъ устроителемъ славной впоследствии обители нашего дальняго сѣвера.

Преподобный Аврамій скончался въ началѣ второй половины XV столѣтія и погребенъ вблизи раки преп. Корнилія. „И основатель, и преемникъ,—говоритъ лѣтописецъ — прославлены за свои труды и подвиги, нетлѣніемъ и раки ихъ являютъ потомству даръ исцѣленій».

По кончинѣ преподобнаго Аврамія, игуменство въ монастырѣ принялъ инокъ Даніилъ. Онъ и его преемники, обстроивъ монастырь, украсили его на добротныя жертвованія благочестивыхъ ревнителей вѣры. Въ описи монастыря, произведенной въ 1582 г., упоминается уже кромѣ Рождественской церкви и теплой съ трапе-

зою церкви св. пророка Іліи о храмѣ въ честь Святителя Христова Николая.

До конца XVI столѣтія монастырь жилъ тихою жизнью, служа центромъ духовнаго просвѣщенія для края и опоры для угнетенныхъ невзгодами житейскими. Настало смутное время на Руси, справедливо прозванное — лихолѣтьемъ; большинство обителѣй были разрушены тогда многочисленными врагами нашего отечества.

Палеостровскій монастырь не избѣгъ набѣга вражяго и былъ разоренъ до того, что игумень и братія, до времени возобновленія, принуждены были жить въ Соловецкой обители.

Возобновленный монастырь не долго пользовался спокойствіемъ, ему вновь пришлось выдержать набѣгъ, но не враговъ иноплемениковъ, а ослѣпленныхъ злобою раскольниковъ, ненавидѣвшихъ обитель, какъ оплотъ православія.

Расколъ, вспыхнувшій при патріархѣ Никонѣ, нашель поддержку среди темныхъ народныхъ массъ Сѣвернаго края. Сосланный по волѣ патріарха въ Палеостровскій монастырь, бывшій епископъ коломенскій Паволь, глава расколоучителей, своими наставленіями освяцалъ суевѣріе простодушныхъ обывателѣй Онежья. Соловецкій монастырь, гдѣ засѣли вожаки раскола, послѣ упорной осады правительственными войсками, былъ взятъ, расколоучители бѣжали и пашли надежное пристанище среди единомышленниковъ, ютившихся въ дремучихъ лѣсахъ — окружавшихъ тогда Онежское озеро, и здѣсь, пользуясь отдаленностью надзора бывшей духовной власти, стали дѣйствовать въ пользу распространенія своихъ заблужденій.

Обитель Палеостровская вступила въ борьбу за истину св. церкви, но сила была на сторонѣ многочисленныхъ и дерзкихъ изувѣровъ...

Въ 1687 г. они, подобно разбойникамъ, напали на ненавистный имъ монастырь; игумень и братія были съ

позоромъ изгнаны, и обитель очутилась въ рукахъ раскольниковъ. Но не долго безчинствовали они въ святомъ мѣстѣ. Узнавъ о выступленіи къ монастырю изъ Олонца отряда стрѣльцовъ и не желая расплачиваться за святотатственное нападеніе, по словамъ одного инока очевидца, діакона обители, „не допустили себя поймать и, запершись въ монастырскую церковь и въ трапезу, сгорѣли“; впрочемъ, вожаки ихъ, захвативъ многое изъ скромныхъ богатствъ монастыря, бѣжали. Подоженные раскольниками монастырскіе храмы удалось спасти, спасли также отъ огня и святыя иконы и утварь; погибли лишь сами поджигатели.

Но этимъ не кончилось бѣдствіе монастыря. Злоба раскольниковъ не утихла. Спустя два года они, какъ пишетъ игумень монастыря Кирилль въ челобитной, посланной имъ Петру I, „пришедъ со многими оружіемъ, вновь напали на обитель“. „Игумена Пимена—говорится далѣе въ челобитной—и многихъ изъ братьевъ старцевъ и служебниковъ поневолили и, заковавъ у себя, держали въ великой неволѣ и въ мученіи, а сами въ томъ монастырѣ засѣли и укрѣпили, изъ монастырскаго церковнаго готовленнаго лѣсу и изъ стараго хорошаго строенія, острогъ съ немалою крѣпостью“.

Утвердившись насиліемъ въ монастырѣ, расколоучители занялись грабежомъ окрестныхъ жителей, „правыхъ людей, которые съ ними ворами не въ совѣсти, тѣхъ пожитки грабили и самыхъ тѣхъ людей мучили“.

Своеволю этихъ изверговъ былъ, однако, скоро положенъ конецъ. Правительство предписало олонецкому воеводѣ Долгорукову и дьяку Уланову принять надлежащія мѣры и захватить злодѣевъ.

Раскольники встрѣтили прибывшихъ для освобожденія монастыря стрѣльцовъ съ оружіемъ. Пришлось выгонять ихъ силою и повести чуть-ли не правильную осаду, несмотря на „немалую крѣпость“, устроенную раскольниками. Въ монастырѣ имъ пришлось покориться

силѣ, и они рѣшились повторить самосожженіе, а вмѣстѣ съ симъ сжечь и обитель; но на этотъ разъ они погибли въ пламени не одни, погибли и невинные иноки, бывшіе во власти изувѣровъ, погибъ и достолавный игумень Пимень.

„По многомъ своемъ воровствѣ, — говоритъ тотъ же діаконъ, очевидецъ и перваго набѣга раскольниковъ, находившійся и теперь среди братіи и спасшійся какимъ-то чудомъ отъ злодѣевъ—церкви Божіи со всякою церковною казною пожгли, а игумена съ братією, поневолѣ связанныхъ, сожгли же и сами сгорѣли“.

Погибли мученическою смертію иноки, во главѣ съ своимъ игуменомъ, погибъ въ пламени пожара и монастырь; огонь не коснулся только мощей преподобныхъ Корнилія и Аврамія.

Спустя лишь нѣсколько лѣтъ послѣ сожженія монастыря раскольниками, церкви и постройки были возобновлены, и Палеостровская обитель могла начать свою прежнюю тихую жизнь.

Въ концѣ XVIII вѣка попущеніемъ Божиимъ монастырь вновь пострадалъ отъ пожара, и на этотъ разъ столь жестоко, что уже не могъ быть возобновленъ въ прежнемъ видѣ до начала второй половины текущаго столѣтія.

Въ настоящее время Палеостровская обитель, такъ много перенесшая въ борьбѣ за православіе, вновь начала отстраиваться, благодаря усердію благочестивыхъ паломниковъ и жертвователей; кромѣ соборнаго каменнаго храма въ честь Рождества Богоматери съ придѣлами во имя святителя Христова Николая и пророка Іліи, монастырь украсился теперь новою церковью во имя преподобнаго Ефрема Сирина, и вокругъ обители не такъ давно сдѣлана каменная ограда.

Монастырь управляется строителями. Число монашествующихъ невелико. Уставъ Валаамскій. Жизнь болѣе суровая, чѣмъ въ другихъ монастыряхъ; большую часть

года иноки не видятъ постороннихъ посѣтителей и только весною заѣзжаютъ сюда, по пути къ Соловкамъ, богомольцы, дабы поклониться мощамъ преп. Корнилія и Аврамія.

Спасокаменный на Кубенскомъ озерѣ монастырь.

Обширный Вологодскій край нашего отечества просвѣщенъ былъ свѣтомъ православной вѣры вскорѣ послѣ принятія ея въ Кіевѣ. Лѣтописныя сказанія вполне подтверждаютъ это; такъ, на примѣръ, преподобный Герасимъ, прибывшій около 1147 г. на берега рѣки Вологды и основавшій здѣсь небольшой монастырь во имя св. Троицы, засталъ уже на мѣстѣ нынѣшняго города довольно населенный посадъ, съ обширнымъ мѣстнымъ рынкомъ и соборнымъ, деревяннымъ, на каменномъ фундаментѣ, храмомъ, съ могилами при немъ вологодскихъ епископовъ и пастырей.

Христіанство пустило глубокіе корни въ странѣ Вологодской; борьба съ мракомъ язычества была упорна, но вологодскіе подвижники твердо шли памѣченнымъ путемъ, и мракъ уступилъ мѣсто свѣту истинной вѣры; пустынножители, подвижники благочестія, поддерживая православіе, основали не мало обителей въ краѣ Вологодскомъ, и ихъ молитвенные труды принесли обильную пользу.

Одною изъ древнѣйшихъ обителей вологодскихъ является Спасокаменный, въ 47 верстахъ отъ г. Вологды, на Кубенскомъ озерѣ, монастырь. Время его основанія можно отнести къ половинѣ XIII столѣтія, хотя начало иноческой жизни на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера было положено нѣсколько ранѣе неизвѣстными

отшельниками, первыми, затѣмъ насельниками Спасокаменной обители *).

Лѣтописцы такъ передаютъ о началѣ Спасокаменнаго монастыря: Бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ, внукъ Константина Всеволодовича, князя Ростовскаго, имѣвшій въ своемъ владѣннн, кромѣ Бѣлозерска, Вологду и Устюгъ, предпринялъ около 1260 года путешествіе изъ Бѣлозерска къ Устюгу на судахъ и поплылъ рѣкою Порозовицею (впадающею въ Кубенское озеро), чтобы отсюда пройти въ рѣку Сухону, на которой находится Устюгъ. Доплывъ до Кубенскаго озера, князь принужденъ былъ непогодою простоять десять дней въ устьѣ Порозовицы. Когда вѣтеръ нѣсколько утихъ, князь пустился въ озеро и доплылъ до самаго глубокаго и каменистаго въ озерѣ мѣста, называемаго Карачевскою пучиною. Въ это время поднялась отъ запада страшная буря съ молніею и громомъ, такъ что княжескія суда были близки къ потопленію. При видѣ такой опасности, князь и спутники его стали молиться Всемиловитому Спасу и дали обѣтъ: гдѣ и въ какой день пристануть къ берегу, на томъ мѣстѣ соорудятъ церковь во имя празднуемаго въ тотъ день святого и устроятъ обитель. И вотъ, по благоволенію Божію, въ 6-й день августа, въ праздникъ Преображенія Господня, суда княжескія при-

*) По геологическому устройству, островъ состоитъ весь изъ каменистаго щебневатаго кряжа, почему издревле и называется «Каменнымъ», а монастырь отъ острова и отъ главнаго храма своего во имя Преображенія Господня, встарину именовался Спасокаменнымъ, или просто—Спасъ на Каменномъ. Монастырь далеко виденъ со всѣхъ сторонъ Кубенскаго озера и представляется, особенно въ половодье, какъ-бы плавающимъ по волнамъ. Ледяныя горы, окружающія его весною, образуютъ изъ него неприступную крѣпость, и въ то время недѣли на двѣ прекращается всякое сообщеніе его съ материкомъ. Прекрасенъ видъ и изъ самаго монастыря на берега озера, усѣянныя частыми селеніями, между которыми, какъ перлы, бѣлѣютъ до тридцати каменныхъ сельскихъ церквей и два монастыря: Александровскій и Сямскій.

несены были бурей на средину озера къ Каменному острову. Вышедъ на берегъ, князь нашель на островъ пустынножителствовавшихъ старцевъ, числомъ до 23, которые уже много годовъ подвизались здѣсь, занимаясь обращеніемъ въ христіанскую вѣру чудскихъ и корельскихъ языческихъ племенъ, обитавшихъ по сѣверо-восточному краю Кубенскаго озера. По бѣдности своей и по причинѣ препятствій со стороны язычниковъ, пустынники не имѣли у себя церкви, а собирались на молитву въ часовню, на томъ же островѣ устроенную. Благочестивый князь, приписывая особенному промыслу Божию свое пришествіе къ этому острову, рѣшился тутъ же исполнить данный имъ обѣтъ Господу. Немедленно повелѣлъ онъ воздвигнуть здѣсь деревянную церковь во имя Преображенія Господня и келліи для монашествующихъ, а затѣмъ отправился къ Устюгу. По возвращеніи своемъ, онъ украсилъ церковь св. иконами, снабдилъ книгами и всякою утварью, а старѣйшинство надъ братією вручилъ одному изъ пустынножителей, старцу Θεодору.—Съ тѣхъ поръ этотъ монастырь, названный Спасокаменнымъ, началъ процвѣтать подъ покровительствомъ князей Бѣлозерскихъ; многіе изъ бояръ и именитыхъ людей преимущественно въ немъ стали принимать постриженіе въ монашество, и многіе изъ подвизавшихся въ немъ прославили его своею святостію и служеніемъ церкви отечественной. Послѣ перваго настоятеля Спасокаменной обители, старца Θεодора, рядъ преемниковъ его, равно и событія въ монастырѣ, остаются неизвѣстными до второй половины XIV столѣтія, до времени великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго. Въ это княженіе, — говоритъ лѣтописецъ, — пришелъ въ Москву изъ Царьграда пѣкто Діонисій, постриженникъ св. горы Аѳонской, и, бывъ благосклонно принятъ великимъ княземъ Димитріемъ, получилъ отъ него для жительства келлію въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ; а какъ векорѣ послѣ этого пришли въ Москву старцы

изъ Спасокаменнаго монастыря просить себѣ игумена, то великій князь Димитрій далъ имъ игуменомъ этого Святогорца. Много лѣтъ былъ на игуменствѣ Діонисій и своею строгою подвижническою жизнію привлекъ въ обитель многочисленное братство; благолѣпно украсилъ церкви св. иконами и всякою утварью и ввелъ въ монастырѣ уставъ св. горы Аѳонской. Въ 1418 году, по кончинѣ Ростовскаго архіепископа Григорія, игумень Діонисій, славный своими добродѣтелями, призванъ былъ великимъ княземъ Василиемъ Димитріевичемъ въ Москву и въ томъ же году рукоположенъ митрополитомъ Фотіемъ въ санъ архіепископа Ростовскаго.

Діонисій, сдѣлавшись архіепископомъ Ростова, поставилъ на мѣсто свое въ Каменный монастырь игуменомъ ученика своего Иларіона.

Преемникомъ послѣдняго былъ игумень Евѳимій. При немъ послѣдовало посѣщеніе монастыря великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Темнымъ. Этотъ несчастный князь, въ 1446 году вѣроломно лишенный зрѣнія княземъ Димитріемъ Шемякою и сосланный отъ него сперва въ Угличъ, потомъ въ Вологду, пріѣзжалъ отсюда въ 1447 году съ супругою своею великою княгинею Марією и съ дѣтьми на богомолье въ Каменный монастырь и принесъ въ даръ обители двѣ иконы: чудотворную Спаса Еммануила, принесенную изъ Царьграда дѣду его Димитрію Донскому, и икону Божіей Матери Одигитріи. Здѣсь получилъ онъ первую радостную вѣсть, что многіе князья и бояре собираются на помощь къ нему, желая возстановить его на великомъ княженіи. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, великій князь просилъ игумена Евѳимія помолиться о возвращеніи ему отеческаго престола. Игумень съ братією отвѣчали: „Иди, государь, въ желаемый путь твой на великое княженіе, и Богъ устроитъ твое шествіе“. Изъ Каменнаго монастыря великій князь отправился въ Кирилло-Бѣлозер-

скій монастырь, отсюда въ Тверь и, вскорѣ достигнувъ Москвы, утвердился на престолѣ великокняжескомъ.

Въ благодарность Богу за полученную въ Спасокаменномъ монастырѣ радостную вѣсть, великій князь пожаловалъ монастырю во владѣніе въ Сямской волости богатое село Покровское, а великая княгиня Марія приписала къ нему монастырь св. Николая Чудотворца на Святой Лукѣ, основанный преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, отчисливъ его отъ Вологодскаго Борисоглѣбскаго монастыря, который вознаградила за отнятое деньгами. Впослѣдствіи великая княгиня еще пожаловала монастырю въ Засодимской волости село Воздвиженское съ деревнями и угодьями. Этими вкладами державныхъ лицъ положено было начало тому внѣшнему благосостоянію Спасокаменной обители, которымъ она превосходила въ то время многія обители вологодскія.

Послѣ игумена Евѣимія настоятелемъ Спасокаменнаго монастыря былъ Кассіанъ, который до того времени много лѣтъ жилъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, при жизни еще самого преподобнаго Кирилла и послѣ былъ нѣкоторое время игуменомъ Кирилло-Бѣлозерскимъ. Великій князь Василій Васильевичъ и митрополитъ Іона посылали его въ Царьградъ къ патріарху по дѣламъ церковнымъ, и когда онъ возвратился въ Москву, то, по изъявленному имъ желанію, былъ съ честію и дарами отпущенъ на игуменство въ Спасокаменный монастырь. Ко времени его настоятельства жилъ въ семъ монастырѣ св. благовѣрный князь Іоасафъ, чудотворецъ Каменскій.

Святый Іоасафъ, въ мірѣ Андрей Димитріевичъ, былъ сынъ Заозерскаго князя Димитрія Васильевича Меньшаго и княгини Маріи, внукъ князя Василя Васильевича Ярославскаго. Съ семи лѣтъ началъ онъ свое ученіе въ домѣ благочестивыхъ родителей и, навывкнувъ познанію книжнаго писанія, любилъ упражняться въ чтеніи и разумѣніи Слова Божія. Не чувствуя привяз-

занности ни къ чему мірскому, юный благочестивый князь рано обнаружилъ особенное расположеніе къ монашеству; но, однако, повинувъсь волѣ родителей, противъ собственнаго желанія вступилъ въ бракъ. Черезъ годъ лишившись супруги, а вскорѣ за тѣмъ и родителей, рѣшился онъ исполнить свое сердечное желаніе, удалился въ Спасокаменный монастырь и тамъ принялъ постриженіе съ именемъ Іоасафа. Князь скончался въ обители въ 1457 году. Мощи его положены были въ монастырской деревянной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и много лѣтъ зримо были нетлѣвными. Въ 1472 году, 3 сентября, когда монастырь Спасокаменный весь выгорѣлъ, останки мощей преподобнаго Іоасафа собраны были старцемъ Мартиніаномъ, вложены въ ковчегъ и положены подъ престолъ; послѣ того часть ихъ задѣлана въ трипядный крестъ, обложенный серебромъ; а 10-го іюня 1650 года, по благословенію преосвященнаго Маркелла, архіепископа Вологодскаго и Великопермскаго, при Спасокаменскомъ архимандритѣ Маркеллѣ же, останки мощей положены въ гробницу, устроенную въ соборной каменной Преображенской церкви, у южныхъ вратъ, противъ праваго клироса, а на гробницу возложенъ былъ и крестъ съ его же мощами. Наконецъ, послѣ пожара въ монастырѣ, 24 іюля 1774 года, мощи святого благовѣрнаго князя Іоасафа, спасенныя отъ пламени, взяты оттуда въ гробницѣ и перенесены въ Вологодскій Духовъ монастырь.

Въ 1472 году, при игуменѣ Θεодосіи, Спасокаменный монастырь, бывший весь деревяннымъ, сгорѣлъ совершенно со всѣмъ строеніемъ, утварью и имуществомъ. Многіе изъ братіи и слугъ монастыря, спасаясь отъ пламени въ ладьяхъ, потонули въ волнахъ озера, при возставшей тогда сильной бурѣ. Но вскорѣ послѣ этого бѣдствія, усердіемъ боголюбцевъ, обитель начала возникать изъ пепла своего въ новомъ, лучшемъ видѣ и, вмѣсто деревяннаго, украшаться каменнымъ строеніемъ.

Въ 1481 году сынъ великаго князя Василя Темнаго, Андрей Васильевичъ Меньшой, построилъ въ монастырѣ каменный, доселѣ существующій, двухэтажный пятиглавый храмъ во имя Преображенія Господня. По словамъ лѣтописца, это была въ то время первая каменная и первая по красотѣ церковь во всей странѣ Вологодской.

Въ 1528 году, въ декабрѣ, Спасокаменный монастырь посѣщенъ былъ великимъ княземъ Василиемъ Иоанновичемъ, который во время богомольнаго путешествія своего по Вологодскимъ и Бѣлозерскимъ монастырямъ прїѣзжалъ сюда вмѣстѣ съ второю супругою своею, великою княгинею Еленою, и сдѣлалъ въ обитель на сооруженіе въ ней теплои каменной церкви денежныи вкладъ. Эта теплая съ трапезою церковь во имя Успенія Божіей Матери, донынѣ существующая, окончена была постройкою уже по смерти Василя Иоанновича, около 1545 года.

Въ томъ же 1545 году, царь Иоаннъ Васильевичъ путешествуя въ маѣ и іюнѣ по вологодскимъ монастырямъ, былъ въ семи верстахъ отъ Спасокаменнаго монастыря, въ селѣ Устьѣ, но въ монастырь не заѣзжалъ, по причинѣ непогоды на озерѣ. Но въ 1561 году, декабря 17 дня, онъ прислалъ въ даръ обители колоколъ, литый въ Москвѣ.

Въ 1558 году построена въ монастырѣ третья каменная церковь, на св. вратахъ, бывшихъ на восточной сторонѣ, во имя Усѣкновеція главы Иоанна Предтечи, въ честь ангела царя Иоанна Васильевича. Спустя 185 лѣтъ послѣ перваго пожара, Спасокаменный монастырь вторично былъ опустошенъ огнемъ, въ августѣ 1657 г.

Въ 1670 году, при послѣдовавшей въ монастырѣ перемѣнѣ настоятеля, обитель, по указу преосвященнаго Симона, архіепископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, была подробно свидѣтельствована и описана со всѣми зданіями, имуществомъ, братією и вотчинами. По показанію этой

описи, монастырь находился въ то время въ слѣдующемъ состояніи:

Въ немъ было три каменныхъ церкви: холодная Спасо-преображенская, теплая трапезная Успенская съ надстроенною надъ ней колокольнею и Іоаннопредтеченская надъ святыми вратами. Всѣ церкви были въ полномъ благоустройствѣ, и слѣды пожара 1657 года замѣтны были только въ одной изъ нихъ, вѣроятно, болѣе подвергавшейся дѣйствию пламени,—въ теплой Успенской, въ отсутствіи сгорѣвшихъ украшеній на нѣкоторыхъ иконахъ. Внутренность главнаго Спасопреображенскаго храма отличалась особеннымъ великолѣніемъ и необыкновеннымъ множествомъ св. иконъ. Предалтарный иконостасъ этого храма, пятиярусный, увѣнчанный рѣзными изображеніями херувимовъ и серафимовъ, весь снизу доверху блисталъ серебромъ и золотомъ. Въ этомъ иконостасѣ было до ста разной величины иконъ, и почти всѣ онѣ имѣли па себѣ серебряные позолоченные оклады, а на нѣкоторыхъ вѣнцы и цаты были украшены цвѣтными камнями и жемчугомъ.

Противъ праваго клироса въ Спасопреображенскомъ храмѣ, у стѣны, находилась гробница св. благовѣрнаго князя Іоасафа, съ останками мощей его, спасенными въ пожаръ 1472 года; на гробницѣ возложенъ былъ образъ этого угодника, украшенный серебрянымъ рѣзнымъ позолоченнымъ вѣнцомъ; на образѣ лежалъ деревянный, обложенный сребропозлащенною басмою, крестъ, также съ мощами св. Іоасафа; гробница одѣта была двумя покровами изъ разныхъ дорогихъ шелковыхъ матерій.

Въ теплой Успенской церкви иконостасъ былъ въ то время довольно скуденъ; изъ семи мѣстныхъ иконъ его только на одной были три вѣнца серебряные и еще на одной окладъ мѣдный; прочія не имѣли никакихъ украшеній. Верхняя часть этого иконостаса состояла изъ иконъ, писанныхъ „на краскѣ“, т. е. самой простой и недорогой работы.

Въ падвратной Іоаннопредтеченской церкви иконостасъ состоялъ изъ четырехъ мѣстныхъ и одиннадцати въ верхней части его иконъ, писанныхъ „на краскѣ“ и ничѣмъ не украшенныхъ.

На колокольнѣ было десять колоколовъ: изъ нихъ большой „благовѣстный“ вѣсомъ 107 пудовъ. Между колокольней и ризницей въ каменной палаткѣ помѣщались „часы боевые съ перечасьемъ“.

Въ библиотекѣ было 364 книги, большею частію церковнослужебныя; изъ нихъ только 66 книгъ были печатныя, прочія всѣ писанныя, и въ числѣ послѣднихъ было 6, писанныхъ „на харатьѣ“, т. е. на пергаментѣ.

Въ архивѣ монастырскомъ хранилось 48 письменныхъ важныхъ оффиціальныхъ документовъ, каковы: великокняжескія грамоты, выписки изъ писцовыхъ книгъ, купчія и мѣновныя крѣпости.

Кромѣ трехъ каменныхъ церквей, было въ монастырѣ еще шесть каменныхъ зданій.

Число братіи и слугъ монастыря, кромѣ настоятеля—архимандрита, было въ 1670 году около ста человекъ.

Въ г. Вологдѣ Спасокаменному монастырю принадлежали два подворья, а въ Тотмѣ двѣ солянныя варницы.

Таково было состояніе и средства знаменитаго Спасокаменнаго монастыря во второй половинѣ XVII столѣтія, въ это, можно сказать, самое цвѣтущее и вмѣстѣ послѣднее время цвѣтущаго состоянія русскихъ монастырей, потому что въ XVIII столѣтіи, съ паступленіемъ Петровскихъ реформъ, и во все послѣдующее время до составленія монастырскихъ штатовъ, монастыри наши большею частію не возвышались, а скорѣе упадали въ своемъ внѣшнемъ благосостояніи.

По этимъ штатамъ монастырь положенъ въ третьемъ классѣ съ настоятельствомъ игуменскимъ.

Въ 1774 году, іюля 24 дня, Спасокаменный монастырь сгорѣлъ въ третій разъ. Всѣ деревянныя строенія монастыря и все, что было деревяннаго въ камеш-

ныхъ зданіяхъ, совершенно истреблены пламенемъ: изъ монастырской святыни и имущества спасены были только остатки мощей св. князя Іосафа, нѣскольکو иконъ и ризничныхъ утварей; все прочее погибло.

Донося объ этомъ бѣдственномъ случаѣ Св. Синоду, вологодская духовная консисторія представляла на благоусмотрѣніе его мнѣніе свое о необходимости „упразднить Спасокаменный монастырь“. Мнѣніе это, Св. Синодомъ одобренное, было Высочайше утверждено, и вслѣдствіе сего указомъ Св. Синода отъ 8 декабря 1775 года предписано: „погорѣвшій Спасокаменный третьеклассный монастырь упразднить, а бывшихъ въ немъ настоятеля и монашествующихъ, также ризницу и церковную утварь перевести въ Вологодскій Святодуховскій монастырь“.

Послѣ третьяго пожара упраздненный Спасокаменный монастырь оставался 26 лѣтъ въ совершенномъ запустѣніи.

Въ 1798 году дворянство Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ, купечество сосѣдняго города Кадникова и начальники волостей, окружающихъ Кубенское озеро, движимые усердіемъ къ святынь дравнѣйшаго изъ вологодскихъ монастырей, ходатайствовали передъ Св. Синодомъ о возстановленіи Спасокаменной обители, принимая на себя ея возобновленіе и будущее содержаніе. Въ то же время они подали прошеніе о томъ же и на имя Государя Императора Павла I. Вслѣдствіе сего, въ началѣ 1801 года, по Высочайшему повелѣнію Императора Павла I, указомъ Св. Синода предписано: „упраздненный Спасокаменный монастырь возстановить“.

Вскорѣ послѣ сего усердіемъ окрестныхъ жителей погорѣвшія каменные монастырскія церкви, кромѣ надвратной Предтеченской, также и каменная келья, были возобновлены, и монастырь началъ новое бытіе съ настоятелемъ стронтельскимъ.

Въ 1812 году, въ этомъ монастырѣ нашли убѣжище

иноки нѣкоторыхъ московскихъ монастырей, удалившіеся изъ своихъ обителей при нашествіи французовъ. Памятникомъ трехлѣтняго ихъ здѣсь пребыванія остается нынѣшній настоятельскій и вмѣстѣ братскій корпусъ, надстроенный ими на прежнихъ одноэтажныхъ кельяхъ. Въ это время монастырь былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Въ 1850 году монастырь еще разъ подвергнулся значительной опасности отъ пожара: на 18-е число августа этого года ночью сгорѣли бывшія на восточномъ берегу острова деревянныя строенія; пострадали и каменныя зданія, а именно: на соборной Преображенской церкви сгорѣли двѣ главы и обгорѣли стѣны.

Въ 1892 году совершилось важное въ исторіи монастыря событіе: св. мощи преп. Иоасафа, болѣе ста лѣтъ находившіяся въ Вологодскомъ Духовъ монастырѣ, указомъ Св. Синода отъ 10 ноября означеннаго года, велѣдствіе ходатайства настоятеля съ братією Спасопреображенской Бѣлавинской пустыни и прошенія окрестныхъ жителей, разрѣшено возвратить въ Спасопреображенскую Бѣлавинскую пустыню, которой съ тѣхъ поръ вѣлно именоваться по прежнему Спасокаменнымъ монастыремъ. Съ возвращеніемъ св. мощей возвращается Спасокаменному монастырю прежнее его религіозное значеніе, какое имѣлъ онъ до своего упраздненія въ 1775 году.

Въ настоящее время монастырь имѣетъ слѣдующее устройство:

Вдоль острова, простирающагося, какъ выше сказано, въ длину на 60, въ ширину на 30 сажень, тянется одно сплошное, каменное зданіе, на 30 сажняхъ длины и отъ 8¹/₂ до 10¹/₂ ширины. Въ составъ его входятъ: 1) Спасопреображенская холодная церковь; 2) бывшая (упраздненная) церковь во имя Василя Блаженнаго, устроенная надъ крытымъ переходомъ изъ настоятельско-братскаго корпуса въ Спасопреображенскую цер-

ковъ; 3) колокольня; 4) Богородская теплая церковь, и 5) настоятельско-братскій корпусъ.

Кромѣ этихъ зданій, имѣется на восточной половинѣ острова нѣсколько деревянныхъ строеній, какъ-то: небольшой домъ съ помѣщеніями для богомольцевъ, копушня, сарай для дровъ, два ледника, баня и изба для рыбаковъ, проживающихъ на островѣ во время лѣта и осени.

Число братіи монастыря въ настоящее время не многочисленно.

Говоря о Спасокаменной обители, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о двухъ приписныхъ къ Спасокаменному монастырю: Богоявленской Бѣлавинской пустыни и Александро-Куштскомъ монастырѣ.

Бѣлавинская Богоявленская пустыня получила свое названіе отъ небольшого озера, называющагося Бѣлавинскимъ и отъ главнаго храма своего во имя Богоявленія Господня.

Озеро Бѣлавинское имѣетъ въ окружности не болѣе четырехъ верстъ. Островъ, на которомъ устроенъ монастырь, простирается въ длину на 100, въ ширину на 80 сажень, и почти весь покрытъ рѣдкимъ березникомъ; находится въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ Задносельской волости, разстояніемъ отъ Вологды къ сѣверу въ 60, отъ уѣзднаго города Кадникова въ 50, отъ Спасокаменнаго монастыря въ 20, отъ Задняго села въ 3 верстахъ.

Начало этого монастыря положено въ 1630 году, по благословенію вологодскаго архіепископа Варлаама, постриженникомъ Градо-Вологодскаго Ильинскаго монастыря, монахомъ Маркомъ.

Кромѣ этого извѣстія о началѣ монастыря, дальнѣйшая исторія его совершенно неизвѣстна. Упраздненъ при штатахъ 1764 года, а въ 1801 году приписанъ къ Спасокаменному монастырю.

Александро-Куштскій монастырь находится въ Кадниковскомъ уѣздѣ, отъ г. Вологды къ сѣверу въ 40,

отъ г. Кадникова въ 43, отъ Спасокаменнаго монастыря къ востоку въ 8, отъ кубенскаго села Устья въ 4 верстахъ; расположенъ на правомъ, низменномъ берегу Кушты, за двѣ версты отъ впаденія ея въ рѣку Кубену и за одну версту отъ впаденія этой послѣдней въ озеро Кубенское; окруженъ со всѣхъ сторонъ топкими болотами, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ.

Монастырь этотъ основанъ въ началѣ XV столѣтія преподобнымъ Александромъ, современникомъ преп. Діонисія Глушицкаго. Преп. Александръ родился въ городѣ Вологдѣ и принялъ постриженіе въ Спасокаменномъ, что на Кубенскомъ озерѣ, монастырѣ; отсюда удалился онъ въ пустыню на рѣку Сянжему и тамъ въ мѣстахъ дикихъ и болотистыхъ устроилъ себѣ келью. Проживъ нѣсколько времени уединенно, Александръ переселился на рѣку Кушту близъ Кубенскаго озера; здѣсь нашелъ онъ другого спутника преп. Евѣимія. Они помѣнялись кельями: Евѣимій перешелъ на рѣку Сянжему, основалъ тамъ церковь и монастырь, а Александръ остался на Куштѣ. Это мѣсто было тогда во владѣніи удѣльныхъ Заозерскихъ князей, Димитрія и Симеона, изъ рода Ярославскихъ. Князья, возлюбивъ Александра за его благочестивую жизнь, помогли ему создать церковь и монастырь на рѣкѣ Куштѣ. Княгиня Марія, Димитріева супруга, болѣе другихъ участвовала въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ и снабжала преподобнаго милостынею. Преп. Александръ жилъ въ этой обители до своей кончины, послѣдовавшей въ 1439 году, іюня 9, на 68 году отъ его рожденія. При жизни своей онъ устроилъ въ обители только одну деревянную церковь во имя Успенія Богоматери, а другая, деревянная же, во имя св. Николая Мирликійскаго чудотворца, воздвигнута, по его завѣщанію, послѣ его кончины. Эти первоначальныя церкви существовали до 1519 года, а въ этомъ году со всѣмъ монастыремъ сгорѣли. Но вскорѣ монастырь опять выстроенъ съ двумя деревянными же

церквами, Успенскою и Николаевскою, изъ которыхъ первая существуетъ и теперь.

Въ 1764 году, при составленіи штатовъ, за Александро-Куштскимъ монастыремъ числилось 60 душъ крестьянъ; въ этомъ году онъ упраздненъ и обращенъ въ приходскую, для окрестныхъ селеній, церковь. Въ этомъ состояніи Александро-Куштская церковь находилась до 1833 года, въ которомъ, по малолюдству прихода, сдѣлана безприходною и приписана къ Спасо-каменной обители.

Валаамскій монастырь.

1.

Валаамскій монастырь расположенъ на островѣ Валаамъ—одномъ изъ самыхъ большихъ острововъ Ладожскаго озера, въ древности называвшагося Нево. Валаамъ—главный островъ архипелага Валаамскихъ острововъ (числомъ около 50), простирающагося съ сѣвера на югъ верстъ на 8, а съ запада на востокъ — на 20 верстъ. Расположенъ этотъ архипелагъ въ сѣверо-западномъ углу озера.

Сѣверо-западный край Ладожскаго озера составляетъ полнѣйшую противоположность однообразному и пустыню юго-восточному берегу. Въмѣсто однообразныхъ и унылыхъ береговъ южной части, воды озера окаймлены здѣсь высокими скалами, состоящими изъ гранитовъ, гнейсовъ, сіенитовъ и мраморовъ; берега изрыты бухтами, заливами; около нихъ разсѣяны цѣлыя сотни своеобразныхъ скалистыхъ острововъ и часто встрѣчаются подводныя каменныя мели. Въ сѣверо-западной части глубина Ладожскаго озера достигаетъ наибольшихъ своихъ размѣровъ, доходя мѣстами до 120 сажень.

Валаамскіе острова сложены преимущественно изъ

сѣраго грапита, который обладаетъ замѣчательною способностью вывѣтриваться—разсыпаться подѣ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей въ мельчайшіи порошокъ. Плутоическія силы проявляются здѣсь въ полной силѣ. Множество совершенно отвѣсныхъ скалъ, идущихъ и въ высоту на десятки сажень и подѣ горизонтъ воды на весьма значительную глубину, придаютъ Валаамскимъ островамъ совершенно своеобразный характеръ. По своей природѣ Валаамъ — прелестнѣйшій уголокъ суроваго сѣвера. Нѣтъ ни одного другого мѣста въ Европѣ, гдѣ бы дикая самостоятельность природы выразилась съ такою рѣзкостью, какъ на Валаамскихъ островахъ.

Чѣмъ выше острова поднимаются надѣ уровнемъ воды, тѣмъ рыхлѣе поверхность ихъ и тѣмъ замѣтнѣе на нихъ растительность. Части возвышеній, ближайшія къ водѣ, покрыты мохомъ; далѣе отъ береговъ между мохомъ появляется мелкій кустарникъ, а ближе къ самымъ вершинамъ разрастаются густые лѣса. Самыми большими послѣ Валаама являются острова: Баіонный, Лембосъ, Порфирьевъ, Предтеченскій и Скитскій. Всѣ они неудобны для обитанія, и только неприхотливые иноки нашли возможнымъ поселиться на нихъ.

Бурныя воды Ладожскаго озера, врѣзавшись въ Валаамскіе острова, образуютъ въ разныхъ мѣстахъ живописные заливы и проливы, изъ которыхъ многіе служатъ надежнымъ пристанищемъ для судовъ во время непогоды. Удобнѣйшими заливами являются Баіоновскій и Никоновскій. Послѣдній по счастливому своему положенію считается лучшею пристанью на всемъ Ладожскомъ озерѣ. Со стороны озера онъ защищенъ островами; поэтому во время сильныхъ бурь даже, когда на озерѣ бушуютъ высокія волны, въ Никоновскомъ заливѣ замѣчается только слабое волненіе.

По главному острову Валаама каймою на восточной и западной сторонѣ тянется къ югу небольшая группа

озеръ. Наибольшія изъ нихъ—Лецево и Игуменскія озера, содержація желѣзистую воду.

Почти вся площадь, занимаемая Валаамскимъ архипелагомъ, состоитъ изъ темносѣрой луды (т. е. сплошного камня), мѣстами совершенно голой, мѣстами покрытой нетолстымъ слоемъ глины и чернозема, а больше красноватымъ малопродуктивнымъ продуктомъ вывѣтриванія гранита. Почвы удобной для посѣвовъ и сѣнокосовъ на островахъ очень мало: много мѣста занято лѣсомъ, кустарникомъ, болотами. И хотя иноки старались улучшить почву, прорывая осушительныя канавы и проч., хлѣбопашество на Валаамѣ весьма незначительно.

Зато на монастырскихъ огородахъ поспѣваютъ самыя разнообразныя овощи, которыхъ хватаетъ на круглый годъ не только братіи, но и для раздачи бѣднымъ окрестнымъ жителямъ. Кромѣ обыкновенныхъ овощей, на огородахъ созрѣваютъ тыква, арбузы и даже дыни. Яблони, вишни, крыжовникъ, малина и смородина такъ плодovitы въ монастырскихъ садахъ, что лучшаго нельзя было бы ожидать и въ менѣе суровомъ климатѣ. Яблоки, груши, сливы на Валаамѣ также довольно плодovitы.

Лѣсъ на валаамскихъ островахъ растетъ преимущественно хвойный: сосна и ель, но нерѣдко встрѣчаются и лиственные породы: береза, ольха, осина, рябина, черемуха, клепъ. Но строевого лѣса на монастырскихъ островахъ почти нѣтъ вовсе. Это происходитъ отъ ничтожности слоя растительной земли, покрывающаго гранитъ. Деревья, не получая достаточно питательныхъ соковъ изъ этой скудной земли, поднимаются слишкомъ медленно, тонки и внутри скоро дрябнуть. Ихъ вырываетъ съ корнемъ и ломаетъ даже сравнительно не особенно сильный вѣтеръ, во время же бурь вѣтеръ вырываетъ иногда съ корнемъ и самыя большія деревья. Въ дровахъ для топлива монастырь никогда не нуждался: валежнику въ лѣсахъ накопилося всегда

много, а потому его надо только вывезти изъ лѣса въ монастырь. Изъ валежника добываютъ кромѣ того уголь, а изъ смолистыхъ шней выгоняется смола. Въ прежнія времена пни и валежникъ бесполезно гнили въ лѣсахъ, такъ какъ не было возможности вывезти ихъ въ монастырь. Для топлива въ ту пору вырубали лѣсъ по близости монастырскихъ зданій. Обитель, вслѣдствіе этого, лишалась защиты отъ вѣтровъ, терпѣла ненужный убытокъ въ деревьяхъ и ея окрестности обнажались и безобразились. Всѣ эти недочеты были исправлены покойнымъ игуменомъ Дамаскинымъ. Дамаскинъ провелъ дороги, главнымъ образомъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ сосредоточены рыбные промыслы. Дороги даютъ возможность сообщаться съ разными монастырскими мѣстностями, охранять обитель, сберегать лѣса, очищать ихъ отъ шней и валежника, вывозить опрокинутыя деревья, доставлять въ обитель рыбу.

Лѣса Валаамскихъ острововъ населены зайцами, бѣлками, лисицами, воронами и воронами, дятлами, синицами. Это постоянные обитатели, лѣтомъ же появляются орлы, журавли, филины, ястребы, кукушки, дрозды, скворцы, жаворонки, чижи, щеглы, зяблики, малиновки, синири, соловьи и другія мелкія лѣсныя птицы; на озерѣ въ лѣтнее время проживаютъ гагары, двухъ видовъ чайки и до десяти видовъ утокъ. Волковъ, медвѣдей, барсуковъ на островахъ нѣтъ.

Ладожское озеро изобилуетъ рыбами, изъ которыхъ въ промысловомъ отношеніи особенно важны лососевыя: лосось, палія и форель. Къ лососевымъ же относятся различныя разновидности сига. Въ глубокихъ частяхъ озера, около Валаама, позднею осенью ловится сигъ-валаамка; когда онъ извлекается изъ глубины на поверхность воды, воздухъ въ плавательномъ пузырьѣ его расширяется, и животъ его въ такомъ случаѣ принимаетъ видъ зоба. Въ другихъ случаяхъ сиги живутъ около Устьева рѣкъ и осенью или въ концѣ лѣта идутъ въ

рѣки громадными стаями для метанія икры; почти всякая рѣка имѣетъ свои разновидности; такъ, извѣстны сиги свирскіе, волховскіе и проч.

Кромѣ рыбъ, имѣющихъ промышленное значеніе—осетровъ, сырты и проч., въ озерѣ водятся рыбы чисто морскія, интересныя въ научномъ отношеніи, какъ, напр., четырехрогий бычокъ,—а вмѣстѣ съ нимъ встрѣчаются много видовъ животныхъ чисто морскихъ, изъ класса ракообразныхъ.

Болѣе 400 рыбацкихъ соймъ (лодокъ) заняты ловомъ рыбы на озерѣ; кромѣ того, что рыбный промыселъ доставляетъ рыбакамъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ руб. денегъ,—въ немъ они находятъ одну изъ самыхъ поучительныхъ и трудныхъ нколъ для мореплаванія. Рыболовство вырабатываетъ въ рыбакахъ смѣлыхъ, сообразительныхъ и готовыхъ на всѣ лишенія пловцовъ. Обыкновенно рыбакъ ловитъ рыбу неводомъ, по берегамъ озера и въ устьяхъ рѣкъ; въ то же время онъ ставитъ мережу даже и на значительной глубинѣ; на лососей онъ ставитъ въ озерѣ крупноячейную сѣть гарву. Но самый любимый снарядъ для ловли рыбы среди озера на большихъ глубинахъ—это переметь; снарядъ состоитъ изъ веревки, иногда болѣе 2—3 верстъ длиною; къ ней привязываются на разстояніи около аршина другъ отъ друга небольшіе канаты съ крючьями, которые наживляются мелкой рыбой. Въ такомъ видѣ снарядъ опускается на большія глубины и приноситъ хозяину сига, палій, судаковъ и проч. Иногда же попадаетъ тюлень, любящій лакомиться попадающеюся на крючья рыбой *). Кромѣ вышепоименованныхъ рыбъ, около мопастырскихъ острововъ ловятся еще слѣдующіе виды рыбъ: харіусъ, налимъ, щука, окунь, плотва, ершъ, корюшка, ряпушка, костюшка (изъ осетровыхъ). Въ

*) См. *Ив. Поляковъ*, Большія сѣверно-русскія озера. Живописная Россія, т. I.

озерахъ Валаамскихъ живутъ карась, щука, окунь, лещъ, плотва.

Климатъ Валаама умѣренный и непостоянный. Большихъ морозовъ и сильной жары тамъ не знаютъ. Весна начинается съ половины апрѣля, но и въ началѣ мая мѣстами попадаетъ еще много снѣгу. Сообщение по водѣ между Валаамомъ и берегами озера открывается около половины мая. Но разбитыя массы льда встрѣчаются на озерѣ даже въ первыхъ числахъ іюня. Деревья начинаютъ зелѣть около половины мая, а лѣто начинается со второй половины іюня и въ іюлѣ бываютъ самые сильные жары (25° R. въ тѣни). Въ концѣ августа Ладожское озеро начинаетъ сильно бушевать и наступаетъ осень. Снѣгъ выпадаетъ въ октябрѣ, а съ поября начинается зима, причемъ самые сильные морозы—рѣдко превышающіе, впрочемъ, 25° R.—приходятся на январь и февраль.

Края Ладожскаго озера около острововъ если и замерзаютъ иногда въ декабрѣ, то ледъ ихъ устаетъ рѣдко, и только при большихъ морозахъ и тихой погодѣ. Въ противномъ же случаѣ, прочный зимній путь по озеру устанавливается только въ послѣднихъ числахъ января, а иногда въ половинѣ февраля. Въ иные же годы по озеру и во всю зиму нельзя ѣздить: сильные вѣтры безпрестанно ломаютъ установившійся ледъ и гоняютъ его по разнымъ направленіямъ. Тогда сообщеніе Валаама съ берегомъ становится весьма затруднительнымъ. Озеро заковано льдомъ обыкновенно до середины мая, т. е. до того времени, когда въ Петербургѣ появляется, такъ называемый, ладожскій ледъ. Къ половинѣ мая ледъ въ озерѣ ломается, появляются полыньи; вѣтры гонятъ ледъ изъ стороны въ сторону, часто набивая его большими массами на берега.

Уже верстъ за пять до монастыря, когда пароходъ несетъ мимо острововъ, зрителю въ величественной картинѣ рисуются ихъ высокія скалы и холмы, покрытые

лѣсомъ. При вѣздѣ въ Монастырскіи заливъ на правой сторонѣ виднѣется высокая, крутая гора мыса Скитскаго острова, покрытая довольно рослымъ лѣсомъ; а на лѣвой сторонѣ онъ видитъ небольшой Никольскіи островъ и на немъ на открытой вершинѣ скалы—красивый храмъ въ моряхъ покровителя Святителя Николая. Миновавъ Никольскіи островъ, пароходъ проходитъ совершенно близко отъ крутой скалы Скитскаго острова... Но вотъ показались главы храмовъ, затѣмъ—новое зданіе водоподъемной машины, келліи... Уже совсемъ близко отъ монастыря зрителю представляется величественная картина: онъ видитъ совершенно отвѣсную шестнадцати саженную скалу и у подножія ея зеленѣетъ фруктовый садъ; скала точно нависла надъ садомъ и ежеминутно грозитъ задавить его своею громадою. Отъ сада на вершину скалы ведетъ длинная крутая лѣстница.

Въ постройкѣ монастыря можно отыскать то общее мѣсто, которое повторяется повсюду въ другихъ обителяхъ. Неизбѣжная стѣна и въ ней ворота, изъ которыхъ среднія всегда заперты (проходъ въ калитку); надъ воротами церковь; вправо и влево идетъ стѣна съ келліями, которыя окружаютъ дворъ и съ остальныхъ трехъ сторонъ. Въ серединѣ соборъ, въ углу при келліяхъ пристройка, въ которой помѣщается трапеза; при ней особая церковь. Внѣ ограды и всегда подлѣ нея деревянныя службы, полѣнницы, скотный дворъ и гостинница для богомольцевъ. Внизу, у пристани, нѣсколько деревянныхъ клетей съ рыболовными снастями и судовыми принадлежностями; невдалекѣ мельница, портомойня, бани и т. д.,—все по казенному.

Валаамъ, безъ преувеличенія, еще болѣе строгіи рабочіи монастырь, чѣмъ Соловки. Въ Соловецкомъ монастырѣ нѣтъ той строгой дисциплины, которая соблюдается въ Валаамской обители, гдѣ иноки до сихъ поръ живутъ по строгимъ наставленіямъ старца игу-

мепа Назарія. По древнимъ правиламъ общежитія, на Валаамѣ все „отдано Богу и св. Богородицѣ“. Издревле не дозволялось „ни ясти въ келліи, ни пити, ни у келаря просити“. Сверхъ того, строгій и подвижническій Валаамъ отличается еще тѣмъ, что сохраняетъ наглядныя слѣды своей апостольской дѣятельности: въ средѣ монаховъ находится довольно кореловъ.

Находясь на бурномъ Ладожскомъ озерѣ, въ 300 верстахъ отъ Петербурга, Валаамскій монастырь въ теченіе девяти мѣсяцевъ рѣдко видитъ русскихъ посѣтителей; единственнымъ его гостями тогда бываютъ жители окрестныхъ береговъ Ладожскаго озера, которые посѣщаютъ его круглый годъ. Нищіе, за непогодю, также гостятъ въ обители по нѣсколькимъ днямъ, а иногда и по недѣлѣ и болѣе; здѣсь питаютъ ихъ, снабжаютъ при отправленіи въ дорогу хлѣбомъ, подаютъ по возможности кому платье, кому сапоги, въ случаѣ особой надобности—и деньги; удѣляютъ также сѣмена для посѣва, много сѣна, соломы, овощей.

Нищета прибрежныхъ крестьянъ до того велика, что въ самую глухую зиму, не имѣя почти обуви, въ самомъ ветхомъ рублицѣ, они пускаются за полтораста и болѣе верстъ по льду, чтобы пожить нѣсколькимъ днямъ на монастырскихъ хлѣбахъ. Многихъ изъ нихъ находятъ замерзшими на сильномъ морозѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря.

Особенно значительное стеченіе окрестныхъ жителей въ монастырь бываетъ на Благовѣщеніе и на праздникъ памяти преподобныхъ основателей Сергія и Германа (28-го іюня) и св. апостоловъ Петра и Павла (29-го). На первый праздникъ ихъ бываетъ до 900, на второй до 4,000 человекъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ въ монастырь по обѣщанію.

Съ открытіемъ навигаціи по озеру, въ концѣ мая, пароходы начинаютъ доставлять въ монастырь русскихъ богомольцевъ изъ Петербурга. Предоставляя вознаграж-

деніе совѣсти, усердію и средствамъ каждаго богомольца, Валаамскій монастырь съ своей стороны требуетъ только, чтобы богомольцы, живя въ монастырѣ, соблюдали правила, выставленныя для свѣдѣнія прибывающихъ у пароходной пристани и въ самой гостинницѣ. Согласно этимъ правиламъ, употребленіе водки и табаку строго воспрещается, ходить въ лѣсъ безъ особеннаго благословенія игумена не разрѣшается; далѣе не полагается принимать у себя въ келліи кого-либо изъ братіи, а также оказывать кому-нибудь частныя благотворенія, а „доброхотное свое приношеніе полагать въ общую кружку на пользу св. обители“, и проч.

Русскихъ посѣтителей въ теченіе года бываетъ въ обители нѣсколько тысячъ.

Соловецкій монастырь далеко не имѣетъ того важнаго матеріальнаго значенія для окрестныхъ жителей, какое имѣетъ Валаамъ для олончанъ, кореловъ, ладожанъ и чухонъ. Но изъ пріѣзжающей на Валаамъ голытьбы, многихъ, конечно влечетъ въ монастырь богомолье, а иныхъ и нужда. Годовалыхъ богомольцевъ, которые-бы шли работать въ монастырь на годъ, на два по обѣщанію на Валаамѣ, гораздо меньше, чѣмъ въ Соловкахъ. Да оно и попятно: на Валаамѣ дисциплина до того строга, что и лѣто проработать тамъ трудно, а цѣлый годъ выдерживаютъ только очень немногіе. Для доказательства приведемъ нѣкоторыя правила, которымъ долженъ подчиняться каждый даровой „трудникъ“ паравнѣ съ монашествующими. Не говоря уже о томъ, что водка, вино и табакъ воспрещены, — даже чай и сахаръ разрѣшается игуменомъ четвертками—за хорошее поведеніе. Читать книги, безъ благословенія игумена, нельзя; письма отправляются и получаютъ также черезъ игумена; принимать у себя въ келліи никого нельзя, а равно и идти къ кому-нибудь въ келлію; разговоры между монашествующими и съ посѣтителями строго преслѣдуются; каждый обязанъ

исполнять то послушаніе (ту работу), на которое его утромъ поставитъ „рядчикъ“. Даже на Аѳонѣ, разсказываютъ путешественники, нѣтъ такихъ строгихъ порядковъ, не говоря уже о Соловахъ, гдѣ каждый можетъ свободно разговаривать, съ кѣмъ хочетъ. А между тѣмъ, послушники и монахи валаамскіе сами, по собственному убѣжденію, неукоснительно придерживаются своего строгого устава и ревниво наблюдаютъ, чтобы и другіе не отступали отъ него ни па іоту. Не преувеличивая, поэтому, можно сказать, что Валаамъ—самый строгій изъ рабочихъ русскихъ монастырей.

II.

Древнее преданіе гласитъ, что въ давно прошедшія времена на Валаамѣ было главное капище Волоса и Перуна, которымъ поклонялись и приносили жертвы живущіе по окрестностямъ язычники. Этимологическій разборъ слова Валамо—какъ называютъ островъ финны—подтверждаетъ вѣроятность преданія. Слово Валамо состоитъ изъ двухъ словъ: мо, которое по ижорски означаетъ земля, и валъ, имѣющее вѣроятно общій корень съ словами Вааль, Волосъ и Велесъ. Слѣдовательно Валамо означаетъ земля Волоса, мѣсто, посвященное Волосу.

Валаамское христіанское преданіе добавляетъ при этомъ, что св. апостоль Андрей Первозванный, просвѣтитель скиѳовъ и славянъ, прибывши изъ Кіева въ Новгородъ, отсюда по рѣкѣ Волхову достигъ Ладожскаго озера, а потомъ—и Валаама. Тамъ онъ благословилъ горы каменныя крестомъ, истребилъ капища Волоса и Перуна, обратилъ въ христіанство обитавшихъ на островѣ язычниковъ, положилъ основаніе на Валаамѣ исповѣданію вѣры Христовой и оставилъ пастырями нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ.

До основанія па Валаамѣ монастыря, острова принадлежали, по всей вѣроятности, славянамъ и находились въ гражданскомъ союзѣ съ Новгородомъ; слѣды христіанской православной вѣры не исчезали до преподобнаго Сергія, хотя на ряду съ христіанствомъ не прекращалось еще и язычество.

Основателемъ иночества на Валаамѣ считается преп. Сергій, пришедшій туда „отъ восточныхъ странъ“. Въмѣстѣ съ учрежденіемъ монашества, онъ распространялъ на Валаамѣ христіанство, обращая жившихъ тамъ язычниковъ.

Послѣ смерти преп. Сергія, дѣло его продолжалъ на Валаамѣ св. Германъ, выбранный со временемъ въ настоятели валаамскою иноческою общиною. Преп. Германъ такъ много потрудился для утвержденія на островѣ монашества, что его наравнѣ съ преп. Сергіемъ считаютъ основателемъ иночества на сѣверѣ.

О дальнѣйшей исторіи монастыря, вплоть до X вѣка, ничего неизвѣстно. Въ X же вѣкѣ лѣтописцы упоминаютъ игуменовъ Іоакима и Θεогноста, при которыхъ валаамское иночество имѣло уже правильное устройство, и о Валаамскомъ монастырѣ знали въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ мѣстахъ. Къ числу замѣчательныхъ лицъ этого времени принадлежитъ преп. Авраамій, основатель Ростовскаго Богоявленскаго монастыря. Замѣчательная исторія преп. Авраамія, пришедшаго на Валаамъ язычникомъ и крещеннаго тамъ съ именемъ Аверкія, а впоследствии постриженнаго въ монахи, по всей вѣроятности, извѣстна читателямъ, а потому мы па ней останавливаться не станемъ.

Примѣръ преп. Авраамія не единичный: въ X вѣкѣ Валаамскій монастырь имѣлъ большое вліяніе па уничтоженіе въ Россіи язычества и развивалъ иночество среди православныхъ.

Съ 960 года судьба Валаамскаго монастыря въ теченіе многихъ вѣковъ подвергалась разнымъ случаямъ.

ностямъ, подѣ вліяніемъ общихъ историческихъ условій. Въ періодъ времени съ 960 по 1715 г. Валаамъ много разъ подвергался разоренію и снова возникалъ изъ пепла и развалинъ. Больше всего приходилось страдать обителю отъ шведовъ.

Послѣ 960 года, первое разореніе обители шведы произвели въ XI вѣкѣ. Потерпѣвъ пораженіе отъ русскихъ на берегахъ Ладожскаго озера, шведы сожгли деревянный Валаамскій монастырь до основанія и убили много иноковъ. По минованіи опасности былъ выстроенъ новый монастырь. Но въ XVI столѣтіи шведы снова воевали съ Россіею и при этомъ случаѣ не забыли и о Валаамской обители. Такъ, въ 1578 году, преслѣдуя православныхъ корель, шведы напали на монастырь и убили 18 старцевъ и 16 послушниковъ, мученически принявшихъ смерть, отказываясь отъ требованія отречься отъ православія. И до сихъ поръ еще въ тотъ день (20 февраля), когда были казнены эти мученики, на Валаамѣ совершается въ честь ихъ заупокойная литургія.

Въ 1581 году на Валаамъ обрушились повья бѣдствія: сначала моръ, а потомъ пожаръ, испепелившій всю обитель: церкви, трапезу, келіи и ограду. Черезъ четырнадцать лѣтъ вновь отстроенный монастырь снова былъ разоренъ шведами. Послѣ заключенія мира со шведами въ 1595 году, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣлъ царскою казною возобновить обитель, устроить въ ней церкви, трапезу, ограду, келіи и предоставилъ монастырю владѣть по прежнему вотчиною, рыбными ловлями и угодьями.

Вмѣстѣ съ внѣшними событіями измѣнялась и внутренняя жизнь Валаамской обители: то иночество процвѣтало, то сокращалось на столько, что на Валаамѣ едва замѣтны были его слѣды. Въ періоды внѣшняго благосостоянія монастыря внутреннее его устройство доходило до значительной степени процвѣтанія и совершенства. Такой періодъ былъ, напр., въ XIV вѣкѣ, когда, по

заключеніи мира съ Дерптомъ, въ 1348 г., вся Корелія возвращена Россіи и Валаамъ отдыхалъ отъ гоненія шведовъ. Въ этотъ періодъ отъ Валаамскаго монастыря, какъ въ юго-западной Россіи—отъ Кіево-Печерской лавры, и какъ отъ Троице-Сергіевой лавры—въ восточной Россіи, распространялась иноческая жизнь на сѣверѣ нашего отечества.

Въ XIV и XV вѣкахъ на Валаамѣ жили многіе иноки, прославившіеся со временемъ и имена которыхъ пользуются понынѣ всеобщую извѣстностью. Такъ, до 1429 г. жилъ въ Валаамскомъ монастырѣ преп. Савватій Соловецкій, постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Онъ принятъ былъ здѣсь игуменомъ въ число братіи, проходилъ „со всяцѣмъ смиреніемъ и многимъ терпѣніемъ и кротостію дѣльною“ всѣ монастырскія послушанія, подражая „многотруднымъ подвигамъ“ Валаамскихъ иноковъ. Потомъ „усугубивъ труды свои, онъ превзошелъ всѣхъ своею подвижническою жизнію. Всѣ почитали его и прославляли за дивныя труды, въ которыхъ св. Савватій истощилъ плоть свою до конца, содѣлавшись жилищемъ св. Духа. Это обстоятельство внушило преподобному мысль оставить Валаамъ и поселиться на Соловецкомъ островѣ, гдѣ никто не могъ-бы быть свидѣтелемъ его подвиговъ“. Братія и игумень, полюбившіе благочестиваго инока, не хотѣли отпускать его; тогда св. Савватій ушелъ ночью.

Въ 1474 г. явился на Валаамъ св. Александръ Свирскій. Игумень Іоакимъ постригъ его, на 26 году отъ рожденія, въ иноческій санъ. Св. Александръ проходилъ всѣ монастырскія послушанія въ непрерывныхъ трудахъ, постѣ и молитвѣ, удивляя своею подвижническою жизнію строгихъ Валаамскихъ отшельниковъ. Молодой монахъ сначала „подвизался въ общежитіи, потомъ отшелъ на безмолвіе на одинъ изъ острововъ монастырскихъ“. Островъ этотъ, въ память святого отшельника, понынѣ называется *Святимъ*, и на немъ до

сего дня сохранены слѣды труженической жизни преп. Александра. Пещера въ разсѣлинѣ скалы и могила сдѣланы, по преданію, имъ самимъ. „Божественный гласъ вызвалъ его отсюда на берега Свири, чтобы сдѣлать его, уже опытнаго въ духовной жизни, мудрымъ роководителемъ другихъ“. Собравъ тамъ многочисленное братство, онъ основывалъ существующій нынѣ Троицкій монастырь.

Русскіе цари въ это время знали Валаамскій монастырь, оказывали ему милости и отправляли въ него на покаяніе провинившихся. Такъ, въ 1572 году Іоаннъ Грозный, угрызаемый совѣстью послѣ низверженія и мученической кончины св. Филиппа, митрополита Московскаго *), объявилъ враговъ покойнаго наглыми клеветниками и одного изъ нихъ, бывшаго Соловецкаго игумена Паисія, удалилъ въ Валаамскій монастырь на покаяніе.

Валаамскіе монахи продолжали успѣшно свою миссіонерскую дѣятельность: жители береговъ Ладожскаго озера были ими обращены въ православную вѣру изъ язычества. По берегу до самаго Кексгольма стояли православные храмы. Корелы финскаго берега Ладожскаго озера также были обращены въ православіе.

„Спустя нѣсколько лѣтъ по заключеніи Дерптскаго мира, въ 1371 году,—говоритъ лѣтописецъ,—Валаамскіе иноки, послѣ сильной бури на Ладожскомъ озерѣ спасли отъ потопленія человѣка, носившагося по волнамъ на корабельной доскѣ: спасенный былъ король шведскій Магнусъ II Смекъ. Старцы въ несчастіи короля видѣли особый промыселъ Божій, призывавшій его въ свою ограду, какъ нѣкогда гонителя Савла. Мирныя кущи иноковъ, убѣжденія старцевъ, воспоминаніе горькихъ дней протекшей жизни сильно взволновали сердце Магнуса. Онъ самъ увидѣлъ въ своей судьбѣ званіе Божіе и рѣшился остатокъ дней посвятить на угожденіе Богу

) См. нашъ очеркъ: «Соловецкій монастырь».

въ тихой пустынѣ, присоединился къ единой истинной св. православной церкви, составилъ духовное завѣщаніе и съ именемъ Григорія принялъ святую схиму. Не долго судилъ Господь ему медлить въ земной юдоли; черезъ три дня по постриженіи Онъ отозвалъ вѣнценосца-схимника на вѣчный покой. Иноки погребли почившаго на общемъ братскомъ кладбищѣ, гдѣ видна его могила и по настоящее время подъ густою сѣнію развѣсистыхъ кленовъ“.

Но вернемся къ прерванной хронологической послѣдовательности событій. Въ 1611 году, при игуменѣ Макаріѣ, цвѣтушая Валаамская обитель была уничтожена шведами до основанія. Овладевъ Кексгольмомъ, шведы разрушили многія мѣста, высадились и на Валаамскій островъ, напали на монастырь и здѣсь все предали огню и мечу: храмы, келіи, трапезу, ограду, гостинницу шведы пожгли и раззорили. Мощи преподобныхъ не пострадали: онѣ еще гораздо ранѣе были опущены въ глубокую могилу—родъ колодца,—гдѣ пребываютъ и въ настоящее время. Игумень и братія были убиты. Уничтоживъ всѣ монастырскія строенія, шведы построили себѣ дома и расположились на островѣ. Какъ оказалось потомъ, монахи предвидѣли нападеніе шведовъ и успѣли заблаговременно увезти въ разные повгородскіе монастыри многія иконы, ризы, кресты, казну монастырскую и проч. Нѣкоторые старцы и иноки сами спаслись, перебравшись въ повгородскіе и псковскіе монастыри.

Шведы не ограничились раззореніемъ монастыря: они уничтожили и плоды Валаамскихъ иноковъ въ дѣлѣ распространенія православія на финскомъ берегу Ладожскаго озера. Они сожгли храмы, изгоняли и убивали священниковъ и стали распространять между жителями лютеранство.

Въ 1617 году былъ заключенъ Столбовскій договоръ, по которому Россія уступила королю шведскому, Густаву Адольфу: Кексгольмъ, Корелію и Ингерманландію.

Болѣе ста лѣтъ островъ Валаамъ оставался въ рукахъ шведовъ и пребывалъ въ запустѣннѣ: инокѡвъ не было, его занимали шведы.

Къ счастію, о Валаамѣ вспомнилъ Макарій, архимандритъ Тихвинскаго монастыря, который обратился къ Петру Великому съ просьбою не дать мощамъ препод. Германія и Сергія валаамскихъ „у проклятыхъ лютеръ въ поруганіи быть“ и повелѣтъ тѣ святыя мощи „съ того Валаамскаго острова отъ ихъ лютерскаго поруганія перенести въ Тихвинъ монастырь, дабы они, проклятые лютеры, тѣмъ не возносились“...

Письмо Макарія подѣйствовало—о Валаамѣ вспомнили. Посѣщая олонекій край, Петръ Великій побывалъ на Валаамскихъ островахъ, и въ 1715 году послѣдовалъ высочайшій указъ о возстановленіи монастыря. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1717 года на одиннадцати лошадахъ прислана была изъ Кириллова на Валаамъ церковная утварь: крестъ серебряный позолоченный, ризы крашенинныя и проч., а также хлѣбныя припасы и разныя хозяйственныя орудія. Немедленно же было приступлено къ возобновленію монастыря.

Въ теченіе сорока лѣтъ обитель росла и очень быстро, но въ 1754 году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія была внезапно уничтожена пожаромъ. Опять пришлось начинать съ начала. Но, благодаря несокрушимой настойчивости братіи, уже черезъ 9 лѣтъ обитель обстроилась еще роскошнѣе и просторнѣе. Въ ту пору въ Саровской пустынѣ жилъ строгій отшельникъ, старецъ Назарій. Валаамскій игумень, преосвященный Гавріиль, призывалъ къ себѣ старца Назарія, но настоятель Сарова старался удержать у себя знаменитаго отшельника и отозвался о немъ, какъ о челѡвѣкѣ малоумномъ и неопытномъ въ духовной жизни. Преосвященный Гавріиль проникъ тайну смиренія Назаріева: „У меня много своихъ умниковъ,—отвѣчалъ онъ,—пришлите мнѣ вашего

глушца“. И старецъ Назаріи сдѣлался, такимъ образомъ, строителемъ Валаамскаго монастыря.

Старецъ Назаріи составилъ члппъ каменнаго монастырскаго зданія, существующаго по настоящее время и составляющаго внутренній его четырехугольникъ. Осуществленіе плана потребовало значительныхъ средствъ. По просьбѣ отца Назарія епархіальное начальство дало ему книгу для сбора подавній отъ доброхотныхъ дателей. Кирничъ и известъ заготавлились на мѣстѣ. Послѣ восьмилѣтней работы было возведено все монастырское зданіе, въ окружности слишкомъ 140 саж.

Съ того времени монастырь продолжаетъ шириться. Игумень Инокентій очень удачно продолжалъ дѣло „малоумнаго“ старца Назарія, оказавшагося искуснымъ строителемъ и прекраснымъ хозяиномъ. Его дѣло продолжали и послѣдующіе игумены, но монастырь въ его настоящемъ состояніи слѣдуетъ считать созданіемъ покойнаго Дамаскина, бывшаго около сорока лѣтъ игуменомъ.

Біографія игумена Дамаскина очень интересна. Пришелъ онъ на Валаамъ не знавшимъ грамоты крестьянскимъ мальчикомъ изъ Тверской губерніи. Давали ему самыя трудныя послушанія, но онъ выдержалъ искусь, безропотно исполняя самыя черныя работы. Какъ только его постригли въ монахи, онъ уединился въ пустынь, гдѣ выучился читать и ведя созерцательную жизнь много думалъ надъ прочитаннымъ. Наконецъ, его посвятили въ игумены. Въ ту пору валаамская братія отличалась многими недостаткамъ. Дамаскинъ принялъ крутыя мѣры и при помощи тридцати вѣрныхъ и преданныхъ ему монаховъ привелъ монастырь въ должный порядокъ. При томъ онъ былъ общимъ духовникомъ и пышніе столпы Валаама—всѣ его ученики. Проведя въ уединеніи Коневекскаго скита семь лѣтъ онъ издали изучилъ всѣ темныя стороны тогдашней обители. Дамаскинъ долго отказывался отъ игуменства, но

разъ, взявъ бразды правленія въ свои руки, онъ сталъ ворочать круто. безъ всякихъ постепенностей. Онъ возобновилъ семь скитовъ, выстроилъ много хозяйственныхъ здачій, нарылъ вездѣ колодцы, провелъ дороги, построилъ водопроводъ... Монастырь при немъ вообще быстро развивался и богатѣлъ. Многосторонность его ума была удивительна: онъ не только составлялъ планы церквей и строилъ ихъ, производилъ разныя механическія усовершенствованія того или другаго производства, но заботился о расширеніи монастырской бібліотеки, поощрялъ литературные труды монаховъ и самъ входилъ въ сношенія съ извѣстными учеными по поводу разныхъ сомнительныхъ вопросовъ по исторіи Валаама.

„Дамаскинъ велъ войну съ финскимъ сенатомъ и, выдержавъ нѣсколько сраженій, въ концѣ концовъ побилъ его. Счумѣлъ изъ враговъ создавать друзей, а изъ друзей дѣлать вѣрныхъ исполнителей своихъ приказаній. Это былъ человекъ неустанщій... Ему не надо было отдыха и сна... Рядомъ съ этимъ, чужая воля для него была ненавистна. Около себя онъ не терпѣлъ никакой силы. Обитель не даромъ называютъ монашескими арестантскими ротами. Онъ, не щадя никого, сейчасъ-же запретилъ инокамъ посѣщать другъ друга... Самъ мужикъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ выше всего цѣнитъ трудъ и дѣлаетъ его обязательнымъ для каждаго. Онъ выдерживаетъ образованныхъ иноковъ на черной работѣ, чтобы узнать, годны-ли они ему, могутъ-ли повиноваться безпрекословно. Условной покорности онъ не понималъ. Возмечталъ о себѣ какъ-то инокъ и возмечталъ столь неистово, что даже хотѣлъ разуказиться. По закону слѣдовало исполнить его желаніе. Не такъ дѣлаетъ о. Дамаскинъ. Сознвая, что такой примѣръ будетъ соблазнительнымъ для всѣхъ, кто не сочувствуетъ его реформамъ въ монастырѣ, онъ выхлопоталъ повелѣніе—оставить инокъ въ обители, а за непокорность

его, изъ монатеѣныхъ разжаловать въ послушники и сослать въ отдаленный скитъ. Когда читали указъ строптивому монаху, тотъ упалъ, какъ подкошенный, а на братію это произвело столь сильное впечатлѣніе, что никто ужъ не могъ помышлять о возвращеніи въ міръ. Валаамъ дѣйствительно сдѣлался могилой, изъ коей выхода не было. Дамаскинъ былъ человѣкъ системы. Вольное подвижничество по лѣсамъ онъ убилъ наповаль. Нарочно поставилъ семь скитовъ:—кто хочетъ спастись, иди въ скитъ, и спасайся по установленной имъ программѣ... Страсть къ регламентаціи и ненависть ко всему, что живетъ внѣ программы и системы, заставила его отвалить отъ посѣщенія обители странниковъ и странницъ. Онъ ихъ терпѣть не могъ, какъ и вообще всѣхъ потаскухъ, въ какомъ-бы видѣ онѣ къ нему не приходили. Разъ является къ о. Дамаскину странникъ въ веригахъ. Вѣсили онѣ у него семь фунтовъ.

— Благослови, отецъ святой, сдѣлать мнѣ ихъ въ монастырской кузнѣ въ 30 фунтовъ. Имѣю усердіе.

— Ступай въ кузню. А самъ мигнулъ келейнику:— скажи кузнецу, чтобы пугнулъ.

„Является странникъ въ кузню. Кузнецъ вдругъ ударилъ его въ лицо. Странникъ обратно ему на отмащъ. Зоветь его о. Дамаскинъ“.

— Иди вонъ, рабъ строптивый. Я пожелалъ испытать тебя. Вотъ были-бы вериги, когда-бы ты другую щеку подставилъ по завѣту Христову..

„О. Дамаскинъ ужасно любилъ чернорабочихъ монаховъ. Работавшихъ въ смолокурнѣ, въ конюшнѣ, въ поляхъ, онъ ставилъ всѣмъ какъ образецъ. Запахъ трудового пота былъ для него ароматомъ, мозолистыя руки—добродѣтелью. Изъ „чистой работы“, какъ говорятъ въ монастырѣ, о. Дамаскинъ больше всего покровительствовалъ художникамъ. Даже для прѣвзжихъ пейзажистовъ всегда было отдѣльное помѣщеніе въ обители *). Онѣ

*) Это обыкновеніе сохранилось и понынѣ.

окружалъ ихъ всевозможными удобствами. Монастырскіе лошади, экипажи и лодки были къ ихъ услугамъ. Самъ онъ часто бесѣдовалъ съ ними и любилъ приходить любоваться ихъ работою“ *).

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти игуменъ Дамаскинъ былъ разбитъ параличемъ. Но уваженіе къ нему было настолько велико, что новый игуменъ—Іонафанъ, пынѣ также покойный, былъ назначенъ только послѣ его смерти.

III.

На площадку монастыря отъ пристани ведетъ изъ подъ скалы гранитная лѣстница о семидесяти ступеняхъ, сооруженная при о. игуменѣ Веніаминѣ. У основанія этой лѣстницы на столбѣ прибито вдѣланное въ рамку объявленіе, въ которомъ изложены правила для богомольцевъ, приѣзжающихъ въ монастырь (см. гл. I). Лѣстница выходитъ на широкую площадку, занимающую пространство между обрывомъ скалы и монастырскою стѣною. Съ рѣшетки у обрыва открывается восхитительный видъ на монастырскій заливъ, Никольскій островъ и проч. Средину площадки, противъ Святыхъ воротъ, занимаетъ сдѣланная изъ мрамора и гранита часовня, сооруженная въ память посѣщенія монастыря императоромъ Александромъ Николаевичемъ съ августѣйшимъ семействомъ. На площадкѣ-же находится обелискъ, на которомъ начертаны имена всѣхъ царственныхъ особъ, посѣтившихъ монастырь.

Монастырскія зданія образуютъ два заключенныхъ одинъ въ другомъ четырехугольника. Входъ въ монастырь открываютъ святые ворота, противъ которыхъ во внутреннемъ четырехугольникѣ находятся другія ворота, служація входомъ во внутренній широкій монастырскій дворъ. Здѣсь находится новый соборный храмъ Пре-

*) См. В. Н. Шмировичъ-Данченко. Крестьянское царство. Т. I.

ображенія Господня съ голубыми куполами. Закладка новаго собора на мѣстѣ прежняго храма, древне-греческой архитектуры, была совершена въ 1887 году въ присутствіи великаго князя Владиміра Александровича, а освященіе—въ его же присутствіи въ 1896 году. Въ этомъ храмѣ подъ спудомъ почиваютъ святыя мощи препод. Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ. На мѣстѣ семивѣковаго покоя ихъ, на двухъ большихъ гранитныхъ плитахъ, утверждена серебряная рака, устроенная при игуменѣ Иннокентіи. Предъ ракою на столбѣ, въ позолоченной ризѣ, икона Пресв. Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и три позолоченныя лампы.

Второй храмъ—Успенія Пресвятыя Богородицы; онъ теплый и въ теченіе всей зимы до первыхъ теплыхъ весеннихъ дней служитъ мѣстомъ собранія всей братіи на молитву.

Третій храмъ—св. апостоловъ Петра и Павла; четвертый—Живоначальныя Троицы, и подъ нимъ пятый—Живопоснаго Источника.

Четыре храма эти, кромѣ Успенскаго, небольшіе; иконостасы въ нихъ деревянные, позолоченные, въ церкви св. апостоловъ—стрѣльчатый. Особеннымъ благолѣпіемъ валаамскіе храмы не блещутъ.

Въ ризницѣ монастырской ничего интереснаго нѣтъ; кромѣ царскихъ вкладовъ заслуживаютъ вниманія: два на престольные креста съ частицами мощей разныхъ святителей; образъ Казанской Божіей Матери съ частицею ризы Пресвятыя Богородицы; образа съ частицами мощей св. апостоловъ, св. Аеапасія патріарха Іерусалимскаго, преп. Нила Столбенскаго и другихъ святителей; нѣсколько евангелій съ роскошными и драгоценными украшеніями на окладахъ; нѣсколько иконъ въ дорогихъ ризахъ, воздухи, покровы и проч. Монахи говорятъ, что ризница сильно разграблена шведами, а потому въ ней древностей интересныхъ никакихъ и не осталось.

Въ монастырской библіотекѣ среди древнихъ синодиковъ, которые всѣ состоятъ при церквахъ для поминовенія по нимъ благотворителей, особенно замѣчательнъ слѣдующій: Синодикъ древняго Валаамскаго монастыря чудотворцевъ Сергія и Германа, присланный 1583 (7091) лѣта отъ Царя и Государя великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси. Синодикъ начинается такъ: лѣта 7091 Царь и Государь великій князь Ивапъ Васильевичъ всея Руси прислалъ въ свое царское богомолье на Валаамъ сія имена убіенныхъ и велѣлъ поминать во вѣки и кормы по нихъ ставити мѣсяца октября въ 8 день, да января въ 10 день, да іюня въ 12 день“. Затѣмъ слѣдуютъ имена убіенныхъ съ слѣдующимъ заключеніемъ: „помяни Господи и прочихъ, въ опричнину избіенныхъ всякаго возраста мужска полу и женска, ихже имена самъ вѣси Владыко“.

Библіотека, состоящая почти исключительно изъ книгъ богословскаго и историческаго содержанія, пасчитываетъ около восьми тысячъ томовъ. Но пользоваться книгами некому: за исключеніемъ нѣсколькихъ ученыхъ монаховъ никто ничего не читаетъ.

Изъ сооруженій монастырскихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія водопроводъ.

Въ прежнее время монахи носили воду изъ озера по крутой скалѣ, длина склопа которой составляла около 40 сажень. Работа была трудная, а въ ненастную осеннюю погоду и гололедицу даже опасная. Вотъ почему давно уже изыскивались способы для облегченія доставки воды. Такой способъ былъ найдепъ игуменомъ Дамаскиномъ: онъ построилъ водопроводъ и присоединилъ къ нему разныя хозяйственныя приспособленія. Планъ трехэтажнаго водопроводнаго зданія, помѣщающагося на крутой гранитной скалѣ былъ составленъ архитекторомъ Горностаевымъ.

Вода поднимается посредствомъ пароваго насоса по колодеобразной вертикальной выработкѣ, пробитої въ

скалѣ порохострѣльнойю работою; нижнее отверстіе колодца сообщается съ озеромъ всасывающею трубою, въ которую и входитъ вода изъ озера. Насосъ поднимаетъ озерную воду на высоту 30 саж. и выливаетъ ее въ два бака, вмѣщающіе 2,400 ведеръ. Паровая машина, приводящая въ движеніе насосъ, установлена въ верхнемъ этажѣ водопроводнаго зданія. Та же машина, посредствомъ приводовъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ пилитъ лѣсъ на доски, мелеть муку, приводитъ въ движеніе токарныя станки, на которыхъ выдѣлываются разныя металлическія и деревянныя вещи.

Въ томъ же зданіи устроены: праченная, имѣющая особый бассейнъ, и баня для немощныхъ монаховъ и для рабочаго народа, котораго лѣтомъ на Валаамѣ бываетъ до 400 человѣкъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается еще кузница въ два горна, въ которой обращаютъ вниманіе мѣхи, дѣйствующіе съ замѣчательною легкостью.

Постройка этого громаднаго зданія и постановка машинъ сдѣланы о. Іонафаномъ, бывшимъ рабочимъ завода Берда, подъ наблюденіемъ игумена Дамаскина. По смерти Дамаскина въ игумены былъ назначенъ Іонафанъ нынѣ тоже покойный.

Когда о. Іонафанъ началъ строить свой водопроводъ, то многіе увѣряли его въ совершенной несбыточности его проекта. Но онъ нисколько не смущался этимъ, продолжалъ свое дѣло и довелъ его до благополучнаго конца. При такой энергіи и настойчивости о. Іонафанъ отличался замѣчательною скромностью: нигдѣ, ни въ какой части сооруженія не упоминается имени строителя; имѣется только лаконическая надпись: „Поднята вода 1863 года декабря 12 дня“. Не сказано даже на какую высоту поднята вода и т. п.

Въ двадцати саженьяхъ отъ монастыря на возвышенномъ мѣстѣ стоитъ каменная гостинница для пріѣзжающихъ богомольцевъ, въ два этажа съ мезониномъ. Фрон-

гошь украшенъ иконою преподобныхъ Сергія и Германа въ гостинницѣ около ста нумеровъ, расположенныхъ по оубъ стороны широкаго длиннаго бѣлаго корридора; корридоры и лѣстницы выстланы плитою. Комнаты въ одно окню; стѣны начисто выбѣлены известкой. Въ каждой комнатѣ двѣ чистыя, но грубыя кровати, простой покрашенный столъ, табуретъ, на стѣнѣ—крошечное зеркальце. Содержатся комнаты очень чисто. Прислуживаютъ посѣтителемъ послушники, подѣ началомъ „монаха-гостинника“.

Для помѣщенія бѣдныхъ береговыхъ жителей и нищихъ, прїѣзжающихъ въ монастырь, имѣется еще страннопрїимный домъ, выстроенный вмѣсто прежняго, сооруженнаго еще во дни игумена Назарія. Новое зданіе каменное, небѣленное, о двухъ этажахъ съ мезониномъ. Фронтонъ зданія украшенъ образомъ Валаамскихъ чудотворцевъ. Внутри по обѣимъ сторонамъ корридоровъ размѣщены большія и свѣтлыя келіи, скудно мебелированныя. Иногда наплывъ гостей въ страннопрїимный домъ такой громадный, что всѣ келіи биткомъ набиты.

Женщины не допускаются къ участию въ братской трапезѣ; для нихъ накрывается особо въ гостинницѣ. При женской трапезѣ присутствуетъ монахъ, который строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не было разговоровъ.

Монастырская трапезная представляетъ собою большое зало, гдѣ въ три ряда разставлены столы. Потолокъ сводчатый. Десять небольшихъ оконъ, по пяти съ каждой стороны, слабо пропускаютъ свѣтъ. Въ простѣнкахъ между окнами изображены святители въ черныхъ монашескихъ рясахъ, съ бумажными свитками въ рукахъ. На свиткахъ начертаны нравственныя изреченія. Длинные ряды столовъ вмѣщаютъ до 400 человекъ. Кормятъ обильно: щи со сметками, похлебка изъ рыбы, перловой крупы и картошки, винегретъ изъ овощей, каша съ пост-

нымъ масломъ, квась. Въ посты рыбы не полагается вовсе.

Во время трапезы прислуживаютъ мальчики послушники и рясофорные монахи. Всѣ ѣдятъ молча, слушая чтеніе „Житія святыхъ“ монахомъ, стоящимъ на возвышеніи.

Братское кладбище, обнесенное оградой, примыкаетъ къ монастырю съ сѣверной стороны. „Глухо шумятъ тѣнистые вязы... Бѣлую стѣну обители всю заслонили они, — не видать ея вовсе за этою колышущеюся зеленью. Тихо дремлютъ во блаженномъ успеніи иноки подъ безъмянными плитами и однообразными, подернувшимися травой насыпями. Разбитый житейскими бурями и случайно приставшій сюда, странникъ даже позавидуетъ ихъ безмятежному сну. Корни цвѣтущихъ кустовъ проникаютъ къ нимъ, надъ ихъ насыпями щебечутъ птицы, стрекоза поблескиваетъ на солнцѣ своими сквозными крыльями, а ихъ, этихъ отдыхающихъ бойцевъ не зоветъ никуда, не тянетъ...“ *) На могилахъ—простые деревянные кресты, изрѣдка попадаются каменные плиты, именъ почти совсѣмъ нѣтъ. Простая плита положена также на могилѣ шведскаго короля Магнуса II Смека, преданіе о которомъ помѣщено у насъ во II главѣ. Могила кругомъ заросла густою травой, которая закрываетъ даже надпись—наивные стихи, сочиненные какимъ-то монахомъ; въ этихъ виршахъ безграмотно, безъ соблюденія размѣра и рѣимы, излагается жизненная эпопея короля Магнуса.

Въ монастырѣ два плодовыхъ сада. Одинъ — „малый“ — разведенъ по берегу монастырскаго залива, у подножія высокой гранитной скалы, на склонахъ которой повисли густолиственные клены. На этомъ мѣстѣ прежде находился голый гранитъ; трудами нынѣ покойнаго старца нанесена была земля, сдѣлано удобреніе, поса-

*) В. Н. Немировичъ-Данченко. Крестьянское царство, Т. II.

жены фруктовыя деревья, кусты смородины, малины, разведены клумбы съ садовою земляникою, клубникою. Чтобы превратить голую луду въ плодовый садъ потребовалось двадцать лѣтъ. Яблоки на Валаамѣ не всегда поспѣваютъ, но ягодъ садъ даетъ много; особенно хороши разные сорта садовой земляники, достигающіе иногда величины сливы.

„Большой“ садъ издавна занимаетъ южную подошву монастырской горы. Имъ завѣдываетъ монахъ, бывший аптекаремъ въ Гатчинѣ, большой знатокъ и любитель садоводства и плодоводства. Въ этомъ саду кромѣ нѣсколькихъ сортовъ яблоковъ и различныхъ ягодъ поспѣваютъ вишни. Тутъ же ботаническій садикъ съ аптекарскими травами: мятой англійской и кудрявой, шалфейемъ, полынью, майораномъ и проч. Уходъ за плодовыми деревьями, какъ въ маломъ, такъ и въ большомъ саду самый тщательный: ихъ подвязываютъ, на зиму защищаютъ стволы рогожей и проч., лѣтомъ тли уничтожаются табачною настойкою; грядки съ ягодами тщательно поливаются и полются, дорожки содержатся въ чистотѣ — съ нихъ срѣзается вся травка. Тѣмъ не менѣе сады изяществомъ не отличаются.

Рядомъ съ большимъ садомъ — обширный огородъ. Овощей хватаетъ на годъ не только монастырю, но ими снабжаются и бѣдные окрестные жители: кореллы, чухны, олончане.

Около монастыря расположены разныя хозяйственныя зданія: ферма, конюшни для лошадей, смолокурня, известковый заводъ, кирпичный заводъ и проч. Въ смолокурнѣ работаютъ двѣ громадныя печи, въ нижней части которыхъ устроены стоки для воды и смолы. Диаметръ печи двѣ сажени, высота двѣ съ половиною. Дрова закладываются сбоку; горячіе продукты направляются по спиральному каналу. Недалеко отъ смолокурни находится известковый заводъ, выведенный изъ огнеупорнаго кирпича монастырскаго издѣлія. Из-

вестку готовятъ здѣсь изъ бѣлаго мрамора. Известково-обжигательныхъ печей двѣнадцать. На кирпичномъ заводѣ, расположенномъ въ лѣсу, къ югу отъ монастырскаго залива, работаютъ наемные рабочіе, преимущественно изъ русскихъ. Слои глины, годной для выдѣлки кирпича различепь: отъ аршина доходитъ до двухъ и болѣе. Каждый кирпичъ имѣетъ клеймо, на которомъ означено славянскими буквами мѣсто и годъ выдѣлки; кирпичъ вѣситъ не менѣе 14 фунтовъ.

Всѣ каменные постройки отличаются непомѣрною капитальностью, которая только и возможна при частью даровой, частью необыкновенно дешевой рабочей силѣ. Мы увѣрены, что если бы подсчитать стоимость этихъ сооруженій по урочному положенію, то съ точки зрѣнія экономичности ихъ, получилось бы излишество. Толщина стѣнъ дѣлается вдвое противъ нашей, а при постройкѣ коровника, напр., тесанный гранитъ укладывался такими громадными глыбами, точно сооружалась египетская пирамида, а не хлѣвъ для рогатаго скота. Кстати сказать, коровникъ этотъ отличается совершенно излишнею солидностью своихъ размѣровъ: 28 сажень въ длину и 10 въ ширину; 280 квадр. сажень для помѣщенія коровъ! Но валаамскія сооруженія не только капитальныя, подобно соловецкимъ, но и блещутъ изящною отдѣлкою.

Своими силами монахи не въ состояніи возводить свои постройки: имъ приходится на лѣто нанимать рабочихъ: каменщиковъ, штукатуровъ, каменотесовъ. Ярославцы-каменщики и штукатуры получаютъ въ лѣто по полтора рубли на монастырскихъ харчахъ, олончане-каменотесы—отъ семидесяти до восьмидесяти. Подъ началомъ этихъ рабочихъ трудятся и монахи и послушники. Цѣны, какъ видно, не особенно высокія, тѣмъ болѣе, что монастырскіе харчи для рабочихъ не очень-то сытны...

На Валаамѣ все что-нибудь да строится. Хозяйственныя его постройки давно переросли монастырь и

плохо гармонируютъ съ нимъ: монастырскія постройки неизящны, казарменны и бѣдны; хозяйственныя тщательно отдѣланы и богаты.

IV.

Скитъ „Всѣхъ Святыхъ“ былъ устроенъ при игуменѣ Назаріи. Покойный игумень Дамаскинъ совершенно обновилъ его. Еще до избранія въ настоятели онъ управлялъ этимъ скитомъ и пашель, что зимою келліи очень угарны, а лѣтомъ пропитаны сыростью. Дамаскинъ настоялъ на томъ, чтобы были выстроены новыя каменные келліи. Пожертвованіями благотворителей была собрана необходимая сумма; былъ воздвигнутъ новый двухъ-этажный храмъ и весь скитъ лѣтъ въ восемь обновился и обстроился. Скитъ Всѣхъ Святыхъ находится въ двухъ верстахъ отъ монастыря. Онъ имѣетъ видъ маленькаго монастыря. Маленькія небѣленыя зданія съ возвышающимся среди нихъ храмомъ окружены со всѣхъ сторонъ высокимъ и густымъ хвойнымъ лѣсомъ; рядомъ — огородъ, отъ него тропинка ведетъ къ пристани, на которой монахи берутъ воду. На восточной сторонѣ небольшая часовня съ зеленою крышею. Скитское зданіе построено четырехугольникомъ; корпуса его соединены каменною оградой, по угламъ которой башни съ остроконечными зелеными крышами.

Въ одноэтажныхъ корпусахъ размѣщены келліи скитской братіи; трапезная и кухня—въ отдѣльномъ флигелѣ.

Въ верхнемъ этажѣ храма—церковь во имя небесныхъ Силъ Безплотныхъ, въ нижнемъ—во имя Всѣхъ Святыхъ. Верхняя церковь имѣетъ характеръ „церкви торжествующей, небесной“. Въ ней масса свѣта отъ боковыхъ оконъ и отъ пролетнаго купола. Иконостасъ ея весь вызолоченъ; надъ рѣзными царскими вратами—большое сіяніе; иконы писаны по золотому фону золотистыми красками. Въ вершинѣ купола изображены:

Господь Саваоѣ въ сонмѣ ангеловъ, на стѣнахъ—Иисусъ Христосъ и апостолы.

Нижняя церковь теплая; иконостасъ деревянный съ дорическими колоннами. На четырехъ столбахъ храма размѣщены во весь ростъ живописные образа великихъ свѣтилъ монашества—„трусами валаамской братіи“; по порядку, заведенному Дамаскиномъ, иноки-художники не имѣютъ права выставлять своего имени на писанныхъ ими иконахъ, а имъ полагается пользоваться приведенною ничего не говорящей формулою.

Когда В. Н. Немировичъ-Данченко посѣщаль Валаамъ, то одинъ монахъ рассказываль нашему беллетристу объ отшельникѣ „Антипѣ“, который въ ту пору жилъ въ скиту Всѣхъ Святыхъ:

„...Нынѣ уже безмолствовать сталь,—рассказываль монахъ.—Ни къ кому не выходитъ и окно у себя держитъ всегда на затворѣ. Не видать было вовсе. Чрезъ дверь послушникъ подаетъ ему, что надо, и опять его три дня не видно. Ъсть онъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ. Его хотѣли было показывать, да старецъ воспротивился... Такъ и сидитъ на затворѣ. Прежде онъ на Аѳонѣ былъ,—не по душѣ ему стало тамъ. Суеты много и пререканій, ну и уставъ не столь строгимъ показался ему...“ „...Ему положено три тысячи поклоновъ въ день, двѣ тысячи поясныхъ и тысячу земныхъ. Да сверхъ того онъ долженъ прочитатъ нѣсколько параклисовъ, капоновъ, акаѳистовъ. Если бы онъ ѣлъ, ему бы никогда не исполнить этого послушанія. Оттого и не ѣсть“.

Въ нижней церкви псалтирь читается непрерывно днемъ и ночью. Каждый изъ братіи читаетъ поочередно два часа днемъ и два часа ночью. Работы у братіи много; кромѣ хлѣба она ничего не получаетъ отъ монастыря и должна, слѣдовательно, все остальное приобрѣсти собственнымъ трудомъ.

По рассказамъ монаховъ, нѣкоторые схимники, спа-

савшіеся на Валаамѣ, доходили до того, что никогда не мылись, такъ что тѣло ихъ покрывалось язвами и распухало.

„Скитъ св. Николая“ расположенъ на островкѣ при вѣздѣ съ озера въ Монастырскій заливъ. Часовня Никольская издавна стояла на вершинѣ острова, служа маякомъ для судовъ, плававшихъ на озерѣ: въ темныя ночи въ ней зажигался фонарь, свѣтъ котораго виднѣлся черезъ сдѣланныя на всѣ четыре стороны окна. Въ 1853 году на островѣ, средствами купца Солодовникова былъ воздвигнутъ во имя св. Николая небольшой, русской архитектуры, храмъ. Храмъ отличается наружнымъ изяществомъ и внутреннимъ благолѣпіемъ; иконостасъ вызолоченный, иконы отличнаго греческаго письма золотистыми красками, лампадки серебряныя вызолоченныя, и пр. Въ двухэтажномъ небѣленномъ домѣ расположены келіи настоятеля и братіи. Въ защищенной отъ вѣтровъ ложбинѣ раскинуть огородъ. Съ гранитнаго церковнаго парапета открывается прекрасный видъ на Ладожское озеро.

Въ семи верстахъ отъ монастыря грозно возвышаются темно-сѣрыя скалы „Святого острова“, покрытаго сосновымъ лѣсомъ и березнякомъ. Его опоясываетъ кругомъ широкая, ровная дорожка, устроенная почти исключительно трудами одного инока.

На этомъ островѣ спасался Александръ Свирскій, почему его и называли Святымъ островомъ. Слѣды пребыванія отшельника видны и понинѣ: его пещера въ разсѣлинѣ скалы и могила, осѣненная теперь гранитнымъ крестомъ, ископанная имъ, по преданію, собственноручно. Въ прежнее время недалеко отъ могилы отшельника стояла маленькая деревянная часовня. Въ срединѣ нынѣшняго столѣтія, вмѣсто этой часовеньки, пришедшей уже въ ветхость, была построена на вершинѣ острова новая большая деревянная часовня, а на мѣстѣ старой—простая келія, въ которой жили два монаха, неся по-

слушаніе: храпеніе и содержаніе часовни въ „приличномъ благолѣпіи“.

Когда нѣкоторые иноки заявили Дамаскину о своемъ желаніи удалиться для спасенія души на Святой островъ, явилась мысль построить на островѣ келліи, а новую часовню обратить въ храмъ для скитскихъ отшельниковъ. Въ 1855 году была освящена нынѣшняя церковь во имя преп. Александра. Это—простая деревянная церковь древне-русской архитектуры; въ ней, кромѣ священной утвари, нѣтъ ничего металлическаго: иконостасъ, паникадило, лампы, подсвѣчники — все вырѣзано и выточено изъ кипариса. Иконы въ иконостасѣ расположены въ три яруса; въ первомъ ярусѣ всѣ иконы отличной греческой иконописи, работы Пѣшехова.

Братскія келіи находятся въ двухъ небольшихъ деревянныхъ домикахъ; въ третьемъ домикѣ—кухня и трапеза. Братія состоитъ изъ шести монаховъ и двухъ послушниковъ. На вершинѣ острова, подъ деревяннымъ навѣсомъ, сдѣланъ колодезь, въ которомъ собирается сточная вода. Между храмомъ и келіями разведенъ огородъ, подъ защитою лѣса. На западной сторонѣ острова, съ вершины, по скалѣ, лѣзится лѣстница, ведущая къ пещерѣ преп. Александра.

Ладога постоянно бушуетъ вокругъ Святого острова. Бури такъ часты, что монахамъ пришлось обзавестись двумя пристанями: одна находится на сѣверномъ берегу, другая—на южномъ. Смотря по тому, съ какой стороны свирѣпствуетъ буря, монахи пользуются то одною, то другою пристанью.

На громадномъ скалистомъ островѣ Предтеченскомъ, расположенномъ въ 4 верстахъ отъ монастыря, находится самый строгій скитъ Валаамскій — Іоанна Предтечи, куда изъ богомольцевъ не пускаютъ почти никого. Тамъ живутъ нынче самые строгіе валаамскіе отшельники.

Чтобы попасть на Предтеченскій островъ приходится

ѣхать сначала Новымъ проливомъ, который затѣмъ продолжается въ Копаный каналъ, проведенный монахами Дамаскиномъ. При углубленіи этого канала пришлось скрыть гранитный выступъ горы. Черезъ Копаный каналъ изливаются въ Ладожское озеро многія внутреннія озера.

„Въ концѣ, гдѣ каналъ выходитъ въ одинъ изъ Ладожскихъ заливовъ, два его берега смыкаются и мы плывемъ по узенькой щели. Одинъ ея берегъ — каменный пологій мысъ, другой — крутая лѣсистая гора. Изъ-за ея вершины едва замѣтенъ зеленый куполь. Онъ словно прячется въ чашу отъ чуждаго взгляда. Это-то и есть скитъ — цѣль нашей поѣздки. Весной и осенью въ этомъ проливѣ ледъ слабъ — ни на лодкѣ, ни пѣшкомъ. Пустынники скита запасаютъ на это время сухари, тѣмъ и живутъ... Въ обыкновенное же время имъ ни молока, ни масла, ни рыбы не полагается: ѣдятъ овощи, пустыя щи, кашу съ квасомъ... Кругомъ вода. Островокъ — въ четверть версты въ ширину и половину въ длину. Точно на кораблѣ, затерянномъ среди океана, живутъ эти отшельники, почти не имѣя сообщеній съ остальнымъ міромъ. Съ своихъ вершинъ смотрятъ они на паруса далекихъ судовъ, скользящихъ по безбрежному простору озера, привязываются не на долго къ нимъ мыслью и грезой; видятъ иногда чухонъ-тюленьщиковъ, которые на своихъ лодкахъ плаваютъ мимо, стрѣляя морского звѣря. Изрѣдка въ непогоду пловцы просятъ ночлега и заночевываютъ въ лѣсу, вѣ стѣпъ скита... Жизнь этихъ отшельниковъ похожа на ту, которую ведутъ маячные сторожа на отдаленныхъ островахъ Сѣвернаго океана, да промышленники, поневолѣ зимующіе на островѣ Обрѣтенномъ, т. е. на Новой Землѣ“ *).

Во время оно Предтеченскій островъ назывался по фински Сурничанъ, т. е. монашескій. Можно предположить, поэтому, что въ ту пору, когда на Валаамскихъ

*) См. В. П. Немировичъ-Данчико. Крестьянское царство.

островахъ процвѣтало подвижничество и тамъ подѣ духовнымъ началомъ игумена находилось двѣнадцать скитовъ, на Предтеченскомъ островѣ былъ скитъ. Предполагаютъ также, что, по раззореніи Валаама шведами въ 1611 году, нѣкоторые монахи, по миновеніи опасности, возвратились опять на Валаамъ и поселились спасаться на островѣ Сурничанѣ.

Въ 1855 г. на Сурничанѣ устроена была небольшая часовня во имя Іоанна Предтечи, и съ тѣхъ поръ островъ сталъ именоваться Предтеченскимъ. Въ 1858 году эту часовню замѣнила церковь. Исторія этой церкви очень интересна.

Въ 1611 году, когда Валаамскій монастырь подвергся разоренію шведовъ, нѣкоторые монахи поселились на Ладогѣ въ Васильевскомъ монастырѣ. Здѣсь они построили небольшую деревянную церковь во славу Преображенія Господня, келіи и ограду. Со временемъ монастырскія зданія совершенно развалились, сохранилась только полуразвалившаяся церковь, перешедшая къ причту Васильевскаго погоста. Игуменъ Дамаскинъ пожелалъ перевезти на Валаамъ останки этой церкви. Св. Синодъ разрѣшилъ и церковь была перевезена въ Валаамскую обитель и установлена на прочномъ каменномъ фундаментѣ на островѣ Предтеченскомъ.

Церковь эта небольшая, одноглавая, съ граненою колокольнею; глава обита свѣтлымъ желѣзомъ, кресты всѣ мѣдныя, вызолоченныя черезъ огонь. Внутренность ея крайне проста и вмѣстѣ съ тѣмъ изящна: сосновый рѣзной иконостасъ и стѣны некрашенныя. Иконы древнія. Въ алтарѣ, на горномъ мѣстѣ, на большомъ крестѣ живописью во весь ростъ превосходно изображенъ распятый Спаситель; надпись на крестѣ сдѣлана на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ. На колокольнѣ одинъ колоколъ древній — время Борнса Годунова.

Еще до построения церкви здѣсь поставленъ былъ

деревянный одноэтажный домикъ съ мезониномъ, стоящій и понынѣ у самаго церковнаго крыльца. По близости отъ храма въ скалѣ высѣченъ колодезь, глубиною около двухъ сажень, всегда имѣющій хорошую воду. Церковь, домъ и колодезь обнесены четырехугольною досчатою оградой, выкрашеною въ черный цвѣтъ. Кругомъ ограды — ели и сосны, защищающія отъ вѣтра, а въ серединѣ разведень садъ съ фруктовыми деревьями.

Въ каменномъ фундаментѣ церкви св. Предтечи устроенъ пещерный храмъ во имя трехъ Вееленскихъ Святителей. Онъ весь высѣченъ въ скалѣ и въ немъ богослуженіе совершается въ зимнее время, когда въ деревянной верхней церкви слишкомъ холодно.

Пустыньки расположены на восточной и южной отлогостяхъ острова, въ густой тѣни сосноваго лѣса, „на верженіе камня“ одна отъ другой. Пустынекъ четыре. Всѣ они небольшія, деревянные, внутри оштукатурены; голыя нары, подъ голову полѣно. Вотъ и вся обстановка. Внутри же ограды, въ церковномъ домикѣ живутъ два послушника, обязанность которыхъ содержать въ порядкѣ храмъ. Въ томъ же домикѣ временно помѣщается іеромонахъ съ причтомъ, прибывающій изъ монастыря для совершенія церковнаго богослуженія, которое непрѣнно бываетъ въ недѣлю разъ или два.

Скиты живутъ своимъ хозяйствомъ. Обитель даетъ имъ только хлѣбъ. Овощи скитъ долженъ производить самъ.

„Воображаю, осенью и зимой, — пишетъ Немировичъ-Данченко, побывавшій въ скиту Іоанна Предтечи, — въ непроглядную темень ночей, какъ живутъ эти отшельники за версту другъ отъ друга. Только вой мятели, да стонъ вѣтра въ ущельи, да шорохъ снѣга, осыпающагося съ деревьевъ, и говорятъ ихъ чуткому слуху о жизни и движеніи. Мертва, какъ могила, келія и темна, какъ она. Свѣчей и лампадъ пустынники не жгутъ вовсе — не полагается имъ. Еще какъ печка то-

пится, такъ перебѣгающіи свѣтъ скользятъ по стѣнамъ бревенчатого сруба... Огня не зажигаютъ и въ церкви. Всю ночь въ ней пустынники читаютъ по очереди, во тьмѣ на память“.

Изъ прежнихъ пустынныхъ келій въ окрестностяхъ монастыря нѣкоторыя сохранились до сихъ поръ.

Пустынная келія о. игумена Назарія выстроена изъ камня, а потому сохранилась довольно хорошо. Отъ монастыря къ ней ведетъ широкая лѣсная дорога. Пустыня начинается аллею тѣнистыхъ кедровъ, дубовъ, липъ, далѣе виднѣется чаща пихтъ, лиственницъ, ели, сосны. Здѣсь прекрасно принялись даже посаженныя Дамаскиномъ американскія липы. Въ тѣни этихъ деревьевъ стоитъ небольшая часовня. Въ часовнѣ художественно написанный образъ неизвѣстнаго художника, фамилія котораго скрыта, по здѣшнему обыкновенію, подъ казенною формулой: „трудами валаамскихъ иноковъ“. Недалеко отъ часовни—красивая церковь. Въ лѣсу—поодаль отъ часовни и церкви находится маленькій домикъ и въ немъ крошечная келія. Въ этой пустынкѣ уединился о. игумень Назарій на время, во дни своего настоятельства и жилъ около трехъ лѣтъ по увольненіи отъ должности до отъѣзда въ Саровскую пустынь. Въ память строителя и возстановителя Валаамскаго монастыря, преподавшаго ему при томъ уставъ, поставленъ гранитный крестъ. Замѣтимъ, что по инициативѣ о. Назарія десять лучшихъ монаховъ были посланы въ качествѣ миссіонеровъ въ русско-американскія владѣнія (прежнія).

Деревянная пустынная келія схимонаха Николая—ученика Назарія—представляетъ крошечный домикъ, покосившійся на бокъ. Срубъ его весь заплеснѣвъль. Дверь въ келію до того низка и узка, что въ нее можно пробраться только ползкомъ. Въ келіи одно окошечко, столъ, стулъ, въ углу печка, около нея нара. Со времени посѣщенія келіи схимонаха Николая Императоромъ Александромъ I, надъ нею сдѣлапъ деревянный навѣсъ.

Коневскій скитъ, въ которомъ уединился покойный игумень о. Дамаскинъ находится въ глухой и дикой мѣстности, на берегу озера, у подошвы огромной скалы. Это — небольшая бревенчатая хижина, скрытая подъ тѣнью вѣковыхъ лиственницъ. На наружной стѣнѣ хижины прибитъ большой деревянный крестъ. Внутри— двѣ маленькія келіи. Въ первой, въ переднемъ углу, образъ, а на стѣнѣ виситъ гравированный портретъ отшельника. Во второй можно еле повернуться. Въ углу, образъ и передъ нимъ деревянные кресла. На полу стоитъ простой деревянный гробъ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ спалъ о. Дамаскинъ, ведя отшельническую жизнь въ пустынѣ. На стѣнѣ, надъ гробомъ висятъ его четки и клубукъ, какъ дорогія воспоминанія для мопаховъ. Недалеко отъ хижины — маленькій прудъ, а за нимъ церковь съ низенькою колокольнею. Кругомъ церкви— тѣнистые тополи и вязы.

Валаамская братія поставила о. Дамаскину памятникъ. Вокругъ памятника устроенъ цвѣтникъ весь засаженный бѣлыми и красными розами. Кругомъ памятника благоуханіе. Самый памятникъ представляетъ собою высокую гранитную плиту, на которой водруженъ каменный крестъ. Памятникъ обнесенъ изящнаго рода металлическою рѣшеткою.

Этимъ мы и закончимъ наше описаніе Валаамскаго монастыря.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Соловецкій монастырь	3
II. Михаило-Архангельскій Корельскій монастырь	51
III. Крестный монастырь	58
IV. Новгородскій Сырковъ женскій монастырь	62
V. Новгородскій Кирилло-Бѣлозерскій монастырь	83
VI. Свято-Троицкій Александро-Свирскій монастырь	118
VII. Сядемская пустынь	129
VIII. Палеостровскій монастырь	131
IX. Спасо-Каменный на Кубенскомъ озерѣ монастырь	137
X. Валлаамскій монастырь	150